

Сергей Сокуров

Сказания древа КОРЪ

Сергей Анатольевич Сокуров

Сказания древа КОРЬ

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6448148

Аннотация

Действие историко-приключенческого романа С. Сокурова длится 190 лет, начиная с декабря 1812. Сменяются поколения. Потомки четверых участников Отечественной войны, служивых людей Борисовичей, как предсказала таинственная маркитантка, расходятся по России, по смежным странам, теряют друг друга из виду. Многим из них выпадает удивительная судьба, большие испытания жизнью. Часть родовых ветвей приживается на иноземной почве, среди *иных языков*. Но сохраняется в душах даже уже далёких сородичей ощущение одного *корня*, причастности к неистребимому русскому племени. И во дни катастроф, потрясающих родину и прародину, далёкие потомки однодворца Бориса, Иванова сына, стихийно тянутся к некоему единому центру общей для них территории, которая сзывает их голосами предков, нуждающихся в помощи. Автор романа, придавая особое звучание «приключенческой струне», вводит в повествование семейную легенду о серебряном блюдце. Якобы братья Борисовичи, при последней встрече, разрубили его на части, которые разобрали на амулеты-обереги, пометив их своими инициалами. Почти два века спустя эти предметы стали вещественными доказательствами принадлежности к единой Большой Семье для тех, кто их представил. Действуют в романе и мифические персонажи, олицетворяющие Зло (в противовес Добру, что живёт в душах главных героев). Но их появление в настоящем сочинении не превращает его в сказку, лишь придаёт ему оттенок русского сказания, *преданий старины глубокой*, былины.

Содержание

Пролог	5
I	5
II	7
Книга I	13
Часть первая. БОРИСОВИЧИ	13
Глава I. Подпоручик Игнатий и Кшыся	13
Глава II. Пётр и Александр	16
Глава III. Андрей Корнин и царь	20
Глава IV. Сергей Борисов и маркитантка	22
Глава V. Серж Корсиканец	27
Глава VI. Артиллерии отставной штабс-капитан	30
Глава VII. Игнацы Корчевский	32
Глава VIII. Каторжник	34
Глава IX. Црна Гора	37
Глава X. Каракорич-Рус	41
Глава XI. Брат, сестра и Хруновы	43
Глава XII. Наперсник Негоша	47
Глава XIII. Аша	52
Часть вторая. ИСХОД	56
Глава I. Император	56
Глава II. Служба царская	58
Глава III. Тайное задание	62
Глава IV. Старец и художник	64
Глава V. Женитьба, приплод и дальняя дорога	68
Глава VI. Борисовка	71
Глава VII. Золотое руно	73
Глава VIII. Неожиданный гость	76
Часть третья. НОВЫЕ ВЕТВИ	81
Глава I. Господарь Божьим велением	81
Глава II. Всесильный министр	84
Глава III. Несостоявшийся информатор	86
Глава IV. За минуту до беды	89
Глава V. Злоумышленник	91
Глава VI. Родства не помнящий	95
Глава VII. Декабристка по-польски	98
Глава VIII. Уютная Даша	100
Глава IX. Кризис	104
Глава X. Дневник племянника	106
Глава XI. Жизнь в Раю	109
Глава XII. Опальный государь	113
Глава XIII. Визит к дяде	116
Глава XIV. Встреча поэтов	117
Глава XV. Миссия Дмитрия Каракорича-Руса	118
Глава XVI. Борис Андреевич Корнин	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Сергей Сокуров Сказания древа КОРЪ

И ответил дух добра и чистых стихий Агура-Мазда на вопрос растерянных людей, ищущих бога, в чём зерно его учения: «Кто пашет поле, кто сеет хлеб, тот воздвигает Аша – Царство Света и Правды».
Авторский пересказ из «Авесты»

Пролог

I

Если вы путешествуете из Петербурга во Псков, вам не миновать Сиверского городка, что в тридцати верстах к югу от Гатчины. А остановитесь здесь на денёк, непременно загляните в увеселительное заведение под вывеской «У Анграманна». Владеет значным местом «новый русский» неопределённого возраста по редкому, можно сказать, редчайшему имени *Эшмо*, по фамилии, вынесенной на вывеску над входом в погребок. Развязные завсегдатаи, почти жильцы подполья, предпочитают кличку *халдей*. В советское время знали в городке *Анграмановых*. Перестроечный представитель этого рода сообразил, что слог «ман» явная находка при занятии *бизнесом*. Добавьте теперь второе «н» к тому «ману»! Звучит? *Супер*, выражаясь на современном великом и могучем сленге.

Эшмо Эшмович Анграманн (так в паспорте гражданина Российской Федерации), человек малообщительный во вред заведению, о происхождении своём ни слова, кривой усмешкой отвечает на досужий вопрос, не с Кавказа ли он. Порывшись в городском архиве, можно, наверное, обнаружить автобиографию какого-нибудь Анграманова (с одним «н»). Бросится в глаза странный почерк, будто рука привыкла не буквы, а иероглифы писать. Возможно, жизнеописание не обойдёт и предков автора. Ими окажутся некие *парсы*, уроженцы Бомбея. Они якобы бежали из порабощённой английскими империалистами Индии. Однако всеведущие сиверцы утверждают, что владелец кабачка и всего каменного дома с угловой башенкой, похожего на маленький замок, натуральный семит. И в подтверждении своей уверенности укажут на выдающийся нос предпринимателя, назвав его «шнобелем», на мелкую волнистость конских (по жёсткости) волос на голове да на оттопыренные, острые уши. Ради справедливости, возражу: подмеченная «волнистость» характерна отнюдь не для сородичей царя *Давида*. Скорее для персидских мужей эпохи *Ахеменидов*. Взгляните на их рельефы.

Местные историки-любители к этой интересной информации добавляют, что Анграмановы в каждом поколении были представлены единственным ребёнком – мальчиком, которому неизменно давали имя Эшмо. И вот какая странность: никто здесь не видел жён, хозяек, вообще работниц. Когда очередной Анграманов отдавал Богу душу, объявлялся взрослый сын, фигурой, лицом и манерами похожий на усопшего отца («как две капли воды» говорят в таком случае). Он вступал во владение недвижимостью и делом. Предание упоминает здесь постоянный двор задолго до появления Сиверского городка. Обнаружен старинный портулан Ингерманландии, как шведы называли Ижорскую землю. На нём, у перекрёстка дорог, показано одинокое строение, трактир по всем признакам. Кому оно принадлежало, неизвестно. В народной памяти, кроме вереницы Эшмо, ни одного имени не осталось.

При царях, выправляя паспорт, на вопрос «православный или какого другого исповедания?» энный по счёту наследник трактира отвечал: «*Верю в Спасителя, рождённого от девы*». Понятливый чиновник записывал пришлого (с виду басурмана) православным. Новый прихожанин посещал Дом Божий по большим праздникам. Вперёд, к именитым, не протискивался, скромно выстаивая службу в затенённом углу придела.

Революция не стала рубить сук на котором комиссары отдыхали за чаркой после борьбы за счастье человечества. Первым нэпманом здесь стал Анграманов. Последовавшая национализация превратила трактир в подвальную «точку общепита» со скучным собственным названием «Столовая» (в народе – «столовка»), где подавали вино в разлив. К удивлению многих, на должность заведующего был назначен «нетрудовой элемент». Он вовремя вспомнил о своём более чем пролетарском происхождении. Оказалось, его бомбей-

ские праотцы были рикшами. То есть возили на собственных горбах колонизаторов. В анкетах заведующий не писал, как другие, «атеист». Он многословно подчёркивал свой атеизм отрицанием Христа и Христовой церкви, а также Торы и Корана, буддийских ценностей и языческих верований. Здесь необходимо отметить, что никто из колена Анграмановых в вопросах веры ни разу не солгал – ни царским, ни советским чиновникам. Причина этого станет понятна позже. Что – что, а этическое правило «не солги» никем из них не нарушалось. Они всегда говорили правду, но настолько иносказательно, что можно было толковать сказанное так и сяк. Из тонких, резко изломанных, будто зигзаг, уст Анграмановых бранные слова не вылетали. Даже чёрта они называли *чёрным ангелом*, а плохую девчонку *дэвкой*, и это «э» облагораживало неблагозвучное слово.

Ещё один признак был характерен для всех, кто звался Эшмо: они плохо переносили солнце. В ясную погоду тот или иной Анграманов покрывал голову шляпой с широченными полями, а когда дневной свет был особенно ярок, вообще старался не выходить из дому. Да что там солнце! Наблюдательные сиверцы заметили, что и в самый глухой ненастный вечер в «маленьком замке» сразу гасили все огни, лишь хозяин выпроваживал из кабачка последнего посетителя. Будто не люди, а видящие в темноте кошки населяли дом. Сиверский городок в лице одного из Эшмо открыл в России эру очков с затемнёнными стёклами, причём, такой черноты, что проще было бы накладывать на глаза повязку из плотной ткани.

Вывести на чистую воду советского человека Эшмо Эшмовича попытался один из постоянных клиентов «столовки», лишённый заведующим кредита за бесконечное нахождение в «чёрном списке». Был он в прежней, трезвой жизни человеком больших дарований. Учился, говорили, до отчисления за «проступки, порочащие комсомол», в каком-то редком институте, что-то вроде «восточных языков». Так что не с бухты-барухты вещал, но словами знатока из лексикона падшего интеллигента. Дескать, этот падлюка, жмот, хуже жиды пархатого, парс не по национальности, потому что такого народа вообще не существует. Он член тайной антисоветской секты парсов. Причём, извращенец, ибо не огню поклоняется, как нормальные парсы, верующие в этого... *Агура*... как его... словом, Ормузда, а тлеющим головёшкам, пеплу, покойникам («Ни одни похороны в городе не пропустит, сам видел, сука буду!»). Значит, вроде тайного сатаниста. Ведь не зря имя такое – Эшмо! «Что значит Эшмо?.. Плесни, браток!.. Это Асмодей, одно из имён дьявола, *дэва*, по-ихнему. И фамилия – Анграманов! Так это же дух тьмы *Ангра-Манью*! Понимаешь? Слушай, возьми бутылку, завтра выставлю ответную».

Может быть, после таких речей «околостоловковская» общественность и поднялась бы против местного дэва, да ниспровергатель зла в затрапезном пиджаке с отвислыми пустыми карманами, перегнул палку, когда коснулся того, чего в приличных домах не говорят. Эшмоде спаивает народ, торгуя «зелёным змием». Такой поворот местных «зелёных змеепоклонников» не устраивал. Подавляющим большинством голосов городка тему закрыли.

Что касается перестройки... Доберёмся и до неё – к концу романа. А сейчас обратимся к двухвековой давности.

II

На исходе 1812 года в винный погреб трактирщика Эшмо Анграманова спустилась четвёрка ранних посетителей. Были они очень молоды. Ладно сидели на них выдавшие виды шинели из серого сукна, с пелеринами, подпоясанные некогда белыми офицерскими шарфами. Головы двоих покрывали внастрочные фуражки с чёрным околышем, под цвет стоячих воротников. Третий отличался красным воротником и треугольной шляпой с плюмажем из общипанных ветрами чёрных и оранжевых петушиных перьев. Четвёртый красовался кивером, нарядным от цветных шнуров и приборной меди. Эти различия позволяли сведущему в особенностях обмундирования русской армии предположить, что уютному подвальчику на военной дороге оказали честь представители разных родов войск. А когда головные уборы, шинели, шпаги армейского образца и перчатки были брошены на лавку, такое предположение превращалось в уверенность.

Гусар Александрийского полка определялся сразу по ментуку, доломану, ташке и рейтузам чёрного цвета, местами оживлённых красным сукном. Остальные молодцы, при эполетах красного поля, были в тёмно-зелёных двубортных кафтанах фрачного покроя, и панталонах, обещающих стать если не белыми, то серыми после стирки. Два чёрных воротника с красной выпушкой на мундирах различались тем, что один из них имел «учёную выпушку» – метку офицеров инженерных войск в виде серебряной галунной обшивки. Следовательно, второй чёрный воротник мог принадлежать артиллеристу. Золочёные пуговицы подтверждали. А красный воротник владельца треуголки подтверждал: линейная пехота, *царица полей*, составила в злачном месте компанию трём другим родам войск. Высеребранный медный полумесяц на груди пехотинца, с рельефным орлом, так называемый *ринограф*, указывал на чин подпоручика. Другие молодцы, судя по некоторым деталям и особенностям мундира, пребывали также в чинах не высоких.

В тот предрассветный час они оказались в погребке первыми. Выбрали стол у глухой стены под скатом крестового свода. Помещение наполнилось зычными голосами. Артиллерист и «линейный», оба голубоглазые и белые лицами, отличались высоким ростом и плотным сложением. Двое других (инженер и гусар) – были заметно ниже их, худощавы, быстры и ловки в движениях, глазами и ликом темны. Объединяли молодую четвёрку одинаковые волосы на голове, светло-русые и слегка волнистые. Если для пары великанов они были естественны, то их смуглые спутники выглядели так, будто надели парики из чужих волос.

Одинаковая «масть» громогласного «квартета» навела хозяина на предположение, что перед ним кровные братья. Он, разумеется, не видел и не слышал, как у входа в погребок, на вежливое требование патрульного офицера представиться, старший по чину, поручик полевой артиллерии, назвал четыре имени, добавляя к каждому «сын Борисов». При этом, произнося «Андрей», склонил голову и щёлкнул каблуками.

Раскрою истину. Двое гигантов, погодки (один из них – Андрей), наследовали дородство, окраску кожи и глаз матушки, природной волжанки. Младшие братья пошли в отца, человека неизвестно откуда пришлого на Нижегородчину, чернявого, как цыган, сухого и выносливого, точно мул, наградившего ребят трубным голосом. Он передал детям и мулье своё здоровье. Матушкиного же и на саму себя не хватило. Зато она одарила всех наследников чудесными своими волосами, ибо Борис Иванович, сколько помнили его родные, под вечным картузом ничего не имел, кроме черепа, обтянутого вытертым до блеска пергаментом.

Из разговора, происходившего за столом, Эшмо уверился в своём предположении и выудил много любопытного. В частности, он понял причину трудного сбора братьев. Мудрено было собраться офицерам из разных полков, гнавших Бонапарта.

Свела Борисовичей кончина батюшки, вдовца, который *сам пахал* в родовой вотчине на правом берегу Волги, следовательно, *одnodворца*. «Одnodворцами» называли людей служилого сословия, владевших землёй *в один двор*, да «душами» наперечёт пальцев одной руки. Одним двором такой барин с семьёй и люди его жили, хоть в разных избах; вместе и поле обрабатывали. Борис Иванович, пристроив сыновей на царскую службу, кормил дочерей. Как им теперь без отца? Понятно, почему был невесел разговор горе-наследников за дешёвым вином.

Обсудив письмо сестры, полученное Андреем, теперь старшим в роду, одобрили его решение отпуска не просить. Посчитали постыдным для русского офицера в такое время уклониться от французских пуль. Правда, старший умолчал о другой причине остаться в строю: «А вдруг какая «дура», мне предназначенная, другому брату достанется! Как жить с таким грехом?»

– Антонине отпишу, – поставил точку Андрей, – хозяйство беречь бабьими силами с помощью Архипа да Силантия... Кто ещё там живой? – (ответа не получил, продолжил). – А как поход закончим, тогда порешим, кому из нас на земле быть, кому дальше лямку тянуть, офицерским жалованьем довольствоваться.

– Ежели кому будет решать, – воспользовался паузой безусый подпрапорщик, самый младший из четвёрки. Быстро заглянул в глаза братьев, увидел в них одни вопросы. – Война, как пить дать, ещё годы продлится. Может, никого из нас и в живых не останется. Так что давайте сразу бумагу в Нижний составим: так, мол, и так, отказываемся от наследства в пользу незамужних сестёр.

Мысль недавнего выпускника Санкт-Петербургского инженерного училища, одобрил второй из гигантов, пехотный подпоручик:

– А что, верно толкует Петруша. Оставим Ивановку сёстрам. По правде, я складывать свои кости в землях немецких не намерен, только домой мне ходу нет. Там всё равно, что христарадничать. Лучше уж до конца «ать-два, ать-два». Император наш, полагаю, наградит слуг своих, живота за него и за Отечество не щадивших. Давайте Бога просить, чтобы помог узурпатора одолеть в Европах этих. За труд и награда будет.

«Чёрный гусар», в чине корнета, досадливым жестом прервал брата. Три пары глаз уставились на него. Первый из младших братьев, более чернявый, чем Петруша, с пушистыми усиками, умудрялся быть одновременно и весело-нервным и угрюмым.

– Эка хватил, Игнатий! Держи карман шире! Что за проклятая русская натура всё у Боженьки выпрашивать, да на царя-батюшку надеяться. По мне, лишь руки наши собственные нам в помощь да голова, да удача в придачу, которая идёт навстречу тем, кто не ждёт её на печи, а ищет по всем направлениям.

Андрей глянул на *третьяка* строго и снисходительно:

– Что за особа такая – удача? Поясни.

Гусар вопрос в шутку не перевёл, неудовольствия поручика (теперь ставшего отцом для младших) не побоялся, понёсся дальше, горячась всё больше.

– Простите, братцы, за речи не по чину. Темнота вы ивановская, даром училища, словесные да арифметические, покончили и возле образованных трётесь. Удача – девица капризная: сегодня – такая, завтра – иная; то наградит вдруг, то как липку обдерёт – неудачей обернётся. С неё нельзя глаз спускать и, главное, не перечить ей. Но, принимая зло, как неизбежность, избавляться от него праведно. Не терять чести и достоинства. То есть быть верным слову и своим убеждениям, меньше мечтать пустопорожне, больше трудится в поте лица своего. Удача достойного заметит и оценит, и, глядишь, вновь на добро расщедрится. Только она никогда не догоняет ленивца, бредущего вслепую. Она становится на пути между целью и тем, кто уверенно идёт к задуманному через завалы и ямы и гадаёт: наградить – не награждать, а то и вовсе сделать дорогу непроходимой. Поравняешься с ней, тогда и решит.

Игнатию монолог наскучил:

– Нагородил ты словес, Сергей, угомонись! Выпьем лучше за нашу удачу.

– А мне плеснёте, кавалеры?

В световом круге от подвешенной над столом масляной лампы под жестяным абажуром показалась тонкая рука с серебряным блюдцем, на котором стоял на высокой ножке узкий бокал из хрусталя. Короткое замешательство, и мужчины вскочили. Упала табуретка. Андрей поставил её на место и переместился на шаг вбок, жестом приглашая незнакомку разделить с офицерами стол.

– Благодарю вас. За удачу пьют стоя.

Голос – глубокое, звучное контральто – завораживал. Братья подчинились ему. Петруша, начав с бокала дамы, стал было разливать из кувшина остатки вина, да Сергей, спохватившись, остановил его окликом:

– Эшмо! Неси лучшее, что есть, не этой дряни!

Хозяина за прилавком не оказалось. Гусар завертел головой, всматриваясь в затенённые углы – куда девался чёрт носатый? И замер, изумлённый: сквозь хрусталь бокала на серебряном блюдце просвечивало искристое вино гранатового цвета. Перевёл взгляд на стакан старшего брата, уже наполненный наполовину. То же самое – солнечный дар лучших виноградников юга. А ведь несколько минут назад из этого кувшина, что держал в руках растерянный последыш, они, соблазнённые дешевизной, пили мутную, бурого цвета жидкость, не столько пьянящую, сколько вбивающую в мозг тупой кол. Взял из рук младшего кувшин, подозрительно заглянул в него, понюхал. И запах другой – ну, просто аромат райского сада! Осторожно стал разливать по пустым ещё стаканам. Чудо повторялось. Видимо, братья Сергея этого не заметили. Они во все глаза разглядывали незнакомку, а та, ловя взгляды молодых мужчин, отвечала каждому лукавым прищуром странных очей и лёгкой улыбкой узких и бледных, красиво очерченных губ.

Когда гусар перехватил взгляд женщины, ему открылась тайна её глаз. Они у неё были слегка раскосы и разно окрашены (левый – насыщенного бирюзового цвета, правый – карий, тёмного оттенка). Занимало изображение и несоответствие между молодым, без единой морщинки, чистым лицом и ровно седыми, с блеском начищенного серебра волосами. Зачёсанные от висков и высокого лба к затылку и там схваченные чёрной лентой, они ниспадали из-под банта крупными локонами до пояса. Небольшая её головка с мелкими чертами несколько скуластого, смуглого или сохранившего летний загар лица была не покрыта, точно у девушки. «Разночтение» внешних признаков не давало возможности определить её возраст.

На незнакомке поверх кофточки из чёрного шёлка была надета бархатная безрукавка бордового цвета, расшитая речным жемчугом, обтягивающая маленькую грудь. Узкие плечи покрывала чёрная шаль. Такого же цвета юбка спускалась от тонкой талии, стянутой широким красным поясом, округлыми складками до середины голеней. Стройность бесстыдно открытых ног подчёркивали изящные полусапожки чёрной кожи, также расшитые речным жемчугом.

Сергей отметил про себя цветовое сходство своего мундира с нарядом незнакомки: чёрное и красное. Ему удалось рассмотреть это сказочное видение во весь рост и со всех сторон, когда он обходил стол, чтобы не тянуться через него к даме с протянутой стопкой, подобно мужлану. Гусар галантно прикоснулся краем своего захватанного, стакана к донышку сверкающего бесцветным хрусталём бокала и умудрился, как полагалось благородному русскому офицеру, поцеловать «фарфоровый» (определил он) мизинчик.

...Губы обожгло ледяным холодом. Кавалерист невольно отшатнулся, вызвав ироническую улыбку в уголках бледных губ красавицы. Сбитый с толку каким-то смутным, тягост-

ным предчувствием, он вернулся на своё место за столом, и сразу раздался под сводами подвального помещения звучный контраalto:

– Так за удачу, кавалеры!

Сдвинулись над столом с глухим звоном сосуда с вином, запрокинулись мужские головы, одним махом осушая стаканы. Когда женщина, не торопясь, допила своё вино, все пятеро совершили жертвоприношение Духу Удачи по русскому обычаю – рассыпалось по каменным плитам пола битое стекло. И вновь заговорила незнакомка, по-русски чисто, но произнося каждый звук старательно, словно прилежная в учении иностранка:

– Верьте мне, братья Борисовы: поход вы закончите победой и все живы останетесь. Но события и воля сильных расшвыряют вас по империи, а кого и за её пределы. В последний раз вы вместе, больше никогда не увидите. Вам и вашим внукам, и детям ваших внуков, их потомкам ближним и дальним суждены испытания жизнью. Они никогда лёгкими не бывают. Некоторым из потомства Борисова выпадут приключения необыкновенные. В радость ли, в горе – кто как их воспримет. И этим определит себе цену. Родину вашу ждут страшные войны и потрясения. Тайна покроет конец двух царей, и будут два царевубийства, на последнем и сама Россия во гроб ляжет. Но из гроба сможет встать, если корни её служилого люда не засохнут. Берегите их. Вам только и сберечь. Не поминайте лихом.

Хлопнула дверь за стойкой. Офицеры обернулись на звук. В свете коптилок на полках с бутылками обрисовалась тощая фигура Эшмо с двумя большими кувшинами в руках.

– Что ж ты, халдей лукавый, такую красавицу от приличных людей прячешь? – шутя, усилив громовые нотки в голосе, окликнул его поручик.

– Притом, Кассандру, – поддержал старшего брата Петруша.

И все четверо вновь обратили взоры на... на то место, где только что стояла предсказательница. Она исчезла. Будто не было её вовсе. Однако серебряное блюдо на торце стола свидетельствовало, что седоволосая молодка братьям не привиделась. Андрей подозвал хозяина.

– Мы только что беседовали здесь с женщиной. Она твоя жена, хозяйка?

Восточный нос сделал отрицательное движение.

– У меня нет жены.

– Ну, сестра, дочь? Или прислуга?

Анграманов пожал плечами:

– В доме нет женщин. Я живу один. Справляюсь.

Андрей обошёл стены, пробуя богатырскими руками железные прутья на окнах.

– Так, так... Сюда можно проникнуть незаметно через чёрный ход?

– Дверь на надёжных запорах, господин офицер. По лестнице я поднимался и спускался, она была у меня на виду.

Игнатий хлопнул себя ладонью, размером с окорок, по лбу, да так, что, будь это лбы младших братьев, то пришлось бы их выносить вперёд ногами.

– Сдаётся мне, я понимаю, – и виноторговцу. – Ступай, любезный к себе, – дальше братьям, перейдя на шёпот, когда они вновь уселись за столом. – Это всё от чёртова пошла! Привиделось. Что мы пили? Дай кувшин! – (поскольку стаканы и бокал превратились в осколки, пехотный подпоручик вытряхнул на серебряное блюдо густой, бурого цвета винный осадок, поднёс к губам, лизнул с гримасой отвращения). – От этого и слон ума лишится.

– Слишком просто, брат, у тебя выходит – допились до чёртиков, – усомнился Андрей. – Давайте-ка обменяемся впечатлениями, кто из нас что видел что слышал. Если мнения совпадут, значит, была та девица. Если не совпадут – каждому в отдельности привиделось от снадобья Эшмо, будь он неладен. Начнём, как положено у военных, с младшего по чину.

Впечатления от внешности незнакомки у сыновей Борисовых, в целом, совпали. Одинаково запомнилась всем и короткая речь незнакомки, и вкусовое ощущение дорогого вина,

которого в кувшине не могло быть и, судя по осадку, не было. И всё-таки в реальность виденного трое из четверых до конца не верили и словам предсказательницы значения не придали. Только гусар отстаивал мнение, что седовласая девица не была плодом отравленного алкоголя ума.

– Ничего нам не привиделось! Была да сплыла бестия, выскользнула за дверь мимо ротозея хозяина – и вся недолга. Маркитантка она. Так одеваются только маркитантки. Все они гадалки, а эта особенная, колдунья. Сдаётся мне, правду она о нас сказала – не свидимся мы больше, не суждено. В последний раз мы вместе. Дети наши уже родства, имён дядей и не вспомнят. И друг друга не признают. Ведь кто мы? Борисовы сыны, Борисовичи. У нас даже нет настоящей фамилии. Коль уж не встретимся никогда, давайте условимся о заветном слове. Оно вроде пароля нам будет. Когда придёт время обзаводится фамилией, пусть каждый из нас навертит буковок, сколько захочет, вокруг того слова. Возьмём... Что возьмём?... Ну, хотя бы «*кор*» – от слова «корень». Какой корень, спросите? Да наш – сынов Борисовых корень! Притом, «*cor*» на латини значит «сердце». Тоже со смыслом. В груди каждого из нас одно сердце бьётся, русское. Крикнешь «*кор!*», звучит, издалека слышно.

Слова гусара развеселили братьев.

– Красиво говоришь. Ну, ты ж у нас любимчик муз, – заметил Игнатий, снисходительно улыбаясь.

Сергей остался серьёзным:

– А чтоб не забыть уговор... Хозяин, во сколько оцениваешь этот чёртов металл?

Серебра у Анграманова в заведении сроду не водилось. Сунутое ему под нос блюдце видел он впервые. Но отчего бы не признать, раз его благородие спрашивает? И Эшмо уверенно называет цену.

– Добро, – не стал торговаться гусар. – Неси вина, что с маркитанткой пили, не этой дряни.

Кувшин полетел в угол. Черепки разлетелись, и словно капли крови брызнули на стену. Хозяин, будто не заметив безобразия, отправился выполнять заказ.

– погоди, Крёз! – властно вмешался Андрей. – Ты что, на вдове купца женился?

– Вчера карта шла, – пояснил корнет, устанавливая на столе блюдце. Поднялся с табурета и обнажил саблю. – Отойдите-ка в сторону.

Поручик с гримасой нарочитой покорности повиновался, бросив: «Чем бы дитя не тешилось. Пусть его». Игнатий и Петруша последовали за старшим братом подалее от рубаки. В свете масляной лампы блеснул клинок, глухо вскрикнула дубовая столешница, и серебряное блюдце разлетелось на две части. Обе подверглись той же участи. Гусар рубил лихо, умело, но всё-таки каждый из четырёх секторов по размеру немного отличался от других. Вложив саблю в ножны, Сергей собрал четвертушки. Стоя, изогнувшись над столом, стал аккуратно выцарапывать осколком хрустального бокала на серебре инициалы Борисовичей – А, И, С, П. При этом он согласовал старшинство по возрасту с размером обрубка. Закончив работу, сложил четвертушки впритык, прочитал вслух по часовой стрелке:

– АПИС... – задумался. – Слово какое-то... На имя похоже, не христианское. Где-то слышал. Или читал...

Хозяин за стойкой напрягся. Неужели опять неудача? Он долго ждал! Очень долго. Это входило в задание – ждать. Каких лиц? В каком количестве? Эшмо не знал. Надо было подкараулить в одно время несколько посетителей, не из простых, связанных родственными узами. Притом, имена их должны быть таковыми, чтобы при перестановке инициалов образовалось имя одного из извечных врагов людей, особенно этих. Главное, чтобы оно прозвучало под сводами погреба. Когда братья в разговоре называли друг друга, Эшмо вмиг сложил в уме все комбинации. Увы, большинство образованных слов оказались без смысла. Одно, АПИС, было именем быка, земного воплощения египетского бога Пта, покровителя наук,

искусств и ремесла. Чур его! Другим можно было бы начать проект, одобренный там, куда виноторговца и на порог не пускали, если бы не досадная мелочь. В том слове не хватало конечного звука, изображаемого в русском письме буквой «д». Как обойти это препятствие?

Невольно виноторговцу помог, ничего не подозревая, Игнатий. Услышав «Апис», он заметил:

– Хорошо, что не Аспид.

«Аспид! Аспид!», – как никогда громко отозвалось эхо под низким сводами зала. Эшмо удовлетворённо потёр за стойкой руки. Конечно, это не совсем то, что он ожидал, далеко не отлично, но, как говорят в этой стране, «на безрыбье и рак – рыба». На исполнение проекта придётся затратить немало дополнительных сил. Что ж, он готов. Выбора у него нет.

Гусар разворошил пальцами рубленное серебро.

– Ладно, разбирайте. На память о нашей встрече. Последней. И помните: «кор»!

Братья вновь сели за стол, теперь украшенный тремя сабельными шрамами, разобрали куски серебра, рассовали по карманам.

Потом пили вино, лучшее вино трактирного подвала в Сиверском городке, хотя того, что разделили с маркитанткой, не нашлось. Пили много, молча, как-то оцепенело, определил Эшмо, внутренне иронизируя над податливостью троих взрослых людей вздорному, казалось со стороны, капризу четвертого из них, одного из младших. Похоже, на гусара сильнее, чем на других братьев, подействовали чары маркитантки, но ведь остальные, не столь очарованные, могли бы привести в чувство одного. Нет, много не понимал в России виноторговец, хотя родился здесь, а до него рождались и жили несчётные Эшмо, его предки.

В тот день больше никто не заглянул к нему. Странно. Последние недели войска шли из Петербурга на юг потоком. Но хозяин посчитал, что день удался.

Книга I БЕЛАЯ ИМПЕРИЯ

Часть первая. БОРИСОВИЧИ

Глава I. Подпоручик Игнатий и Кшыся

На исходе января 1813 года взвод русской пехоты столкнулся у Вислы с таившимися в заснеженном лозняке французами. Единственной жертвой короткой схватки стал подпоручик Игнатий, сын Борисов. Он получил в живот осколок гранаты. По тем временам ранение брюшной полости было смертельным. Неизбежный в таких случаях перитонит не лечили. Лекарь развёл руками и велел звать священника. Недаром на Руси изначально презренное брюхо и жизнь, Божий дар, назывались одним словом – «живот».

Полковой батюшка, отправляющий на ходу церковные требы, поспешно исповедал умирающего и велел денщику влить стакан водки в разинутый от стога рот живого покойника. У того нашлись силы на вызов небу хриплым голосом: «Эх, жизнь – кишки с дерьмом!»

Пока алкоголь туманил сознание, подпоручик успел запомнить подошедшую к нему сбоку молодку в чёрно-красном наряде. По седой, непокрытой головке узнал маркитантку. «Стерва! Слукавила: не все Борисовы увидят Париж. Дай Бог остальным дойти!», – бредил умирающий в полузабытье, всё глубже погружаясь в темень, когда несли его солдаты в ближайший от места стычки фольварк.

Очнувшись, Игнатий увидел белый лепной потолок, хрустальную люстру на крюке. И сразу склонилась над ним неземной красоты дева, в золотых кудряшках, вся бело-золотая. «Сон? Или в раю?» – прошептал раненый и ощутил жизнь земную, лучшую из двух по своей определённости. Это ощущение обожгло изнутри грудь, опьянило сладко-мучительной радостью, что испытывают, наверное, те, кому объявляют о помиловании на эшафоте. Вскочить бы на ноги, да пуститься в пляс, да петь, кричать во всё горло, да тискать всех встречных и поперечных в объятиях. И подхватить на руки это кружевное с ласковыми глазами облачко, и понестись с ним к потолку, вокруг люстры в дикой мазурке. И говорить глупости, безбожно, откровенно врать о своих подвигах и производить впечатление неосуществимыми великими планами. Но тело желаниям ещё не повиновалось. Только губы складывались в улыбку и пытались оформить в слова звуки, возникшие в груди.

– *Цо пан мувье?*

– Где я?

– *Маеток пана Корчевского. Я его цурка, Кшыся.*

– Цу... Дочурка?... Кры...

– *Так, так, Христина.*

Напрасно гадать о причинах чудесного, из ряда вон выходящего выздоровления второго сына однодворца Бориса Ивановича. Остаться среди живых он мог благодаря и богатейшему здоровью волжанина, и искусству местного *лекажа*, и какому-то хитрому снадобью, изготовляемому из заговорённых трав, и самозабвенному уходу панночки Кшыси. Скорее всего, последнему. Во всяком случае, он так считал до конца своих дней. Как бы там ни было, через два месяца после смертельного ранения подпоручик инфантерии, вписан-

ный в армейской канцелярии в реестр убиенных, мог выходить в парк при усадьбе Корчевских. Он был способен на самостоятельные прогулки, однако, просыпаясь утром неизменно с мыслью о сиделке, сразу впадал в слабость и не решался передвигаться по дому и вокруг него, если не чувствовал опоры в виде слабой ручки Христины. Хрупкая на вид барышня никогда не отказывалась сопровождать выздоравливающего великана, который, случалось, вдруг начинал валиться с ног, слава *Матке Бозке*, в сторону панночки.

Старый пан Корчевский не разделял самоотверженности своей дочери. Он видел, на чём оно основано и куда может привести. Этот самый *гоноровый* из всей *гоноровой* шляхты «полу-магнат», как завистливо окрестили его *незаможные* соседи, будь его воля, выпроводил бы русского за ворота, едва тот встал с постели. Но воля поляка, год назад подкрепляемая мощью Франции, теперь объективно оказалась в воле императора «москалей», этого снежного барса с кошачьими повадками, который польскую мышку из когтей не выпустит. К тому же вчерашние участники Наполеоновской коалиции становятся одним за другим участниками коалиции Антинаполеоновской, и русские в ней играют решающую роль. Победителя надо уважать, тем более тем, кто прошлым летом провожал на восток конницу Домбровского на завоевание Москвы.

Правда, самым серьёзным препятствием для выпроваживания незваного гостя была сама единственная и поздняя дочь, убившая своим появлением на свет болезненную мать. Кшыся только с виду была хрупкой, да и косточки её белые, омываемые голубой кровью, не большую нагрузку способны были выдержать. Но был в ней некий каркас, будто из стали. О таких говорят: «Девушка с характером», подразумевая волю, а не упрямство единственного, избалованного дитя богатого папочки.

Рослый, весь какой-то добротный красавец-варвар производил неплохое впечатление на старого «полу-магната». Он бы мог украсить своей внушительной фигурой любой приём. Как дворецкий. Даже в роли управляющего был бы на своём месте. Но в зятях! Невозможно представить. Пан Корчевский умело выспросил у своего нечаянного гостя всю его подноготную. Однодворец. Не велика беда. Среди польской шляхты, размножившейся как блохи, почти все однодворцы, а девять из десяти и двора не имеют, только дедовскую саблю, латаный зипун, дырявую шапку и много гонора. Но каковы у этой бедноты родословные! А этот русский офицер? Признался, что его дед дворянство под солдатской лямкой выслужил. И такое сорное растение да в цветник пятисотлетнего рода Корчевских! Никогда! От этого внутреннего возгласа вислые седые усы на худом лице «полу-магната» воинственно топорщились.

Христина, как увидела светловолосого гиганта, внесённого во двор *маетка* с распоротым животом, так сразу сказала себе «это мой», не зная даже, жив ли офицер. Мысль эта укрепилась в ней, когда умирающего обмыли, сменили ему бинты и уложили в чистую постель в одном из *покоев* господского дома, похожего на небольшой дворец. Спальня и малая гостиная панночки находилась рядом. Чуткая девушка проявила ловкость и врожденные качества милосердной сестры. В уходе за страждущим оказалась неутомимой. Движимая чистым чувством, и днём, и ночью оказывала помощь своему «пациенту», как назвала раненого в первый день. Если есть на земле место, наиболее приспособленное к возникновению любовных отношений, то это место – военный госпиталь. Здесь сходятся страдание и сострадание, живительный уход и нужда в нём, истерзанное металлом мужское тело и женские руки, обладающие лечебным свойством. Мужское и женское соединяется здесь так тесно, что отделить их друг от друга не просто.

Игнатий и Христина, одетые по-летнему, расположились в ротонде «с амурами», закаляли кофе. Цветущая сирень отделяла их от дома. Голоса с той стороны глохли в густой

листве и цветных гроздьях кустарника. Помешивая давно остывший кофе ложечкой, едва умещавшейся в правой лапище, а левой нежно касаясь кукольных пальчиков девичьей руки, вытянутой по бедру поверх белого кружевного платья, подпрапорщик говорил проникновенным голосом, от которого гудел купол ротонды, а шаловливые мраморные амуры корчили рожи:

– Милая Кшыся, я, уверяю вас, единственный из раненых в этой войне, *ктурый не хце, жыбы... жэбэ...* словом, чтобы рана заживала.

Он мешал русские и польские слова и старался произносить фразы, как ему казалось, на языке молодой хозяйки. А та игриво потупила свои небольшие, со светлыми пушистыми ресницами, глазки. По правде говоря, то небесное создание, что явилось Игнатию, когда он впервые открыл глаза после забытья, оказалось остроносенькой, с мелкими чертами лица, с бледными губками и бесцветной радужкой глаз, отнюдь не яркой блондинкой. Но сколько во всём этом подвижном существе было радостной, брызжущей искрами жизни! Влюбляясь в таких, говорят от души: ты самая прекрасная на свете, ты самая желанная!

Когда пауза затянулась, девушка лукаво посмотрела на северного Самсона:

– *Цо так, пан Игнацы?*

«Пан Игнацы», не контролируя нервные пальцы, скрутил серебряную ложечку в штопор.

– Батюшка ваш, дай Бог ему долгих лет жизни, никогда не согласится на наш брак. Не ровня мы. Лучше бы мне умереть тогда!

В последних словах было столько боли, что юная полька поверила в их искренность. Она вскочила, пролив кофе на мраморную столешницу, обхватила ладонями голову несчастного русского. Потом резко отстранилась; на бледном лице её отразилась решимость.

– Ждите меня здесь, – перешла она на французский. В голосе зазвучал металл.

Потекли томительные минуты. Больше часа, прикинул осуждённый на разлуку. Он совсем истомился, делая круг за кругом вокруг ротонды. Амуры издевательски улыбались. Со стороны дома не доносилось ни звука. Наконец, грохнуло так, будто рухнул на пол обеденный сервиз (потом оказалось: сервиз таки, только кофейный). Ещё через полчаса появилась торжествующая Христина. Стремительная походка. Развешаются кружева.

– Отец просит вас к себе.

На пороге обшитого красным деревом огромного кабинета Игнатий с замиранием сердца остановился. Французским он владел плохо, польскому только учился, поэтому воспользовался родным, придав ему местный оттенок:

– Вы звали меня, ясновельможный пан?

Хозяин фольварка был чернее тучи. Даже малиновый его шлафрок, казалось, потемнел. Стиснув жёлтыми зубами чубук, указал гостю на кресло в стиле ампир, сам опустился в такое же возле камина, в котором при раскрытых окнах горели с треском смолистые сосновые сучья. Его русская речь оказалась вполне приличной.

– Прошу вас, пан офицер, без лишних слов. Вы, я *розумем, маетности не ма. До жечи*, как ваше родовое имя, Игнатий Борисович?

– Борисовы мы...

– То для меня *велька* честь... А позвольте спросить, вельмишановный ваш *ойтец* тоже был Борисов?

– Нет, мой пан, Борис, сын Иванов, Борис Иванович.

Знатный поляк с неприязнью посмотрел на русского, причисленного к благородному дворянству из служилых. Чубук выпал из его рта, ладони крепко припечатали подлокотники кресла. Зрачки старика потемнели, впились в лицо недостойного просителя руки его дочери.

– *Хцеш мою цурку, жовнеж?*

– Считаю за честь... – растерялся Игнатий.

– А, честь! Окажу вам честь: будете после венчания с Христиной паном Корчевским. Венчания в костёле. Вы понимаете, в костёле? И *дзети* ваши станут Корчевскими. Ка-то-лика-ми! Это мои условия. Не *хцеш* – *вынось до Московши, без Кшысы! До видзенья!*

Наш однодворец истории Генриха Наваррского не знал, поэтому не мог мысленно воскликнуть «Париж стоит обедни!». Но нечто подобное прозвучало в нём, тем более что отказываться от православия от него не требовали. И ещё одно соображение помогло ему принять условие будущего тестя: в фамилии поляка уловил он (не сразу) наколдованный младшим братом слог «кор». Чудеса! Да Сергей вещун! И вспомнилось последнее появление марки-тантки.

После описанного разговора старый Корчевский до конца своих дней называл зятя при дочери «твой схизматик». Так и не смирился с выбором единственной своей наследницы.

Перед венчанием невеста обнаружила среди личных вещей жениха обрубок серебряного блюда с выцарапанным инициалом «И». В ответ на свой вопрос услышала историю, открывшую этот роман.

Глава II. Пётр и Александр

Взвод *пионерской* роты инженерных войск, в составе которой находился четвёртый Борисов сын, Пётр, в начале марта 1814 года перемещаясь вдоль Сены вниз по течению, наводя мосты, разрушенные отступавшими французами, восстанавливая разбитые дороги. К юноше уже никто не обращался «Петруша». Преградой служили отросшие за поход усы и новое выражение глаз, выдающее бывалого армейца, к тому времени прапорщика.

До Парижа оставалось не более тридцати льё. Прикрывая *пионеров*, вдоль реки двигались пруссаки генерала Йорка. Чёрные мундиры союзников вдохновили «зелёных» сапёров на кличку «вороны», до поры, до времени беззлобную. Не раз битые галлами, служившие Наполеону в двенадцатом году за страх, немцы злопамятно отыгрывались на мирном населении. Впрочем, тем отличались и австрийцы. И, чего греха таить, мародёрствовали казаки. Обыватели не испытывали страха только перед регулярными русскими войсками. Подданные Александра, нижние чины и офицеры, исполненные жаждой мщения за поруганные святыни Москвы, неожиданно для себя и недругов проявили великодушие, вступив в пределы Франции. Кому мстить? Русские ожидали, на примере отечества, всенародного сопротивления французов, а их встретило растерянное, покорное население. Испуганные спины вызывали брезгливость, не гнев.

На окраине Вандёвр-сюр-Барс случилось Петру Борисову увидеть несколько сотен изуродованных трупов мещан и крестьян обоего пола и всех возрастов (в том числе детей), уложенных в храмовом дворе. Густой дух мертвечины расползлся по пригороду. Католический священник с причтом под звон одинокого колокола обходил ряды мёртвых. Серые спины сапёров раздвинулись, пропуская офицера.

– Кто их, братцы?

– Да вороны балуют, барин. Сказывают, дознались немцы, что тутошний *мер* казну императора припрятал. Так его давай пытаться. Не выдал. Тогда энтих...

Мрачное настроение овладело прапорщиком, хотя ему приходилось видеть до этого на полях сражений и не такие груды мёртвых тел. Через несколько дней показались красные крыши Провена. За городком, знали наступающие, Париж. *Увидеть и умереть!* Не думалось молодому человеку, что можно умереть, и не увидев города мечтаний всего русского офицерства.

Пётр со своей командой работал ввиду богатой фермы, похожей кучностью добротных каменных строений на форт. Вдруг оттуда раздался ружейный выстрел. Сизый дымок потянулся вверх из узкого окошка. Потом выяснилось, что хозяйский сын, подросток, обиженный за отечество, пальнул в сторону чёрных мундиров, маршировавших мимо фермы. Пуля никого не задела, однако вызвала форменный штурм усадьбы силами роты пруссаков с огневой поддержкой полевого орудия. Через четверть часа усадьба горела.

– Братцы, да что ж такое творится! – воскликнул старый унтер, пояснявший давеча причину расправы с мирными обывателями Вандёвр-сюр-Барса.

Пётр посчитал своим долгом вмешаться. Он не видел и не слышал, как его солдаты, помедлив в нерешительности, разобрали из пирамидок ружья и двинулись ему вдогонку.

Во дворе, за разбитыми воротами фермы, солдаты в чёрных мундирах тащили из огня, что под руки попадалось. На русского прапорщика не обратили внимания. Из ближней к воротам постройки послышался пронзительный крик ребёнка. Пётр рванулся в дверной проём, сочившийся дымом. В глубине постройки горела мебель. В том направлении огромный фельдфебель нёс в одной руке, на отлёте, голого младенца, за ножку, вниз головой. Младенец исходил воплями. Верзилу не остановил окрик за его спиной, он даже не оглянулся, а большего Пётр сделать не успел: пруссак швырнул жертву на пылающие угли. Последний пронзительный крик, запахло горелым мясом.

Солдаты инженерной команды застали конец этого жуткого действия. Старый унтер успевает забрать у своего обезумевшего командира пистолет. Нижние чины валят на пол огромного фельдфебеля. Тот ругается, брызжет красной от разбитых губ слюною, зовёт на помощь. Наконец понимает, что скручен союзниками, не французами. В потоке лающей речи можно понять одно слово, «сатисфакция». Пётр, с перекошенным лицом, вызов на дуэль отвергает:

– Стреляться? Не будет тебе такой чести! Расстрелять, немедленно! Как мародёра и детоубийцу.

Фельдфебель до последнего мгновенья не осознавал своей участи. Поставленный сапёрами к стене, он вдавился толстой спиной в опалённый камень и уставился водянистыми шарами на вскинутые ружья союзников.

– Пли! – скомандовал прапорщик.

Неслыханный случай довели до российского императора и короля Пруссии. Мол, при штурме немцами укреплённой фермы неприятеля влез без спросу в дело прапорщик, из сапёров его царского величества. В чём-то не поладил с храбрым прусским фельдфебелем, обвинил его без оснований в мародёрстве и, пользуясь неразберихой боя, застрелил его.

Император во время заграничного похода в неизбежных конфликтах между русскими и союзниками редко принимал сторону своих. Такая позиция казалось ему верхом справедливости. Он демонстрировал беспристрастность высшего судьи, объективность «общеевропейца», попечителя народов. Придёт время, и предводитель «северных варваров», зато самый просвещённый монарх Европы, наигуманнейший из них, откажется от контрибуции из кармана бедных французов. В Париже он позволит воссоздать национальную гвардию побеждённых, а те не станут отказывать себе в удовольствии брать под стражу русских солдат и офицеров, якобы нарушающих общественный порядок. Он запрет на месяцы в казармах полуголодных победителей, чтобы, не дай Бог, утончённые французы не чувствовали дискомфорта от запаха портянок, обилия скуластых лиц и грубой речи. В назидание иным, утвердит смертный приговор своему солдату за стащенную с прилавка булку.

В те мартовские дни Александр I готовился к торжественному финалу затянувшейся войны. Проступок безликого прапорщика, то ли Иванова, то ли Петрова, возможно, Сидорова не мог быть темой для размышлений ума, обдумывающего триумфальный вход в

Париж. «Отдайте его на суд немцам. Этот жест успокоит их», – отмахнулся Александр Павлович от докладчика.

Трибунал состоялся при штабе армии Йорка. На всё понадобилось четверть часа. Трое скучающих оберов посчитали недостоверными показания обвиняемого, а о свидетелях не позаботились. Русские много пьют. Вот и привиделось юнкеру в суматохе боя, что немец швыряет младенца в огонь. Бред! Прусский фельдфебель на такое не способен. «Признайтесь, герр Порисофф, трофеи не поделили и – бах-бах! – в союзника? А теперь мы вас бах-бах! Только по закону. У просвещённых немцев закон выше короля».

Генерал Йорк, однако, такой приговор не подписал, расстрел заменил на темницу. Он-то знал, на что способны немцы. Не так давно, дознавшись, что его солдаты растягивали сукончика в Ножане за конечности, пытая тайник с наполеондорами, он бросил с горечью: *«Я думал, что имею честь командовать силами прусской армии, теперь вижу шайку разбойников»*. Эти слова были записаны адъютантом и остались в истории.

До отправки в крепость осуждённого заперли на гауптвахте. Соседние нары занимал щуплый немец-дезертир. Днём он сидел на своём ложе, раскачиваясь и жалуясь на судьбу. Пасть духом русскому мешало преследовавшее его видение – младенец, бросаемый в огонь. Оно вызывало подёргивание века и порыв бежать за призраком толстой спины, догнать... Рука тянулась к шпаге, отнятой при аресте. Являлось и во сне, особенно отчётливо во сне, когда та спина совсем близко, но собственные руки, ноги скованы, не подчиняются воле.

В одну из ночей дверь в камеру отворилась:

– Кто из вас Фридрих Штельмах, выходи!

Фриц, умаявшись жалостью к себе, был погружён в глубокий сон.

Пётр догадался: вечером сменился наряд. Прапорщик лежал под шинелью в нижнем белье. Решение созрело мгновенно. Выдавлив из горла на немецком (постарался русский) «да, сейчас, сейчас», он натянул панталоны и сапоги Фрица, втиснулся в чужой сюртук, треуголку нахлобучил до бровей. Немецкая шинель тоже пришлась впору. Привычным движением провёл ладонью по внутренней части бедра, где был зашит в плотное полотно кальсон осколок серебряного блюда – его единственное достояние.

Выходя в коридор, едва освещенный масляным ночником, опустил голову. Дежурный капрал пошёл вперёд, не оглядываясь. Дошли до сеней, где дремала охрана и чадил горелым салом толстый свечной огарок. У дверей, на выходе, ждал мокрый, в натекшей луже, солдат, при ружье с примкнутым штыком. Капрал обменялся с ним фразами (Пётр не понял), и сопровождающий пропустил арестанта вперёд, велел заложить руки за спину. Слово «хенде» русский уже знал.

Ночь была темна, дождлива и ветрена. Возле кордегардии свет из окон дежурного помещения ещё позволял различать дорогу, отблескивающую мокрой брусчаткой. За углом здания далёкий уличный фонарь играл роль слабого маяка. С правой стороны, за живой оградой, темнел сад. Оглядываясь через плечо, Пётр не видел стражника, лишь слышал шаги и дыхание. Вдруг тот споткнулся, выругался; железная оковка приклада ударилась о мостовую. Борисов рванулся вправо, налетел на тугую, колючую стенку из стриженных ветвей, по грудь высотой. Перемахнул через неё и, выставив перед собой руки, натыкаясь на деревья, падая и поднимаясь, не чувствуя боли, стал удаляться от шоссе. Грохнул ружейный выстрел, послышались голоса, но сразу стихли. Впереди как будто стало светлеть. Пошёл на огни, таясь за живой изгородью. Оказалось, противоположной стороной сад выходит на центральную площадь городка. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! На рассвете пруссаки прочешут сад. Мокрая одежда, голод стали нестерпимы. Заныли ссадины. Пан или пропал! В тёмной стене домов светились изнутри стеклянные двери. На вывеске читалось «бистро» – вечный русский след во Франции. Бывший русский офицер в немецком одеянии, он же преступник,

осуждённый на тюремное заключение, более того – беглый, уже не таясь, направился на свет с монетой в пять сантимов в чужом кармане.

Тепло, запахи кухни, табачный дым, красное вино в бокалах – какое блаженство! Русский входит не сразу, осматривает помещение через стекло приоткрытой двери. Ни одного чёрного мундира! В основном, синие – на французах, отпущенных победителями под честное слово по домам. Будто собрались здесь офицеры Великой Армии на *плачевную тризну*.

Посетителя в прусской шинели встречают хмурые лица, неприязненные взгляды. Пётр понимает, что никакая, даже самая изысканная ложь ему не поможет. Спасти его способна лишь откровенность. На неплохом французском он обращается сразу ко всем:

– Месье, я не солдат Блюхера. Я русский. Выслушайте меня.

И коротко излагает свою одиссею, от случая на ферме до той минуты, когда вышел из глухого сада на свет «быстро». Умолк, и его окружили, увели в дальнее зальце. Там, за обильным ужином, за красным вином, то и дело подливаемым услужливыми руками в бокал, ещё и ещё раз излагал свою историю Пётр Борисов между тостами за «хорошего русского». Один лейтенант, с густыми смоляными кудрями, похожий на грека или итальянца, вёл себя сдержанно. Он будто изучал русского. За полночь из-за шторы показалась одутловатая физиономия хозяина: «Патруль!»

Немцы кого-то искали. Заглянули и в зальце. Но и там ничего подозрительного не обнаружили. Когда начался переполох, лейтенант бросил в сторону Петра: «В конце коридора. Следуйте за мной!» И скрылся за портьерой. Тяжёлая ткань отделяла от общего помещения две двери впритык. Обе приоткрыты. В какую? Ноги понесли вправо. Захлопнул за собой дверь, и глаза потеряли способность что-либо различать. На ощупь двинулся вдоль стены. Поворот, снова поворот и опять, всё влево, вроде по кругу идёт. Где же тупик? Вдруг почувствовал цепкую хватку тонких пальцев на своём локте. Раздался низкий женский голос: «Сюда! Сюда! Идите вперёд, смелее!». Голос показался Петру знакомым, вызвал в памяти винный погребок в Сиверском городке. Удивляться, гадать не было времени. «Стойте! Здесь. Протяните перед собой руку». Пётр повиновался – толкнул дверь. Свет ночника на миг ослепил. «Мерси, мадам». Но проводница исчезла, оставив странное ощущение нереальности, будто погрузился на миг в сон и очнулся.

В каморке его ждал лейтенант. Взяв дверь на крючок, представился Александром, пояснил, что снимает этот чулан из соображений дешевизны. Отсюда выход через оконце во внутренний двор, открытый в глубь квартала с лабиринтом кривых улочек. Это разъяснение успокоило Петра Борисова. Завязался доверительный разговор. Перешли на «ты». В ответ на откровенность беглого арестанта Александр рассказал о себе. Он пересыпал французскую речь словами и даже целыми предложениями из какого-то странного языка, похожего на русский, с обилием согласных звуков. Одни слова были волжанину непонятны, другие звучали почти по-русски, о значении третьих он догадывался.

– Я не француз и служил не Бонапарту. Вначале он был моим божеством. Был. Мы, горцы, уважаем силу, а поверженный бог обнаруживает бессилие, значит, теряет божественное влияние. Тут уж ничего не поделаешь: любил – разлюбил... Я возвращаюсь к своему народу – в Черногорию. Вижу, у тебя вертится на языке вопрос, как же я мог воевать против России, сделавшей столько добра для моего народа. Мы с братом поступили на французскую службу, чтобы пройти военную науку и практику в армии величайшего полководца после того, как оба императора, Александр и Наполеон, заключили мир в Тильзите. Когда французы вторглись в Россию, мы с братом нашли способ уклониться от похода на Москву. Потом я принимал участие в нескольких стычках с австрийцами. Я ведь дал присягу. Но никакая присяга не заставила бы меня поднять руку на русских. Понимаю: воюя против союзников России, я невольно становлюсь её недругом. Как искупить этот грех? Я чувствую свою личную вину.

– Я ни в чём тебя не обвиняю, Александр. Всё это очень сложно: война и мир, присяга, честь, обязанность, патриотизм... Вот я убил немца, союзника. По-твоему, и я стал недругом своей родины?

– Спасибо за понимание. Послушай, в Россию тебе сейчас хода нет. В глазах царя и прусского короля ты преступник. Франция в руках союзников. Тебя повсюду схватят. Предлагаю православному христианину убежище под кровлей отцовского дома. Тебя в нём примут как своего. Понимаешь, сходство... Я сразу заметил, как только ты вошёл в бистро. Удивительное сходство! Ты и мой брат – одно лицо. Только он значительно старше, и волосы у тебя от снега твоей страны выцвели. Брат давно не шлёт вестей, где-то голову сложил. Что ж, судьба... Бедная Катерина... Это я о жене брата... Наверное, вдова... Так соглашаешься?

– Но как мы выберемся отсюда? И сможем ли пересечь все границы? Ведь я без документов, приметен.

– Примету уберём чёрной краской для волос, у здешних сорокалетних красавиц разживёмся. И тогда по всем паспортным приметам ты – зеркало моего брата, даже рост и сложение сходятся, только концы усов придётся опустить. Брат учился здесь военному делу в артиллерийском училище и на полях сражений в Испании. Под Мадридом чуть ногу не потерял. Но обошлось, только хромать стал. Паспорт Петра остался у меня. Даже по имени вы двойники. Черногорцы нашего племени тебя за своего примут. Не только из-за сходства со старшим сыном воеводы. Ты русский. Это много значит. Мои соплеменники верят, что Россия поможет вернуть им и плодородные долины Никшича и Подгорицы.

Свечку загасили под утро. Ворочаясь под простынёй, не в силах заснуть от пережитого, Борисов спросил вполголоса:

– Александр, слышь?.. У вас фамилии есть? Какая ваша?

– Мы – Каракоричи, – делая ударение на «о», ответил лейтенант. – Наш с братом отец, Милован Каракорич, был воеводой племени плужан. Царство ему небесное... Спим!

Кор! – отозвалось внутри Петра громко, будто влетела в него вещая птица.

Глава III. Андрей Корнин и царь

Когда сдача Парижа войскам коалиции была предreshена, на голом холме, в виду столицы мира, остановилась роскошная кавалькада – монархи, военачальники и свиты их величеств. Издали выделялся признанный всеми глава победителей, император Александр Первый, рослый, на светло-сером жеребце, сам весь в белом. Отсюда открывался сразу весь настороженный Париж – его высокие черепичные крыши, бесчисленные башни, золочёный, в подражание кремлёвским храмам, купол Дома Инвалидов. В низине местами, под греющим уже мартовским солнцем блестела Сена. Между восточными кварталами города и холмом, на краю рощицы, защитники города устроили батарею. Завидев кавалькаду, французы засуетились было возле пушек. Да канониры, видимо, оценили расстояние до цели и отказались от пустой пальбы.

В это время на разбитое шоссе под холмом выползли из-за поворота в сопровождении пешей прислуги упряжки полуроты лёгкой полевой артиллерии русских, судя по тёмно-зелёным мундирам и чёрным воротникам. За ними пылило сбитыми сапогами немногочисленное охранение, тоже в зелёном, но с красными воротниками. Внимание французов, готовых к бою, переключилось на ближнюю цель, появившуюся между ними и низким утренним солнцем. Артиллеристы на марше заметили неприятельские пушки поздно. Их внимание отвлекло блестящее зрелище на холме. Чтобы лучше рассмотреть венценосных особ, несколько офицеров стали подниматься по скату. Залп картечью от рощицы пришёлся по ним. Потери среди русских оказались значительными.

Артиллерийский поручик Андрей Борисов, не покинувший колонну ради сомнительного удовольствия поглазеет на шитые золотом мундиры, волею случая остался старшим по званию при шести пушках. Не рискуя разворачивать орудия на открытом месте под прицелом неприятеля, он приказал ездовым съезжать в лощину, а пешим канонирам залечь на месте. Сам, не мешкая, повёл бегом солдат охранения к роще, в штыковую. Французы не успели дать второй залп. На них произвели впечатление не столько русские штыки (сами были горазды к такой работе), сколько бегущий на них впереди подразделения гигант с обнажённой головой, с тесаком в ручище, издающий лужёной глоткой громоподобное «ура». Бросив орудия незаклёпаннами, последние защитники Парижа ретировались в рощу.

Лишь один хромоногий офицер, наделавший русским беды, замешкался у ближнего к дороге орудия. То ли растерялся, то ли старая рана не позволила последовать за товарищами. На него и выбежал Андрей. На миг приостановился. Ему показалось, что перед ним младший из братьев. Настолько лицом и фигурой француз и Петруша были схожи. В следующее мгновение Андрей понял, что обознался. Двойник оказался жгучим брюнетом, когда, сделав выпад банником, потерял кивер. Поединок на тесаке и баннике длился не долго. Француз остался лежать у колёс проклятой пушки.

Андрею не впервой было убивать. Лишать жизни ближнего стало его ремеслом с недоброй памяти Аустерлица. Правда, артиллеристам редко приходилось видеть ещё живые, последний миг живые глаза своих жертв. А этого француза, похожего на Петрушу, только старшего по возрасту, поручик, наклонившись, разглядывал с близкого расстояния. Француз умер не сразу. Сначала, глядя на удачливого противника, выдавил из себя на французском, с акцентом: «Ты... Ты не немец... Ты – русский? Здесь наступают немцы...» Потом глаза закрылись, и белые губы умирающего что-то зашептали на непонятном языке. Русскому показалось, он понимает отдельные слова, *црна гора, пива...* Неужели умирающий просит пива? А во фляге и воды нет.

Андрею стало не по себе. Боковым зрением заметил тень сбоку. Скосил глаза: короткая юбка в крупных складках, нарядные полусапожки – маркитантка, наверное. Эти девки, следующие за армиями, не только торговали галантереей, бакалеей, москательным товаром и, безотказно, собой, но и не гнушались обирать на поле боя мёртвых и умирающих. Схваченных за таким занятием убивали безжалостно. Поднять глаз не успел – француз заговорил быстро-быстро, захлёбываясь кровавой слюной. Силясь понять его, не обратил внимания на слова маркитантки, а когда они прозвучали в его сознании, она удалялась в сторону рощи. Её узкие плечи покрывала чёрная шаль, струились по спине из-под чёрного банта на затылке серебристые локоны. Что она сказала? Женский голос, вызываемый памятью, вновь зазвучал в ушах Андрея: «Жаль его. Напрасно. И тебя жаль, поручик. За эту смерть придётся многое отдать». Что за наваждение! Что ему отдавать? У него ничего нет. Седая голова женщины, её одеяние напомнили зимнее утро двенадцатого года, чёртов кабачок носатого Эшмо. Так это ж та проклятая баба, вещунья!

Из этой мысленной горячки с трудом вывели поручика настойчивые оклики унтера: «Вашбродь, вашбродь!..» – «А! Что? Что тебе? – тут только офицер увидел солдат охранения, сходящихся после атаки к своему командиру. – Кто-нибудь... Ты и ты, догоните ту девку! Сейчас в лесу скроется». – «Где? Там никого нет». – «Да вон же, в чёрном, с белой головой. Живо!» Солдаты недоумённо переглянулись, а унтер подтвердил: «Верно, нет никакой девки, вашбродь». Поручик с досады хлопнул ладонями по ляжкам, точно из пушки пальнул, и замер в недоумении. Чёрная фигура на салатном фоне косогора вдруг расплылась, растворилась в воздухе. «Привиделось», – решил с облегчением, списав беспорядок в своей голове на волнение, пережитое возле умиравшего француза. Тот уже не шевелился.

За этим коротким сражением наблюдали с вершины холма вершители судеб мира. Когда дело было кончено, царь Александр велел адъютанту с генеральскими эполетами подозвать бравого офицера. Артиллерист сразу узнал императора, не смутился, лишь вытянулся привычно перед начальством, подкупаящим знаменитой на всю Европу «улыбкой глаз».

– Как зовут, герой?

– Поручик Андрей, сын Борисов, ваше величество.

– С сего дня – штабс-капитан, Андрей Борисович... Фамилия-то какая?

Теперь артиллерист смутился.

– Стало быть... Борисов...

Русские в свите государя обменялись понимающими улыбками, «немцы» в лад тоже заулыбались, ничего не понимая. Царь обратился в пустоту по-французски:

– Как называется эта местность?

– Корни, – отозвались услужливые голоса.

– Корни? Хорошо, запишите героя штабс-капитаном Корниным, – и тронул поводья.

У новоиспечённого штабс-капитана закружилась голова. Не от неожиданного повышения в чине. Будто увидел монархом дарованную фамилию начертанной огромными буквами на тугих мартовских облаках и сразу бросился в глаза первый слог – «кор»! «Вот оно, колдовство! Брат Сергей... Корень Борисов, сог – сердце... И сочинять не пришлось... Сам царь... Нет, само Провидение!» – завертелось в мозгу. Ноги стали чугунными. Опустился на прошлогоднюю ослизлую траву. Из лощины уже выползли орудийные упряжки в окружении пешей прислуги.

Глава IV. Сергей Борисов и маркитантка

В анналах европейской истории появилась глава «31 марта 1814 года», описывающая вступление в Париж отборных войск коалиции.

Отбор был непрост. Солдаты и офицеры воюющих сторон изрядно поизносились на дорогах Европы, стоптали не одну пару сапог. А русские успели обтрепаться ещё до Немана. Даже гвардия выглядела непрезентабельно. С трудом приодели несколько частей конногвардейской дивизии, императорских «пешцев» – гренадёр и три дивизиона кирасир. Придали «ряженным» казачий полк, который был живописен самой экзотикой нарядов, будь то обновка или лохмотья. Эта парадная колонна русских, местами разорванная такими же живописными вставками из очищенных и отмытых к случаю австрийцев и пруссаков, открыла торжественно шествие через предместья в сторону Елисейских полей.

За драгунами и гусарами императорской гвардии, в окружении блестящей свиты из тысячи генералов, серый Эклипс (дар «брата» Наполеона «брату» Александру) церемониальным шагом нёс на благородной спине благороднейшего земного человека, одолевшего Антихриста. Как ни пыжились, как ни привставали в сёдлах ехавшие рядом прусский король и титулованный представитель Вены, они, как и весь генералитет, не видимы были в сиянии рослого, начавшего уже полнеть Александра. Для такого случая он облачился в белоснежный мундир кавалергардского полка с тяжёлыми золотыми эполетами, с голубой муаровой лентой через плечо. Голову покрыл зелёной треуголкой, украшенной султаном из белых перьев.

В ответ на приветствия парижан из-за спин национальных гвардейцев царь понимал руку, ласково улыбался, очаровывал прищуром глаза, повторял звучным голосом: «Я несу вам мир и торговлю». В ответ из толпы неслось: «Да здравствует Александр! Да здравствуют русские! Ура союзникам!» Небезызвестная мадам де Шастеней ядовито заметила: «Можно подумать, что французы обрели вторую родину, Россию».

Ничего этого не видит чёрный гусар Сергей Борисов, уже ротмистр Александрийского полка, украшенный белым крестиком «Георгия» четвёртой степени. Чин и завидный орден добыл он в сражении при Кульме, взяв отчаянной кавалерийской атакой редут противника. По правилам военного искусства он должен был пасть со всем эскадроном под фашинами редута, да, видать, Фортуна, эта капризная девка, решила отличить в тот день дерзкого гусара. При неудаче ждало бы нарушителя тактики суровое наказание, но, известно, победителей не судят.

В число избранных участников красочного действия на улицах Парижа эскадрон волжанина не попал. Крайне потрёпанный вид его залихватских рубак на вороных конях не спасали даже выигрышные рядом с другими мундирами чёрные доломаны, в золотых шнурах, ментики, и рейтузы, оттененные красными воротниками и обшлагами, обкладками тапки и чепрака, тоже чёрных. Пришлось довольствоваться местом в хвосте пёстрой, грохочущей железом змеи, пять часов проползавшей от окраины столицы к его центру. За чёрными гусарами грохотали по бульжной мостовой колёса четырехсот пушек. А в арьергарде дробно и мягко стучала неподкованными копытами казацких и калмыцких лошадей «дикая Азия».

Да, обыкновенному армейскому гусару не пришлось стать свидетелем высших почестей, какими когда-либо награждала побеждённая страна его соотечественников. Зато он видел другое, что запало в память и душу, что направило мысли на предметы, ранее не замечаемые, оттого как бы не существующие, а теперь оказавшиеся реальными. Они взволновали воображение и стали звать к действиям, о которых до Парижа отчаянный рубака не помышлял...

Изначальное впечатление от Парижа – недоумение. Неужели это город юношеских грёз русского благородного сословия!? Сергея и братьев иноземцы не воспитывали. Но многие из его сослуживцев в офицерских погонах охотно делились с товарищами впечатлениями от восторженных воспоминаний их гувернёров о мировом средоточии всех мыслимых красот, развлечений и удовольствий. Французские авторы царили во всех книжных собраниях, наполняли журналы. Фантомный образ Парижа и всей Франции среди русского просвещённого люда был ярким и величественным, и приманчивым, как местообитание светлых героев из прекрасной поэмы. Иной оказалась действительность.

С первых дней пребывания союзников в галльских пределах стали заметны отвратительные пятна на всеми признанном эталоне процветания, цивилизованности и государственного устройства. Бросались в глаза бесформенные, с земляными полами, мазанки поселенцев, сплошь безграмотных, считающих своё селение центром мира, а весь мир – измеряемым одним льём от своего порога. Сергей мог бы подписаться под словами Никиты Муравьёва, который писал из армии домой: *«Здесь жители бедны, необходимы, ленивы и в особенности неопрятны. Француз в состоянии просидеть сутки у окна без всякого занятия. Едят они весьма дурно. Скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота их отвратительна, как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте, даже городские жители».*

Некоторые находили оправдание неприятной действительности: «Провинция есть провинция, что с неё возьмёшь? Вот погодите, войдём в столицу!»

И вот, лишь усиливая отвращение от знакомства с галльской «глубинкой», потянулись грязные кварталы Сен-Мартенского предместья Парижа. Дома здесь были старые, закоптелые, с облупившейся штукатуркой; улицы тесны и зловонны. Под ногами чавкала грязь, замешанная на помоях и разложившейся падали. В глазах толпившихся зевак вместо ожидаемой святой ненависти к вооружённым чужакам, нахлынувшим с востока, читалось лишь

угрюмое, боязливое отчуждение и тупое любопытство. Молчание толпы невольно заставляло солдат уплотнять шеренги.

Отнюдь не праздничное настроение вступающих в «Новый Вавилон» стало меняться к лучшему за воротами Сен-Дени. Здесь проходила граница между простонародными кварталами и враждебным плебсу городом буржуа и знати, шёлковых сутан и золотых эполет. Теперь Париж становился для русских варваров, не впервые выбравшихся в Европу через «Петрово окно», узнаваем. Вычурные особняки, роскошные дворцы, прославленные храмы, театры, бульвары и парки, широкие улицы. Из окон свисали белые простыни – под цвет знамени Бурбонов, ожидаемых с обозом победителей. Нарядная публика, ликуя, высыпала под весеннее солнце. Деревья, экипажи, крыши домов облепили любопытные. Какой-то буржуа, прорвавшись сквозь цепи национальных гвардейцев, которые обеспечивали порядок, приставал к каждому блестящему мундиру: «Мы уже давно ждём его величество!». Словом, *кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали*. Разнёсся слух, что кортеж венценосных особ остановится на Елисейских полях. Будто бы волею императора Александра там состоится православный молебен. Туда толпами повалил народ.

Сергей представил себе Москву, встречавшую Наполеона. Ему, в отличие от повеселевших товарищей, стало тошно. Уж лучше бы *народ безмолвствовал*, больше было бы к нему уважения со стороны победителей. Сыну Борису вдруг захотелось закрыть глаза, заткнуть уши, забиться в угол какого-нибудь кабака, подобного тому, что в Сиверском городке. Сыскать братьев вряд ли удастся, если они живы. Почему «если»? Он верил предсказанию седой женщины в чёрном. Заглянул в ташку: серебряный обрубок с буквой «Р» на месте.

На одном из бульваров в голове конной колонны раздалась команда спешиться. Денщик подхватил поводья ротмистрова жеребца, освободил от удил. Усталый конь потянулся к молодой травке на газоне. Поодаль, вокруг фонтана, уже паслись казачьи кони между наскоро разбитыми палатками. Пёстрые парижане толпились вокруг, умильно обращали внимание детей на «монгольских лошадок». С тех пор, как стоял где-то здесь шатёр китайского шёлка с бунчуком Аттилы, прошло тринадцать веков. Но всё смешалось в бедной Европе: русские варвары окрестили гуннами незваных гостей Москвы осенью двенадцатого года.

В походной жизни, на бивуаках, в паршивых городках Великого (хм!) Герцогства Варшавского, в Силезии соблазны были бедны, как случайные углы насильственного для хозяев постоя. Там Сергей, сын Борисов, пускался во все тяжкие, насколько позволял тощий карман и обстоятельства. «Гусарил» напропалую, с волжским размахом: карты, дрянное шампанское, курительные трубки до одурения, маркитантки. Ни одной книги за полтора года не было прочитано, только обрывки немецких и французских газет рассеянно просматривались перед употреблением. Да застревали в мозгу от частого повторения при застольях стихи своего брата-гусара Дениса Давыдова, что гуляли по армии в списках: *Жомини да Жомини, а о водке ни полслова*.

Странно, пока гнали Бонапарта на запад по заснеженной России, офицеры вели себя как монахи рыцарского ордена. Но будто повесили моральную узду на приграничном столбе. Первый день в пределах Польши «чёрные гусары» решили закончить в корчме, что держал *жид*. Вот там отвели душу! Сергей Борисов проснулся на конюшне, рядом какая-то девка с опухшим лицом, с задранными юбками, на голом бедре похабная татуировка. В голове молодца – кол из затвердевших паров самогона. Дома с ним такого не случалось. Видно, вольный воздух заграницы подействовал. Потом, между сражениями, в землях немецких и в восточных департаментах Франции, были и карты, и шампанское (чем ближе к Парижу, тем лучшего качества). Шевелились в голове грубые, без проблеска, мысли. Звучали сугубо мужские разговоры. Покупались задёшево любовницы-провинциалки, все эти фальшивые фрей-

лейн, жадные и трусливые, откровенно развратные провинциалки-мамзельки. На закуску досталась парижанка с широкими взглядами на нравственность. Но всё это отошло на задний план после одной встречи.

По окончании походной жизни, сблизившей владельцев тысяч «душ» с однодворцами, а тех и других – с нижними чинами, вчерашними крепостными, началось скорое разбегание за обычные сословные заборы. В Париже, полном соблазнов, русские офицеры, из состоятельных аристократов, истосковавшиеся по светской суеде, проводили свободное от службы время среди дам высшего общества в модных салонах Сен-Жерменского предместья. Снимали логи в прославленных на весь просвещённый мир театрах. Те из дворян, что попроще, обладатели билетов на постой и принятые на пансион в частные дома, ограничивались дружескими вечерами в семьях горожан. Реже посещали недорогие рестораны, были охочи до дешёвых спектаклей, заглядывали в музеи. Конечно же заводили любовные интрижки, фланируя по бульварам в поисках галантных (и не очень) приключений. Многим было по карману нанять экипаж для выезда в Версаль, Сен-Клу. Каждый мог наслаждаться видами города и панорамой окрестностей, взобравшись на Монмартрский холм, позволить себе чашку кофе, пропустить стаканчик винца в многочисленных «бистро». «Хозяин, месье, быстро, быстро!» – «О, понимаю, сейчас сделаю *бистро*, господин офицер». Некоторые становились завсегдатаями литературных и политических кружков.

Какой-то природный стержень, находившийся в самых тайных глубинах души волжанина в размягчённом состоянии, вдруг затвердел, дал знать о себе. То ли время этому пришло, то ли череда знаменательных событий, приведших русских со славой в центр мира, ускорило созревание нового человека в гусаре во плоти, по привычкам и приёмам жизни. Скорее то и другое, и встреча, упомянутая выше, стали тому причиной.

О последней – отдельно. Она помогает понять крутой поворот Сергея Борисова во взглядах на себя, на окружающее. Ибо только каким-то «особым временем» или «необыкновенными событиями» эволюцию человеческой природы, происходящую в считанные недели, удовлетворительно не объяснишь.

Итак, та встреча...

В одну из летних ночей ротмистр Александрийского гусарского полка после дружеской пирушки пробирался к месту ночлега улочками квартала на внешней стороне ворот Сен-Дени в неприятном предвкушении встречи с Луизой. И что он нашёл в немолодой уже, художочной девушке, дочери бакалейщика, к которому был определён на постой! Всему виной приступ проклятой сентиментальности. Луиза так тосковала по галантерейщику из Лиона, объявленному её женихом накануне похода в Россию и сгинувшему в снегах, что гусар не мог её не утешить. И стал светом в окошке девичьей спальни, откуда она высматривала своего утешителя. Что делать? Тайно бежать из этого дома с лавкой внизу? Выход, недостойный дворянина. Заменить галантерейщика при обряде венчания? Очень благородно! А потом? В Ивановку? О, Боже! Уж лучше наследовать дело месье бакалейщика. А ещё лучше – застрелиться!

Между редкими фонарями пробираться приходилось на ощупь. Окна в домах уже были черны, серые стены выступали из тьмы мутными пятнами. Ещё один столб с фонарём, за ним проклятый дом. Одно из окон бельэтажа тускло окрасилось белым. Так и есть, Лизка в ночной рубашке! Гусар невольно замедлил шаги. И в эту минуту его окликнул по званию женский голос.

Женщина стояла за световым кругом фонаря. Рассмотреть её мешал бивший в глаза свет. Сергей приблизился к ней. Она была закутана в тёмную шаль от головы по щиколотки.

– Чем могу служить, мадам?

Ростом они были одинаковы, но ему не удалось заглянуть под складку шали, затемняющей лицо. Лишь тонкие, красиво очерченные губы оказались в тусклом свете горящего на столбе масла. Ночная бабочка? Нет, не похоже, те не так одеваются в тёплые ночи. Да и кого им отлавливать в этой пустыне?

– Месье офицер, вы человек порядочный. Проведите меня до освещённого перекрёстка. Я боюсь одна. Уж натерпелась страху, пока добралась сюда.

С этими словами она сунула под руку гусара узкую холодную ладонь и повела его сквозь темень на далёкий свет следующего фонаря. Сергей подчинился охотно – ещё с часик без «любимой». Он старался шагать медленно, и женщина не торопилась, каблучки сапожек в такт звону шпор стучали по мостовой. Правила галантности не позволяли молчать.

– Вы, мадам... – (она не возразила на обращение), – живёте поблизости?

Женщина была настроена игриво.

– Я повсюду живу, кавалер, в любой дом вхожа. А сейчас мне необходимо быть на том перекрёстке. Думаю, моя просьба вас не затруднила. Признайтесь, вы и сам не спешите домой?

– Признаюсь, – охотно подтвердил ротмистр. Ему стало легко и весело. – Жаль, что не придётся вести вас через весь Париж, на ту сторону Сены.

– Это совсем не обязательно, месье. Не имеет значения, пять минут вы пожертвуете мне или всю ночь. Главное, с этой прогулки, на которую вы к удаче своей так легко согласились, ваша жизнь круто изменится.

– Неужели? К лучшему?

Незнакомка подумала:

– По всякому будет, но не будет бесплотной траты считанных минут жизни, равно короткой, год ли вам ещё отпущен или полвека. Не верьте тем, кто говорит, что у них всё прекрасно. Такие люди или лгут или равнодушны к жизни. Настройте себя на приятие жизни как на редкий, ограниченный во времени дар, и всё, что в нём, белое и чёрное, переносите, словно неизбежную данность. Удачам радуйтесь, неудачу принимайте с достоинством. Думаю, у вас есть задатки для этого. Скажу больше: вас ждут большие испытания, в которых обыкновенные житейские трудности будут казаться незначительными, и в самих них вы найдёте удовлетворение. Просто живите, сохраняя честь, оставаясь верным данному слову, дружбе, любви, справедливости, людям, поверившим в вас. Да ведь нечто подобное вы и сами некогда говорили. Разве не так? Будьте последовательны. Вот мы и пришли. Благодарю вас за проводины. Прощайте, месье Серж.

Действительно, они оказались на перекрёстке, освещённом двумя фонарями. Здесь была граница между бедными кварталами, оставшимися за спиной и особняками более состоятельных граждан, огороженными высокими заборами. Пока ротмистр озирался, гадая, какой дом откроет свои двери его ночной незнакомке, скрипнула калитка в заборе, и только женский сапожок мелькнул из-под короткой юбки. Где-то всё это сын Борисов уже видел: и полусапожки, расшитые жемчугом, и чёрную шаль. И голос, с лёгкой хрипотцой, знаком. Она знает его имя, хотя он не представлялся... Пстой, пстой! Так это же та самая марки-тантка!

Ломая голову над странной встречей, русский офицер направился в сторону бакалейной лавки. Дом будто сам выехал из-за изгиба улочки – сияющий огнями по всем окнам бельэтажа и подъезда. Что за ночная иллюминация! И когда успели? Ведь менее часа назад он проходил мимо спящего дома. На прихоть Луизы не похоже, она бережлива как и её отец. Недоумевая, вошёл в переднюю, где ждал его растерянный денщик с узлом походного скарба у ног. Месье бакалейщик буквально скатился к запоздалому постояльцу по лестнице:

– Серж!.. Месье ротмистр! Умоляю! Вернулся Шарль. Из плена. Он ничего не подозревает. Взываю к вашему благородству. Я послал кузену записку. Он живёт неподалёку. Вы знаете. Идите туда! Прекрасная комната – окнами в сад. А стол!

Изобразив на лице оскорблённое самолюбие, нищий русский офицер, не дожидаясь конца монолога, звеня шпорами, будто на смотре, развернулся «кру-у-гом». За стенами дома, на брусчатке, освещённой из окон, сбросил маску – подпрыгнул и поскакал, пританцовывая, напевая «Марсельезу», в спасительном направлении. Денщик с узлом последовал за баринном, предвкушая щедрые «на водку».

Глава V. Серж Корсиканец

Долго в ту ночь ворочался с боку на бок ротмистр на новом месте – мешали музыка в душе и какая-то работа в черепной коробке, будто освобождался мозг от накопившегося за годы войны сора, наполнялся свежим воздухом. Наконец Сергей погрузился в глубокий, целительный сон и проснулся далеко за полдень другим человеком, ощутил он. Наградив денщика франком «за верную службу», послал его к полковому командиру сказать, мол, барин занемог. Обычно в таких случаях «недуги» лечил в бистро. На этот раз гусар решил просто с денёк побездельничать, насладиться свободой, которую он последние часы понимал как избавление от обязательств перед Луизой. Дай, Бог, им с мужем-галантерейщиком счастья!

Устав от бездумной неги в постели, взялся за какой-то глупый французский роман. Скоро и чтение наскучило. Никак не мог придумать, за что бы полезное взяться. Наконец оделся и двинулся бесцельно, пешком, куда глаза глядят. Недавно в Париж прибыла из Лондона «гора жира и спеси», с уязвлённым до крайности самолюбием, – очередной Людовик, по счёту Восемнадцатый. Это явление назвали «реставрацией Бурбонов».

Теперь не просто было определить, кто здесь победитель. Русские стали пленниками поверженных. Офицеры более-менее свободны. Но нижние чины! Одни воинские части заперли в парижских казармах, другие расквартировали по предместьям. Солдат изнуряют смотрами, плохо кормят. Единственные развлечения под замком в редкие часы отдыха – карты и вычёсывание вшей. Рискнувших на «самоволку» с мстительным удовлетворением отлавливают национальные гвардейцы. Это раздражающее, оскорбительное, но однообразное зрелище постепенно приедалось. Укоренявшийся порядок вещей никто не мог изменить. Пассивно сочувствующие ворчали: «Скорее бы домой». Те же, кто не в силах был смириться с действительностью, активно искали пути к её изменению.

В тот памятный для ротмистра день, то и дело натываясь на свежие метки новой власти, он вдруг подумал о том, что во многом заблуждался насчёт Франции. Кажется, теперь он понимает природу отвратительных пятен на лице Марианны. Совсем не «корсиканское чудовище» повинно в их появлении. Это, похоже, старые, многовековые следы абсолютизма Бурбонов, которые не успел ликвидировать Бонапарт за полтора десятилетия своего энергичного правления. Новыми для себя мыслями ротмистр поделился с седоволосым капитаном Старой Гвардии. Они случайно оказались рядом за стойкой в кафе, куда гусар забрёл подкрепиться стаканом вина. Ветеран горячо согласился с русским. И продолжил его мысль: эти пятна стали проявляться тем ярче, чем сильнее сжималась Наполеоновская Франция под давлением сил коалиции. «Бедная страна! Как ей помочь? Кто отведёт её от края пропасти? На ум приходит только один человек... нет, сверхчеловек, но он пленник острова Эльба». Прощаясь, француз и русский, разогретые вином, условились о встрече.

По дороге домой, перебирая в уме события дня, Сергей Борисов не предполагал, что среди русских в Париже его мысль, высказанную капитану Старой Гвардии, поддержал бы, с оговорками, русский царь. Александр Павлович уже сожалел, что не оставил на троне Фран-

ции Наполеона или его малолетнего сына от Марии Луизы. С каждым днём всё большую озабоченность царя вызывало политическое упрямство Людовика, угрожающее нарушить хрупкое равновесие в послевоенной Европе. Тупоумный подагрик сразу вызвал недовольство народа безоглядным возвращением к старым, дореволюционным институтам. Бурбон не щадил и так уязвлённое самолюбие привыкшей к победам французской армии. Царь убеждал короля оставить нации триколор и даровать ей либеральный режим. Сейчас главное, внушал ему император, – умиротворение и объединение республиканцев, бонапартистов, роялистов, легитимистов, *«если только не желать новых потрясений»*.

«Надо уважать двадцать пять лет славы», – однажды закончил свой монолог император в надежде, что убедил этого толстошкурого осла. Куда там! Вместо идеи народного суверенитета, на чём настаивал самодержавнейший в мире монарх, брат казнённого Капета вскоре оглашает лишь манифест с обещанием от своего имени даровать народу представительное правление и основные гражданские права.

Оставшиеся не у дел, оскорблённые офицеры наполеоновской армии отгородились от роялистов, радостно беснующихся на улицах, дверями кафе. Среди потёртых, чаще всего синих мундиров, случается, мелькают зелёные. На русских косятся, но они мужественно переносят глухую неприязнь. Они сочувствуют отверженным. Вот, например, «чёрный гусар», ротмистр Александрийского полка. Его видят, как правило, рядом с ветераном Старой Гвардии по имени Шарль д'Анкур.

Ещё одна загадка «непостижимой славянской души»: некоторые из тех, кто преследовал французов от Москвы до Парижа, *сотворяют себе кумира*. Совсем недавно в непобедимом, казалось, враге, по фамилии Бонапарт, его новые, неожиданные поклонники не видели великана. Это был удачливый, опасный карлик с острым профилем и пронзительными глазами Антихриста. Его, разорителя церквей, грабителя имущества, поджигателя и убийцу, с трудом выпроводили из России, долго теснили в Европе, пока не прижали к стенам Парижа и не пленили в Фонтенбло. Но из опасного карлика после его падения вдруг вырастает в русских глазах благородный титан. *«Хвала! Он русскому народу высокий жребий указал и миру вечную свободу из мрака ссылки завещал»*, – запишет коренной москвич слова *примиренья* в год смерти Наполеона на острове Святой Елены. Будь император французов наследственным государём, призрак военного гения, не покидавший Европу, не стал бы идолом многих в оккупационном корпусе, не знающих, чем заняться в наступившей вдруг тишине, в скуке будней. Однако величайшим в общественном мнении предводителем народов и завоевателем стал сын бедного корсиканского чиновника, начавший службу младшим лейтенантом артиллерии. Он назвался императором французов и заставил монархов Европы признать себя равным им. Сколько самолюбивых, тайных мечтаний возбуждал этот взлёт! Для какого-нибудь подпоручика, носившего суконную шинель, подбитую по бедности сукном же, создаваемый воображением идол был не золотой, а из такого же, как мечтатель, захолустного человеческого материала. При этом только безумец надеялся, что Фортуна может отметить и его столь же щедро. Нормальный человек не мечтает стать вровень со своим фетишем. Фетишист удовлетворяет религиозное чувство перед образом преклонения служением ему.

Для поклонников ссыльного императора образ преклонения был живым, человеческим, реальным. Служить ему – значит вызволить императора, стать под его знамя. Русские бонапартисты были уверены, что после полученного в Москве урока великий человек, по духу конечно же республиканец, принявший корону лишь под давлением обстоятельств, направит свои нечеловеческие способности и энергию на созидание мирной, процветающей Франции. И эта великая страна станет вечной союзницей России. Царь Александр – странный русский, странный православный – с каждым днём разочаровывал их всё больше и больше своей политикой. Она редко отвечала интересам России. Франция, которую якобы

освободили от узурпатора, досталась недостойному монарху по имени Людовик Восемнадцатый. Он вызывает негодование и отвращение. Европа начинает плясать под дудку австрийца Меттерниха, ещё вчера лакея Бонапарта. Англия остаётся самым последовательным и коварным врагом России, вчерашней её союзницы.

Ротмистр Александрийского полка окунулся в стихию бонапартизма сначала ради новых, острых ощущений. Затем, как человек увлекающийся, всей душой, в один судьбоносный для себя момент, посчитал за благо для своей страны помочь французскому другу Шарлю вернуть на трон Франции «истинного» императора. Какое дело соотечественникам Сергея Борисова до интересов Альбиона? Почему династические союзы важнее естественных, диктуемых интересами нации и географией. Что это за «легитимное» право у Бурбонов владеть презирающим его народом? Да пусть корсиканец хоть всю Европу мордой в коровью лепёшку ткнёт! Вечный враг России – Порты. Балканских славян, православных греков, а не немцев надо освобождать; брать Константинополь, ключ от проливов, заручившись поддержкой возвращённого на трон Наполеона. Так убеждал себя чёрный гусар, собираясь на тайную сходку с единомышленниками.

Он не нарушил присягу. Узнав о высочайшем решении начать вывод русских войск из Франции, Сергей Борисов выхлопотал в полку бессрочный отпуск. Сменил гусарский мундир на цивильное. Теперь он частное лицо.

В кабачке у ворот Сен-Дени, облюбованном ветеранами непрерывной двадцатипятилетней войны, «белой вороной» среди офицерских мундиров выглядит молодой человек в сером сюртуке гражданского покроя. У него узкое тёмное лицо, какие бывают у жителей Прованса, из под шляпы с высокой тульей упрямо выбиваются светло-русые пряди волос. Ветераны, обращаясь к нему запанибратски, как к своему, называют его то Сержем, то *корсиканцем* за внешнее сходство с островитянами, за ту страстность, с которой русский, вчерашний враг, включился в святое дело изгнания Бурбонов, этого позора Франции. Его смуглые руки с тонкими сильными пальцами, когда нет другого дела, заняты набросками окружающих его лиц, предметов антуража. Альбом для рисования и карандаш у него всегда в кармане. Однажды, делая наброски лиц по памяти, он увидел, что грифель как бы произвольно вывел профиль Андрея. И при этом ему показалось, что он слышит голос брата за дверью, на улице. Хотел выглянуть. Да кто-то помешал.

По окончании позднего ужина на одной из малолюдных улочек предместья с десятков участников пирушки сядут под покровом ночи в скромные экипажи и двинутся просёлками, избегая оживлённых шоссе, на юг, к Лазурному берегу, откуда рукой подать до заветного острова Эльба. Среди них будет один иностранец.

...Спустя несколько дней в ворота постоянного двора на портовой окраине города Кан въехали два шарабана, влекомые усталыми мулами. В кузовах с высокими бортами сидели мужчины разного возраста, похожие на военных, безвкусно, второпях переодетых в штатское. Один лишь из путников, узколицый, телом не богатый, жилистый молодой человек, красовался подобранным по оттенку и покрою платьем серого цвета и шляпой с высокой тульей. К приехавшим вышел хозяин, похоже, заранее осведомлённый о прибытии гостей из Парижа.

– Комнаты над вами заняты нашими, не сомневайтесь, месье Шарль, – сказал он вполголоса, обращаясь к сидевшему за возницу. В пристройке – двое иностранцев. Ждут провожатого через Альпы. В Триест направляются. Разговор выдаёт в них славян, скорее всего русских. А лицами – цыгане.

– Русские?! – всполошился молодой человек в сером. – Ещё опознают.

Путники уже выбрались из шарабана. Кто-то усомнился:

– Что, у вас в России все друг с другом знакомы, Серж? Вас же дома – что снега.

– Не будем дразнить Фортуну, – заметил другой, – пусть наш гусар из комнаты без нужды не выходит, пока не прибудет судно.

Седой капитан сделал предостерегающий жест:

– Друзья, не забывайте! Здесь нет Сержа, нет других настоящих имён. Только клички. Здесь наш друг – **Корсиканец!** Так обращайтесь к нему и так зовите за глаза.

Сергей благодарно улыбнулся ветерану Старой Гвардии. Ему нравилось новое своё имя; оно сближало его с величайшим из землян, и в нём звучало мистически «**COR!**»

А в это время в пристройке двое нелюдимых жильцов постоянного двора вели беседу за запертой дверью. Заглянуть в комнату снаружи мешали жалюзи. Старший, в синем мундире французского офицера, без эполет, говорил младшему, одетому как простолюдин:

– Разговорился на рынке с одним инвалидом. Оказался, сослуживец брата. Он видел Петра в последний раз где-то под Парижем. То ли Корби, то ли Корнэ название местности, не запомнил. Артиллеристы ждали пруссаков, а на батарее выскочили русские. После боя Петра обнаружили среди мёртвых...

– Прими мои сожаления, друг. Что поделаешь, война.

– Бедная Катерина: в тридцать лет вдова, четверо детей. Мало утешения, что у нас каждая вторая замужняя становится вдовой в молодые годы.

– Насчёт племянников не беспокойся, Александр, помогу. И знаешь, что? – Пусть Катерина выходит за меня. Замолви словечко, сосватай вдову!

– Да ты же её в глаза не видел, Пётр. Вдруг не по сердцу окажется. Притом, она старше тебя лет на десять.

– Пустое! Я её уже люблю. Я всех вас, черногорцев, люблю, поверь.

Глава VI. Артиллерии отставной штабс-капитан

Поминать российские дороги недобрым словом русские стали по возвращении из заграничного похода. Запомнились отличные немецкие шоссе, с водостоками по обочинам, устланные утрамбованной щебёнкой, нередко мощённые камнем. Заметно уступали им дороги Франции. Но и они вызывали зависть. Даже первейший в России тракт, соединяющий столицы, новую с древней, казался лишь несколько улучшенным путём сообщения, по суху, между уездными центрами. Какую же оценку могло заслужить у путешественника на колёсах обыкновенное грунтовое ответвление в сторону Муром и дальше – на Арзамас от печально знаменитой Владимирки, утопанной до каменной твёрдости сотнями тысяч каторжных ног!

Обшарпанную коляску, когда-то покрытую чёрным лаком, но, слава Богу, ещё не старую, крепкую, с поднятым верхом, влекли, надрываясь, две тощие лошадёнки. Дорогой называлось ухабистое, в рытвинах, углубление в глине с косыми стенками. В низинах, где грунтовые и атмосферные воды и в сушь не успевали просыхать, колёса засасывало по ступицы. Ездая пара с трудом выдирали экипаж из вязкой грязи. На подъёмах и на спусках весенние солнце и ветер делали дорогу легче, и ямщик, гикая, переводил тягловую силу на рысь. Когда леса сменились осиновыми и берёзовыми рощицами, когда пошли чернозёмы, коляска местами уже не катилась по просёлкам, а волоклась, ползла, плыла на рессорах, как на полозьях саней. Редки стали сёла с церковью и погостом, всё чаще попадались на пути деревеньки. Глушь, пустота, но сердце путника билось в радостном волнении. Андрей Корнин приближался к отчему дому, оставленному тринадцать лет назад, в позорный год Аустерлица, когда впервые понюхал пороху.

Ещё далеко не старый, лицом и большим, крепким телом зрелый, что называется матерой, отставной штабс-капитан ехал вступить во владение отцовской вотчиной. На нём был

вытертый серо-зелёный вестроевой сюртук военного покроя, без знаков различия, в тон ему дорожная широкополая шляпа. Ноги в сапогах с отворотами поставил на «подножную шкатулку», обшитую оловянным листом. В неё вместился нехитрый скарб, канцелярские бумаги и пакет, перевитый крест на крест бечевой. Прогонные деньги для расчёта со станционными зрителями и подорожную он держал в боковом кармане. Другой карман заполнил мелкими ассигнациями, медными и серебряными монетами. Они предназначались, по раздумью, на скудные обеды в дорожных трактирах и на вознаграждение паромщикам на переправах через реки. С неделю тому назад, под перезвон заутрени, покинул Корнин Москву через Рогожскую заставу.

Пока катил оживлённой Владимиркой, развлекался внешними впечатлениями. Вот у деревни Горенки за подстриженными кущами парка высится сверкающей громадой дворец Разумовского, а с другой стороны дороги это великолепие оттеняет приземистое, жёлтое с белым, казённое здание полу-этапа. Вот за крутыми откосами над Клязьмой встаёт Владимир, великокняжеская столица Залесской Руси. Она впускает путника через Золотые ворота, дабы подивился тот белокаменным кружевам Успенского собора. А вот, после Боголюбова, над заливыми лугами, над светлой речкой Нерля, отражаясь в ней, стоит, будто в чистом небе, невесомый, цвета первого снега, однокупольный храм Покрова. Самое изящное строение легендарных времён Всеволода Большое Гнездо. А из трактира музыкальная машина доносит мелодичное позванивание. Узнаётся: «Аскольдова могила».

Потом мысли, лишённые ярких раздражителей, увели в глубь памяти. Вспомнился Париж. Летом 1814 года артиллерийский офицер без сожаления сказал ему «адъё», полагая, что мир, наконец, установился в Европе. Русские без сожаления покидали столицу мировых соблазнов. Она приелась и вывернула наизнанку карманы. Как-то он, офицер победившей армии, отказал себе в бокале пива, проходя мимо кабака у ворот Сен-Дени.

Не все части возвращались домой скорым шагом. Штабс-капитан Корнин с приданной ему командой двигался в сторону отечества, останавливаясь на вспаханных ядрами полях сражений. Между оползающими насыпями редутов и могилами, отыскивал и ставил на колёса пушки, брошенные в спешке при движении русских армий в сторону Парижа. За этим делом застал его март 1815 года и весть о возвращении узурпатора в Париж. Бурбон бежал. За «100 дней Наполеона Бонапарта» командир роты лёгкой полевой артиллерии штабс-капитан Корнин успел только развернуть упряжки в сторону заходящего солнца. Европа готовилась к новой войне. Все разговоры – только о ней. Сказывали, в окружении императора появилось несколько новых лиц. Среди них – отчаянный рубака Серж Корсиканец. Новый Мюрат, уверяли всезнайки из нестроевых. Портрет гусара в немецкой газете вызвал удивлённый возглас сдержанного обычно Андрея Борисовича: «Вылитый брат Сергей! Есть же на свете двойники». После Ватерлоо владелец этой странной фамилии, похожей на кличку корсара, в прессе и молвой больше не упоминался.

Когда батарея штабс-капитана Корнина вновь загрохотала колёсами орудий по булыжным мостовым Парижа, окончательно развенчанный император плыл на английском бриге в последнее невозвратное изгнание. А «белый, в лилиях» король приманивался на ненадёжном французском троне, умоляя коалицию не оставлять Франции, пока живо на острове Святой Елены «это чудовище». Русский оккупационный гарнизон на этот раз задержался в Париже на три года. Возглавил его генерал Воронцов, тот самый, которого вскоре «отличит» в Одессе несдержанный на язык и перо юноша Пушкин злой и несправедливой эпиграммой. При графе, озабоченном прежде всего бесконфликтным сосуществованием войск и мирного населения, нижним чинам стало жить вольготней и сытнее. Офицеры, не верящие в возможность мира, пока жив Бонапарт, пустились во все тяжкие, соря деньгами. Их

примеру своеобразно последовал царь, великодушно отказавшись от контрибуции. Александр вообще был плохим финансистом, не отличал рубль от червонца. При сборах домой в 1818 году открылось, что русские задолжали владельцам бистро, различных развлекательных заведений, хозяевам квартир, просто «французским друзьям» и подругам полтора миллиона франков ассигнациями. Как благородный человек, патриот, пекущийся об авторитете родины, граф Воронцов, представитель «варварской страны», продал доходное имение в России и покрыл долги армии из своего кармана. Тощее Министерства финансов в Петербурге поблагодарило генерала тёплым письмом.

Перед выступлением из Парижа командир гарнизона просматривал списки унтеров и обер-офицеров русских частей. Рядом с большинством фамилий была записана красными чернилами сумма во франках. На одной строке, без красной пометки, взгляд генерала остановился. Граф подозвал канцеляриста:

– А этот... штабс-капитан Корнин?

– Не должен-с, – торопливо пояснила чернильная душа. – Обходился жалованьем-с.

– Похвально. Вот что, любезный, этих святых угодников нашей армии, Корнина и других, сведи в отдельный список и каждому выдай вознаграждение из расчёта средней суммы долга.

– Слушаю-с, ваше высокопревосходительство.

Так скромный артиллерист, живущий от получки до получки, стал обладателем почти одной тысячи франков. Сумма для него фантастическая.

Эти-то деньги, обмененные в Варшаве на рубли, он и вёз в пакете, навороченном из газет и перевязанном бечёвкой. Решил осмотреться в отчем доме, прикинуть, что требует первоочередных трат, только потом развязать кубышку. Застряв в Петербурге для решения дел, связанных с отставкой и введением в наследство, Андрей Борисович обменялся письмами со старшей из сестёр, Антониной. Тем самым он избавился от неожиданностей, которые ждут всякого, лишённого вестей из дому много лет.

Глава VII. Игнацы Корчевский

Заможний пан Игнацы Корчевский старался не напоминать окружающим и даже самому себе о своём происхождении. Такой стиль поведения поощрялся Кшысей, в которую бывший пехотный подпоручик влюблялся всё сильнее, по мере того, как входил в лета и толстел. Страстное чувство молодой женщины, согласно хрупкой природе страсти, очень скоро сменилось милой привязанностью к добродушному увальню. Он располагал к себе покладистостью, отсутствием шляхетской заносчивости и постоянной готовностью услужить всякому. После кончины «полу-магната», ускоренной выбором горячо любимой дочери, новоиспеченный поляк не стал полноправным хозяином доходного фольварка. Он, как был принят в знатную семью *принцем-консортом*, таковым и остался. Старый Корчевский всю свою движимость и недвижимость завещал внуку Збигневу, «дофину», при «регентстве» пани Христины (смеялись злые соседские языки). Хотя милость Кшыси к мужу была безгранична, отец малолетнего землевладельца жил всё ж таки из милости супруги, повелительницы его слабого сердца. Он не обманывался, когда в глаза его называли хозяином. Правда, заняв роскошный кабинет покойного тестя, он во мнении окружающих получил право так титуловаться. Иногда, при плохом настроении, связанном с погодой, такое положение в семье задевало русского. Он оправдывался перед собой тем, что «зато» удерживает важную территорию, которой владел с рождения.

Такой территорией было православие. Нет, схизматик прилюдно не толковал о православии, не спорил с религиозными папистами-фанатиками, чья вера «правильней». Он просто отмалчивался, если разговор при нём касался веры. К руке местного епископа, часто

посетителя усадьбы, не подходил, ограничивался светским поклоном на расстоянии из уважение к сану. Разумеется, чужеродный элемент в монолитном католическом обществе не мог быть ни исторгнут из него, ни обнесён частоколом отчуждения. После Венского конгресса Королевство Польское, образованное на основе Варшавского княжества, этого наполеоновского творения, вошло в состав России. «Царём Польским» стал православный государь, такой же схизматик, как и зять «полу-магната» Корчевского. Но заноза – есть заноза: окружающее её тело ощущает дискомфорт. Если её нельзя решительно удалить, она рано или поздно сама выйдет...

Пани Кшыся, природная часть этого общества или (вернёмся к образности) живого католического тела, давления на мужа не оказывала, желая видеть его у папского престола. Однако с присущей ей искусством всего добиваться, если не мытьём, так катаньем, всегда вовремя появлялась перед «её толстячком» с аргументом сменить веру (нет, нет, не на лучшую, а на «более удобную» здесь, на Висле!). Рассказывая, обычно перед сном, с горечью, о какой-нибудь хозяйственной или светской неудаче, со вздохом заключала: «Всё могло бы повернуться иначе, в лучшую сторону, будь ты, *Игнацы*, католиком». По мере того, как подрастал *Збышек*, его будущие интересы, судьба владельца фольварка всё чаще в речах озабоченной матери стали связываться с желанным для Корчевских переходом «главы семьи» (подчёркивалось голосом!) в церковь Святого Петра.

Короче говоря, пришёл день... Об этом дне подробнее.

В просторной, самым придуманной одежде из тончайшего отбеленного полотна Игнатий с бутылкой «венгерского», со льда, спасался от жары в ротонде «с амурами», в тени разросшихся кустов сирени, в ту пору отцветшей. Это место вызвало в нём элегическое настроение, стало любимым местом уединения, своеобразным храмом его души, как у всех русских, в значительной степени языческой. Налив бокал «солнечного концентрата», он смотрел сквозь рубиновую жидкость на блики полуденного светила, играющие на капителях мраморных колонн, и думал... Да ни о чём он, по своему обыкновению, с тех пор как стал «главой семьи», не думал. Просто следил за игрой света, наслаждаясь ощущением жизни. Неожиданно появилась Кшыся, золотая от волос, китайского шёлка и зонта в тон платья.

– О чём задумался, мой Гаргантюа?

Так она нежно называла своего толстяка наедине.

Игнацы, переведя взгляд с бокала на жёнушку, которая для него оставалась большим явлением, чем солнце, совершенно искренне ответил:

– Думаю, свет, мой, во что облачиться мне, когда ты поведёшь меня к мессе.

Христина, выпустив из рук солнечный зонтик, без театральности бросилась к ногам мужа.

– Ты сам, ты сам решил, *коханы*. Как я этого ждала!

Чем ближе подступал назначенный день крещения в костёле, тем смутней становилось у Игнатия на душе. Чтобы прояснить её, чувствовал он, необходимо совершить какой-то очистительный поступок во благо покидаемых им единоверцев, близких. Почему-то чаще всего наплывало крупное, с трагическими глазами лицо старшей сестры, Антонины. Она и подсказала из дали в тысячи вёрст голосом, слышимым только им, братом. С её советом отступник вошёл в будуар жены. И вышел просветлённым, радостным. Жена поняла мужа и дала своё согласие выделить ему крупную сумму денег. Столько никогда раньше не просил скромный в потребностях Игнатий.

Через несколько дней «хозяин» *фольварка* вызвал в кабинет учёного ходатая по делам Корчевских. Им оказался восточного вида господин, в лапсердаке и чудовищной шляпе, при пейсах. На днях ему предстояло отправиться в Россию на открываемую Нижегородскую

ярмарку – проведать, чем она может быть полезна для плодов польской земли. По наказу пани Христины... Нет, нет, оговорились!.. По наказу пана хозяина. Пан Игнацы чуть не забыл о другом важном деле. Еврею необходимо сделать небольшой крюк, разыскать на волжском правобережье имение сыновей Борисовых. Там вручить барыне Антонине Борисовне от имени Игнатия вот этот баул, закрытый на замок. И ключик – отдельно.

– Ой! – вскрикнул учёный ходатай, с трудом отрывая вместительный, толстой кожи баул от пола. – Что это в нём, ясновельможный пан? Будто золотом наполнен.

Ещё один баул, поменьше размерами, оказался почти столь же тяжёл. Его следовало доставить в Нижний Новгород и передать настоятелю Спасо-Преображенского собора.

Невиданная честь: туманным утром следующего дня Игнатий-Игнацы Корчевский, осунувшийся после бессонной ночи, в стёганом шлафроке, сам вышел на крыльцо проводить путников. Слезы появились на глазах пана подпоручика, когда тяжёлая дорожная карета с учёным человеком польских землевладельцев и его вооружёнными помощниками скрылась за въездными воротами в усадьбу.

Глава VIII. Каторжник

После Ватерлоо захваченных офицеров армии Наполеона англичане и пруссаки передали королевской военной администрации. Среди пленных сразу выделилась группа подозрительных лиц, которые выдавали себя за французов. На допросах они путались в показаниях, называли вымышленных родителей и свидетелей. Правосудие не сомневалось: перед ними не граждане Франции, призванные под императорские знамёна бежавшим с острова Эльба Бонапартом, а иностранцы. Разговор с наёмниками в трибуналах был короток: каторжные работы.

Не избежал сурового приговора и гусарский полковник Серж Корсиканец, выдававший себя за провансальца. Ни удовлетворительный французский язык, ни внешность южанина не могли ввести в заблуждение опытных служителей армейской Фемиды. Корсиканец! Нет таких фамилий. Явно кличка участника тайного братства бонапартистов. Только как ни назвался бы лжец, он отметился в памяти многих знатных французских семей виновником гибели и позора элитного эскадрона королевских кирасир.

В истории утвердилось мнение, что опасный беглец с острова Эльба на пути от бухты Жуан до столицы не встретил сопротивления войск Бурбона. Это заблуждение. Стычки между «белыми с лилиями» и «трёхцветными» местами случались. На подступах к Парижу эскадрон императорских гусар атаковал подразделение тяжёлой королевской конницы. Кирасиры, все из благородных семей, были изрублены гусарами под командой дотоле неизвестного Сержа Корсиканца. Командир лёгких конников за этот успех получил из рук императора полковничьи эполеты. Узвлённая родовая аристократия взяла на мстительную заметку дерзкого гусара. И когда истекли «сто дней» Бонапарта, верный его офицер не мог рассчитывать на снисхождение старой знати.

Полковник был приговорён к пяти годам неволи. На него, как и на всех арестантов, собранных в тюремном дворе Брюсселя, надели синие тиковые штаны и красную арестантскую куртку поверх батистовой офицерской рубахи. Ему остригли голову, но поленились сбрить чёрную щетину на запавших щеках. Оставили осуждённому добротный солдатский ранец с обиходными предметами. Среди них затесался осколок блюда из белого благородного металла. Владелец сохранил заветное серебро в отнюдь не сытой жизни на острове Эльба. Поднялся с ним на борт брига «Непостоянный». Флагман исторической флотилии с Бонапартом на капитанском мостике тайно, глухой ночью, двинулся к Лазурному берегу, ведя за собой мелкие парусники. 1 марта 1815 года в бухте Жуан, в виду города Кан, высадилась «армия» в 1100 штыков, чтобы возродить Империю.

Пожилой жандармский офицер сопровождения осуждённых, носивший, по всем признакам, по ошибке мундир стража порядка и законности вместо сутаны кюре, проверяя поклажу нового подопечного, долго рассматривал обрубок серебряного блюда с выцарапанным инициалом С.

– Это что?

– Семейная реликвия.

Предмет определялся как «режущий». Обещание «превосходительного каторжника» не употреблять его во зло не возымели действия на службиста. Он изъясил опасный предмет, но обещал осуждённому возвратить реликвию в день освобождения.

Мужество покинуло презиравшего смерть кавалериста, наречённого неумолимой властью пятизначным номером, когда на нём, под затылком, заклёпывали ударами молотка железный ошейник. Прикованных к общей цепи прогрузили на длинную телегу и повезли в сторону моря. Решение покончить собой, как только представится возможность, казалось Номеру 11516 окончательным. Но долгая дорога способствовала созреванию другой мысли, более свойственной сильной и здоровой натуре Сергея, сына Борисова. Медленно уплывал за задок телеги мирный сельский пейзаж уже недоступной жизни. Двухное существо с железным ошейником на шее, потерявшее право называться человеком, но, тем не менее, им ещё остающееся, всё сильнее проникалось желанием преодолеть соблазны самоубийства. Выжить во что бы то ни стало! Сделать эту цель своим маяком и двигаться на огонь надежды через унижения и боль, телесную и душевную.

Сена и морские воды Ла-Манша в месте встречи образуют узкий и глубокий, более тридцати километров, залив (губу, говорят поморы в России). На северной его стороне раскинул свои причалы и другие портовые сооружения Гавр – главные морские ворота Франции. Здесь же находился острог. Узилище и в стужу не отапливалось. Арестанты спали на голых досках, ели неизменный «сюп». Всегда в кандалах, часто прикованные за ногу цепью к ядру. За малейшую провинность надсмотрщики наказывали каторжников палками, карцером, хуже могильного склепа. На рассвете заключённых уводили из острога в порт – на разгрузку торговых судов, на работы в доках. Пуще смерти страшились галер. При кораблекрушениях гребцов некогда было расковывать, да и опасно для команды. И работа на вёслах по двадцать часов с утки изнуряла до скорой смерти.

К счастью для русского, выдающего себя за француза-провансальца, даже здесь он почти освободился от настойчивого, соблазнительного зова смерти. А телом был крепок, несмотря на кажущуюся хрупкость небольшой фигуры. Часто его товарищи по несчастью (по сравнению с ним – голиафы) падали в изнеможении под мешком с грузом, у забиваемой вручную сваи; не выдерживли многочасовой плотницкой работы в доках. Его же тонкие, перевитые железными мускулами руки не знали усталости. Недостаток физической силы он возмещал природной выносливостью. Притом, научился расходовать энергию так, чтобы её хватало от сна до сна, короткого, но глубокого, всегда для него целительного.

При остроге была школа. Когда заболел какой-нибудь учитель-монах из обители, содержащей школу, тюремное начальство обязывало экс-полковника вести занятия. Получалось вроде отпуска, способствующего восстановлению сил. От изнурительной работы, от беспросветных мыслей выручала также способность к рисованию. Каторжане для обогрева под открытым небом в ненастные дни разводили, где разрешалось, костры. Уголёк из золы годился для росписи стен и других подходящих поверхностей в минуты отдыха колодников. Тюремное начальство заметило эту способность Номера 11516 и, бывало, заказывало «парсуны» с себя, предоставляя дешёвому (очень дешёвому) художнику какое-нибудь свободное помещение тюрьмы под временную мастерскую.

Ещё Корсиканец отыскал «наощупь» верный способ коротать время – не замечать его. Серж-Сергей не считал дни, не делал ногтём по вечерам царапин на досках нар, чем занимались многие из его соседей по заточению; не заглядывал мысленно в будущее, даже в завтрашний день. Календарь для него перестал существовать. Какой сегодня день? Число? Месяц? А год?.. Не всё ли равно! Вдруг оказалось: третье лето миновало с того дня, когда удар молотка под затылком отозвался в мозгу болью отнюдь не физической.

То осеннее утро выдалось пасмурным, холодным. Только каторжные погодой не интересовались. Те, для кого каждая минута существования – жестокая, бескомпромиссная война со всем тем, что олицетворяет тюрьму, способны ощущать лишь очень сильную боль и очень сильный голод. В заключении тупеет не только ум, тупеет каждая клетка организма. Какое значение имеет погода, если в твоём распоряжении в дождь, снег, стужу, при палящих лучах солнца, ветре неизменные штаны да куртка, рубаха из грубого холста, шарф жгутом, похожий на корабельный канат, башмаки, подбитые гвоздями, нелепая шапчонка?

Когда надсмотрщик с палкой на плече, вместо того чтобы соединить заключённого Номер 11516 цепью с другими каторжниками перед выходом со двора острога, велел ему следовать за ним, конвоируемый подумал, что ждёт его карцер и двойные кандалы. За что? Гадать не хотелось. Просто пришла его очередь. Но вместо карцера он оказался в кордегардии. Проходя через сумрачную прихожую, заметил боковым зрением человека в офицерском мундире без погон. Лица не разглядел: ранний посетитель сидел спиной к окну, а свеча на столике перед ним была экономно потушена дежурным жандармом.

В кабинете начальника, кроме самого хозяина в полковничьих эполетах, находились двое в штатском, не из тюремной команды. Каждого из здешних Сергей знал в лицо.

Неожиданно начальник, глядя в бумагу, выложенную на стол, обратился к арестанту, подтверждает ли он своё имя, названное им на суде, – Серж Корсиканец. Номер 11516 подтвердил по форме. Тем же скучным голосом, не поднимая глаз, жандармский полковник объявил:

– Решением Королевского суда вы с сегодняшнего дня освобождены. Двое в штатском, глядя на хозяина острога, согласно кивнули. Полковник сдвинул на край стола раскрытую, большого формата книгу и чернильницу с пером:

– Распишитесь здесь.

Сергей, сын Борисов, машинально повиновался. Он не был взволнован. Лишь удивлён: «Неужели пять лет прошло? Нет, года два-три...». Видимо, вид у него был для сидящих забавным, когда, с трудом расписавшись в книге, выпрямился и вытянул руки по швам. Королевские чины многозначительно переглянулись. Полковник повторил:

– Свободны. Возьмите паспорт. Да берите же! Ступайте!

Теперь голова у амнистированного пошла кругом. Надсмотрщик под локоть вывел его из кабинета и, велел дожидаться его в прихожей, вышел во двор.

– Серж! – шагнул к нему от окна человек в офицерском мундире без погон.

– ... Не может быть!.. Шарль!

Освобождённого гусара уже тискал в объятиях седоволосый ветеран Старой Гвардии, с которым летом 1814 года группа бонапартистов отплыла из Кан в сторону острова Эльба. Последний раз они, оба полковники, виделись накануне сражения при Ватерлоо. Когда восторг встречи сменился оживлённым, осмысленным диалогом, русский узнал, что Шарля спас от мести роялистов высокородный племянник, граф д'Анкур. Любимец Людовика; увёз дядю в родовое имение на полуострове Бретань и продержал там несколько месяцев под честное слово, пока вокруг Бурбона не утихли страсти «ста дней». Получив свободу действий, Шарль занялся поисками участников высадки в бухте Жуан. Найти удалось немногих. В их числе оказался каторжник Номер 11516. Свободу его француз-полковник выменял

на обещание племяннику не пытаться вызволить императора с острова Святой Елены – не компрометировать титулованную фамилию в глазах короля.

Разговор друзей-бонапартистов прервал вернувшийся надсмотрщик. Не расставаясь с палкой, он нёс на плече солдатский ранец экс-полковника. Следом за ним показался в дверях пожилой жандармский офицер сопровождения арестантов. В руке он держал предмет, размером с ладонь, завёрнутый в серую холстину и перевязанный шнурком. Приблизившись к амнистированному, протянул ему свёрток:

– Ваше серебро, месье полковник.

Через несколько часов нанятое Шарлем рыбацье судно выйдет из Гаврского порта вслед за солнцем в залив Сены. За мысом Аг баркас повернёт на юг, к берегам Бретани.

Граф д'Анкур, владелец титула и родового замка, вчерашнего каторжника невзлюбил заочно. Шарль представил его настоящим именем. Во мнении убеждённого роялиста, русские хоть и пригрели у себя дома высокородных беженцев из Франции после революции, таких как герцог де Ришелье, но унизили французов так, как не унижал их никто со времён 100-летней войны. Правда, граф несколько смягчился, когда увидел карандашные наброски нежеланного гостя. Даже снизошёл до заказа ему своего портрета Сергею раньше не приходилось писать масляными красками. Пришлось учиться на ходу. Работа затянулась. Увидев себя на холсте, граф окаменел лицом и молча удалился. Не качество исполнения было тому причиной. Рука художника невольно изобразила сущность молодой, с жесткой складкой рта, холодной натуры. Работа была отправлена в чулан. Новых заказов от хозяина имения на полуострове не последовало.

Борисову сыну претило быть нахлебником у кого-либо. К его удаче он пришёлся ко двору, точнее сказать к цеху, а по-русски, – к артели мастеров по восстановлению старых фресок. Неподальёку от замка д'Анкуров, в седловине между соседними холмами, располагалось аббатство, возведённое в романском стиле ещё при Карле Великом. Здесь находилась графская усыпальница. Древние фрески сильно потускнели, местами было невозможно понять, что на них изображено. Как-то, прогуливаясь по окрестностям, товарищи по высадке в бухте Жуан забрели в аббатство. Их внимание привлекли спорщики, сгрудившиеся у покрытой фресками стены. Сергей-Серж прислушался, дал совет. Кто-то из спорящих сначала возразил, но, подумав, последовал совету чужака. Когда на стене под рукой мастера появилось поверх старой краски свежее красочное пятно, раздались возгласы одобрения. С того дня гость Шарля зачастил в аббатство. Сначала работал как ученик – за символическую плату, скоро оказался среди помощников мастера. Пришёл день, когда со словами «позвольте, граф, расплатиться за стол и кров» он выложил перед своим благодетелем табачный кисет с луидорами. Разумеется, родовой аристократ от золота своего гостя надменно отказался. Тогда гость пожертвовал эти деньги домовому храму д'Анкуров. Представитель титулованной знати был вынужден невольно признать однодворца равным себе.

Жизнь в Бретани русского человека, нижегородца из служилого сословия, авантюрная, наполненная приключениями, закончилась, когда капитана Шарля, из младшей ветви д'Анкуров, отнесли в родовой склеп. Сергей-Серж, по приобретённой в остроге привычке не замечать течения времени, только тогда обратил внимание на календарь. Ого! Седьмой год пошёл, как он вышел из острога. А всего пробыл Сержем Корсиканцем более десяти лет. Пора к русскому имени возвращаться. Пора к своим.

Глава IX. Црна Гора

Путешествуешь ли из Лондона в Париж, оттуда – в Петербург через Стокгольм, затем, с заездом в Варшаву, направляешься в Вену – всё Европа, многоликая, узнаваемая по пла-

тью, по манере поведения, по схожим образцам искусства и литературы. Местные народы перелистывают календари XIX века Христианской эры, их знать изъясняется в гостинных на французском языке. На этом небольшом «полуострове евразийского материка» императоры и короли посылают своих солдат друг на друга прусским шагом под губительный огонь шуваловских орудий, часто на английские деньги.

А спустишься Дунаем из Вены всего на шестьсот вёрст через европейский Будапешт в Белград, столицу зависимых от Порты сербов, окажешься на территории азиатского владыки. Султан управляет Балканским полуостровом, колыбелью европейской цивилизации, из Стамбула. Древний Византий давно забыл *дней Константиновых начало*, обзавёлся минаретами и сералями. Семибашенный замок, янычары, тонкие и прочные колья, как метод воспитания послушников, протяжные, сдавленные вопли муэдзинов.

Если, оставив за спиной Белград, одолеть в полуденном направлении ещё две с половиной сотни вёрст горных дорог (вернее, бездорожья), окажешься на Адриатическом побережье. Здесь, в османской глубинке, обнаружится сюрприз в виде крохотной скалистой страны *Црна Гора*, называемой за её пределами чаще *Монтенегро*. Никем из соседей никогда за всю свою долгую историю *Черногория* до конца завоёвывана не была. Повернувшись спиной к католическому и протестантскому западу, презрительно глядя в близкое лицо ислама, упрямо продолжали жить славяне-черногорцы по «византийскому времени» раннего христианства. И в начале века паровых машин патриархи отдельных родов – ещё не феодалы, лишь примеряются к их правам. Племенная территория ещё не государство и правит на ней волей вооружённых мужчин, *скупцины*, светский и духовный владыка, в одном лице, по законам гор. Древнейший из законов – право на кровную месть. Вендетта и междоусобицы не дают дожить до старости четвертой части мужчин каждого поколения. Вторая четверть гибнет в войнах с турками. Только в сражениях с иноземцами и в праздники по случаю побед, да в церкви черногорцы едины. Признаёт брат брата по низкой цилиндрической шапочке чёрного цвета, с красным верхом, что называется *кана*, по православному кресту на груди, по однострунным гуслиам за спиной и всегда заряженному ружью в руке. С последним не расстаются и ночью, кладя у изголовья. *Вазда му е рука на оружью*. Каждый мальчишка, в семье ли воеводы он растёт или углежога, перво-наперво учится метко стрелять, пасти овец, сочинять героические песни по древним образцам и петь их, водя смычком-гудало по струне народного инструмента. Также учатся с колыбели узнавать издали два лица: одно принадлежит тому, кому на роду написано тебя убить, другое – твоей жертве, назначенной нередко дедами задолго до рождения мстителя.

Црна Гора – природные бастионы Динарского нагорья. Они возвышаются над Адриатикой, местами отступая от берега, скалистыми уступами. Венчает эту неприступную цитадель «донжон Плутона» – вершина Боботов-Кук высотой в 2522 метра. Две стремительные горные реки, Пива и Тара, в глубоких каньонах, как Божьи рвы, охватывают царственную высоту горных сербов. Самые могущественные враги южных славян (а таковыми веками оставались турки-османы), заглатывая их земли по всему Балканскому полуострову, неизменно ломали зубы на камнях Черногорского карстового плато. Его защитников будто не женщины рожали, а духи гор ваяли из того же камня. Если полчища завоевателей, бывало, овладевали долинами, их жители уходили вверх, за облака, откуда отступить некуда, выше только небо.

Оставались независимыми гребни хребтов, местами голые, лишённые почвы, белеющие известняком, местами зелёные от трав. И горные склоны, поросшие буковыми и дубовыми рощами, населённые оленями, кабанами, дикими козами, зайцами, всякой живой мелочью не доставались врагам. Высокогорные луга, освобождаясь от зимнего снега, давали пищу овцам, спасителям нации, едва насчитывавшей сто тысяч человек в свободных от

турок пределах. Народ неизменно выживал и прирастал новыми поколениями. Ключки скудной почвы в расщелинах скал, на узких террасах горных потоков распахивались и худо-бедно кормили местное население и беженцев из долин кукурузой и пшеницей. Порте удавалось овладеть, бывало, надолго, основными житницами Черногории. Ими были плодородные почвы вокруг селений Никшич и Подгорица, Скадарская озёрная котловина, богатая краснозёмами. Там вызревали маслины, плоды гранатовых деревьев и виноград.

Но сердце Черногории всегда оставалось в горах. Они учили доблести, укрепляли тело, обостряли зрение стрелков, воспитывали презрение к смерти, ставили честь выше всех ценностей, усиливали любовь к Родине. *Весела ми майка!* И удивительная любовь к пению у горцев – от гор, что многозвучным эхом отзываются на голос певца, подхватывают мотив мощным хором.

Испытывая во всём материальном недостаток, обитая в бедной хижине, горец не считал себя нищим. Ведь ему безраздельно принадлежало всё это живописное Божье творенье – мятежно вознесённые к звёздному небу скальные зубцы, будто сошники вспахивающие райские уголья. Православное мироощущение не препятствовало вере в мифических белых дев – хозяйек рощ, озёр, рек и ручьёв, скал и отдельных камней, расщелин и пещер, горных троп. Они поселились здесь задолго до Христа. Эти *вилы* незримы, но голосисты. Они добры и суровы одновременно: предупреждают путников об опасности и жестоко наказывают ослушников. Их соблазнительные голоса способны заманить юнака туда, откуда нет выхода. Только однажды за все неисчислимые века лишь одну *вилу*, обитавшую в пещере на горе Ловчен, приручит, добром понудит служить себе избранный Богом черногорец. Но в году 1814, куда я завёл сейчас читателя, тому мальчику всего один год от роду. Подождём немного.

Россия со времени Петра Великого помогала православным родичам финансами. Русская дипломатия работала на престиж малого народа, оказывающего героическое сопротивление мощной мировой империи с повадками восточного хищника. Когда заканчивался Век Екатерины, объединённые силы племенных воевод нанесли сокрушительное поражение османским войскам при Крусах. Ходили слухи о лёгких орудиях, доставленных неизвестно какими путями, неизвестно от кого в руки православных. В годы Наполеоновских войн с помощью русской средиземноморской эскадры адмирала Сенявина черногорцы отвоевали берег Адриатического моря, что закрепило фактическую независимость горной области. Православные митрополиты в Цетинье, из рода Петровичей-Негошей, получивших второе имя по названию родного племени, были живым центром притяжения приверженцев греческого вероисповедания. Уже более ста лет они забирали в свои руки и светскую власть. В обществе, в котором клановые интересы ставились выше племенных, а племенные преобладали над общенациональными, такая централизация была благом для народа.

Дом рода Каракоричей, не одно столетие дававших воевод племени плужан, отличался от других жилых построек горного селения Плужине лишь большими размерами. Сложенный из дикого камня, с окнами-бойницами, он стоял на скалистой террасе над глубоким каньоном речки Пивы, замыкая наружную стену двора. Изнутри к ней лепились хозяйственные постройки. Открытой стороной двор выходил на каньон. В случае необходимости усадьба превращалась в крепость, как и соседние дворы. Патриархальное селение на скале являло собой серьёзное препятствие для тех, кто с недобрыми намерениями поднимался от приморской низины в горы единственной дорогой через Подгорицу и Никшич. С запада горную дорогу из долины Дрины, занятой турками, контролировал укреплённый Старопивский монастырь.

В летний день 1814 года дозорные на звоннице церкви Св. Георгия оповестили плужан особым звоном колокола о приближении к селению с востока двух верховых. Двигались они не дорогой через Никшич, а тропой из Крстака. Мужчины высыпали за околицу. Запестрело куртками, короткими шароварами, чулками. У каждого на голове капа, на ногах кожаные опанки. Все при оружии. Конная пара неизвестных им не страшна, но так здесь положено мужчине выходить из дому на глаза чужих. Даже священники носят под ризами мирское платье, за поясом – кинжалы и пистолеты.

За ворота своих дворов вышли женщины в чёрном. Среди них выделялись тревожным выражением тёмных глаз жёны Александра и Петра Каракоричей. Другие замужние женщины или уже дождались своих мужчин, уходивших на чужие войны, или получили весть о их гибели. Только род Каракоричей был в неведении. И вот с верха башни раздались голоса:

– Так это наши! На церковь крестятся, по православному.

– Каракоричи! Оба живы!

– Нет, вижу только Александра.

– И Петр рядом.

– Это не Пётр. Чужой.

Наконец всадники на мулах, в окружении плужан, встретивших их за околицей, появились в селении. Принятый издали за Александра Каракорича, им и оказался. Молодой спутник его действительно обладал сходством с Петром, но только сходством общим: один тип лица. Впрочем, узкие, тёмные лица с горбатым носом и карими очами встречались здесь на каждом шагу.

Отвечая на приветствия всё прибывающей толпы, всадники подъехали к дому Каракоричей, спешили у ворот. Сняв шапки, перекрестились на барельефное изображение Матери Божьей с младенцем в нише надвратной арки. Александр шепнул спутнику:

– Вот эта, выше других, Катерина, моя невестка.

– Прекрасная женщина! – искренне отозвался русский и, с молодой горячностью повторил сказанное много дней раньше. – Окажи честь – сосватай. Прошу.

Александр вроде бы не обратил внимания на слова своего подопечного. Он склонился в общем глубоком поклоне перед сородичами:

– *Помага бог!*

– *Добра ти сретча!* – отвечали ему, склоняя головы.

После этого обнял жену, скоро отстранился, словно не был дома день-другой, и стал по очереди здороваться с каждым из домашних. Пётр, сын Борисов, также сделав общий поклон, стал искоса поглядывать на Катерину. Рослая, с первыми следами увядания на удлинённом, с прямым тонким носом лице, окружённая детьми-подростками, она поникла всем стройным телом, поняв по каким-то особенностям поведения деверя, что уже вдова. Когда Александр приблизился к ней, она опустила сухие глаза, дала обнять себя за плечи и трижды поцеловать в щёки. Потом так же внешне бесстрастно выслушала весть деверя и приняла его волю:

– Пётр умер, да упокоится его душа, – (сделав паузу, старший в роду подвёл к вдовой невестке чужестранца, всем своим видом выражающего расположение к окружающим людям, соединил их руки). – Вот муж тебе, Катерина, мой названный брат, тоже Пётр, новый Каракорич. Он русский, а значит, более чем брат нам, плужанам.

Последнюю фразу Александр произнёс, напрягая голосовые связки, чтобы его слышали не только родные. Соплеменники, стоявшие поодаль, согласно откликнулись. У всех на памяти были дерзкий прорыв под огнём французов русской флотилии в бухту черногорского порта Бар и молебен освободителей (подумать только!) в православном храме в Цетинье.

Женщина не убрала своей руки, выразив тем самым своё отношение к неожиданному сватовству. И так – рука в руке, – не обменявшись ни словом, помолвленные пересекли двор,

поднялись на крыльцо дома и скрылись за дверями, оставив свидетелей древнего языческого обряда снаружи.

Глава X. Каракорич-Рус

Большая усадьба Каракоричей вмещала несколько семей. Замужние дочери покойного воеводы Милована ушли из отчего дома продолжать жизни других родов, незамужние ждали своей очереди под родным кровом. Всех сыновей последнего вождя плужан пережил Александр. Когда пришло время выбирать нового воеводу, *скупщина* согласно выкрикнула Александра Каракорича. Избранник с семьёй переселился в древнюю резиденцию *жупанов*. От него самого, от его братьев пошли самостоятельные ветви. Другой Пётр, наречённый Каракорич, кровного родства с ними не имел. Русский офицер с помощью местной славянки стал здесь родоначальником отдельного «древа». Ещё плохо владея местным наречием, он говорил о себе, ломая язык, «я русский, рус». Плужане и соседи подхватили: «Каракорич-Рус». Так появилась новая черногорская фамилия.

Первый Каракорич-Рус, с Катериной, пасынками и падчерицами, занял крыло жилого строения старой усадьбы. Кроме них, в доме жили другие свойственники его жены. Покои супругов выходили окнами и дверью на террасу над каньоном. Глубоко внизу, на дне ущелья, грохотала, перекатывая валуны, пенная Пива. Отсюда открывался вид на царственную вершину Боботов-Кук и островерхие шапки её горной свиты, белеющие, точно снегом, известняками, доломитами и меловыми породами. По какому же признаку это белогорье названо чёрным? Есть легенда, что, когда скапливается и запекается под солнцем кровь бойцов на светлом камне гор, они темнеют.

Петру полюбилось отдыхать от дневных сует над Пивой. В распашном кафтане, прихватив чубук с трубкой, усаживался на краю пропасти. Высоты не боялся. Смотрел перед собой и в себя, курил, вспоминал Россию и всех, кого оставил в ней. Заряженный пистоль с кремневым замком держал под правой рукой. *Всегда му е рука на оружью.*

В краю, где древний Бог Кровной Мести был столь же почитаем, как восточный пришелец Иисус Христос, мужчины с ятаганом и огнестрельным оружием ходили по нужде, спали, ели, зачинали детей. Клинком и средством огненного боя владели все в совершенстве. Походка выработывалась звериная. Ибо каждый был и охотником на себе подобного и дичью для обитателей соседнего селения, случалось, соседнего дома. По преданию, Каракорич-пращур убил в ссоре отца семейства из селения, что виднелось со звонницы за каньоном. И потянулась кровавая цепь мести. Интересно, попадает ли в перечень обязательных жертв названный брат убитого на войне сына Милована Каракорича? Опасаясь быть осмеянным, как трус, Пётр никому не задавал этого вопроса. Но ответ всё-таки получил, когда молчаливая, всё понимающая Катерина сама засунула ему за пояс великолепную, с насечкой из серебра, черногорскую «игрушку». С тех пор он с пистолем не расставался.

Стены покоя, доставшегося Каракоричу-Русу, были увешаны всевозможным холодным и огнестрельным оружием поверх звериных шкур, между черепами оленей и горных козлов. Выделялся размерами (скорее пушка чем ружьё) старый, проверенный дедами *жевердан* с кремневым замком, украшенный перламутром, цветными камнями, накладками из серебра. Пальнёшь во врага картечью – нет головы, а то и несколько голов враз. Тут же находились пороховницы из рогов копытных, кожаные подсумки и лядушки со свинцом. Сталь и серебро, полированное дерево, прекрасно выделанная кожа. В горах убивают красиво. И зверей, и заморского врага, и ближнего. Сюда Борисов сын добавил новинку иного характера. Местный умелец по его заказу изготовил из бука пластину квадратной формы, оковал её по краям серебром и врезал по центру квадрата сектор серебряного блюда с выцарапан-

ными на нём инициалом «П». Место для этого украшения, странного для непосвящённого, нашлось над столом для письма. Кроме сабельного творения брата-гусара, ничего материального от прошлой жизни у беглеца не осталось. Потом появились книги на русском языке. Петр добыл эти сокровища в Русской Православной миссии при дворе Митрополита в Цетинье, куда Каракоричи-Русы возили новорожденного сына. Катерина хотела, чтобы их с молодым мужем первенца непременно крестил сам Митрополит. Это был и для отца мальчика первый спуск в долину, с тех пор как он поселился в Плужине. Он запомнился новыми впечатлениями.

Сначала вёрст пятнадцать всадники и мать с младенцем в двуколке поднимались по каменистому просёлку вдоль левого берега Пивы. Миновали Пивский монастырь и свернули вправо. Просёлок вывел путников через перевал в Никшич. Отсюда был световой день неспешной езды до многолюдного селения Подгорица по хорошей дороге через плодородную долину, находившуюся в руках турок. Османь теперь опасались чинить препятствия своим извечным врагам. Не дай, Аллах, осерчать русских! Оставив Подгорицу, за Петровской горой путники увидели судоходное Скадарское озеро, самый большой пресный водоём на Балканах, в каменистых, местами заболоченных берегах. Лишь северо-западным его заливом, с россыпью скалистых островков, владели черногорцы. Его берега и несколько обитаемых, укрепленных остров по-прежнему удерживали албанские турки. Западнее, на побережье Адриатики, хозяйничали австрийцы. Перешла в их руки и одна из наиболее защищенных от морской непогоды, глубоко врезанная в гористый берег «фестончатая» бухта по названию Боко-Котор. В тот день путникам открылась в разрыве туманной дымки часть залива, его ответвление, но и по нему можно было составить представление об изумительной красоте этого горного каньона, погрузившегося в море, как говорили, при Всемирном потопе.

У Руса, как чаще всего звали Петра плужане, кольнуло в сердце. Ведь черногорское приморье, отвоёванное у османов и французов с помощью русских моряков, решением Венского конгресса в 1815 году поставлено под контроль Вены. С согласия русского царя. Как после этого «дипломатического жеста» Александра I смотреть в глаза соседям! Вообще, победитель Наполеона повёл себя неразумно в отношении черногорцев: лишил их денежной помощи, поступавшей в страну со времён Петра Великого. Когда-то небольшие субсидии своим бедным соседям выплачивала заживевшая Венеция, не без расчёта, разумеется. Но республика, по воле Бонапарта, приказала долго жить. Место коварного благодетеля Црной Горы заняла Австрия, тоже с дальним прицелом. Нет, лучше не думать об этом! Лучше смотреть по сторонам.

С закатной стороны к озеру подступало Цетиньское поле. За час ходьбы можно пройти его из конца в конец. У подножия горной гряды Ловчен, в зелёном обрамлении оливковых рощ и виноградников, дубняка и гранатовых деревьев, открылся белый монастырь среди россыпи мелких построек. Цетинье. И резиденция митрополита, и светский центр страны. Крепостная стена с арочными углублениями, с широкими у основания приземистыми башнями под коническими крышами ограждала от внешнего мира храмовые сооружения. Среди них выделялись размерами суровый по внешнему виду монашеский корпус и украшенное аркадой здание консистории, исполнявшей также функции министерств и высшего суда. Здесь собиралась общенациональная *скуптина*, принимали гостей.

Над двухскатными кровлями и кущами старых деревьев возвышалась квадратная, увенчанная крестом башня Табля. Отсюда дозорные оповещали Цетиньскую обитель, жителей посада и окрестных селений о подозрительном движении на дорогах. Верх башни щетинился дубовыми кольями. На них, в мстительное подражание туркам, были насажены головы

врагов, предварительно отмытые от крови и грязи, просоленные и причёсанные. Некоторые усохли, почернели, «улыбались» оскаленными зубами. Пётр I Негош (по-местному *Петар*), правящий митрополией и страной уже четвёртое десятилетие, от этой традиции не отказался. Наверное, особенно «нарядно» выглядела башня в дни наивысшего торжества, когда черногорцы рагромили турецкую армию при Крусах.

После той победы «Пётр Первый *Црной Горы*» добился от султана лукавого признания некоторой автономии Черногории. В Стамбуле был издан специальный *фирман*, так хитро составленный, что толковать его можно было по-разному Тем не менее, он укрепил авторитет митрополита за рубежом. И, главное, у себя дома. Ведь каждый черногорец терпел от самого себя, неукротимого и упрямого, от соседа по родному селению, от жителей другого посёлка, что рядом (руку протяни!), от родственных племён не меньше, чем от воинов Аллаха. В грозовой атмосфере страстей и вражды вокруг горы Боботов Кук весьма кстати оказалось появление человека в рясе, наделённого высшей земной властью. Его убедительное слово, иногда только красноречивый жест или просто крест, посланный враждующим сторонам, останавливали племена, всегда готовые к смертному бою по пустякам, охлаждали горячие головы отдельных упрямец, мирили семьи, враждующие из-за межи в кукурузном поле.

Мудрый митрополит воспитывал свою паству написанной им «Краткой историей Черногории». Содействовали сплочению крошечной нации его эпические, воспевающие героике народа стихи и патриотические послания друзьям, ходившие по рукам в списках. Для «трудных чад» своих высокообразованный чернец составил «Законник». Книги печатались на обветшавшем станке сербского первопечатника Црноевича, установленном в *друкарне* митрополичьего двора три века тому назад. Русские обещали доставить новую типографию в Цетинье, только никак оказии не случалось. Редкие транспорты, пробивавшиеся к месту назначения морем и посуху, битком набивались оружием и порохом, бывало, продовольствием. Только свинца не просили черногорцы, свинец в горах был свой.

Как-то, оглянувшись на себя, далёкого уже – в глубине минувших лет, молодого, посвящаемого в архиереи, митрополит встревожился отсутствием наследника. Старший племянник умер в детстве. Второй, посланный на учёбу в Петербург, увлёкся светской жизнью, превратился в неисправимого шалопая. Надежда оставалась на третьего, Радивоя. Мальчонке едва исполнилось два года к тому времени, когда в Цетиньскую обитель чета Каракоричей-Русов привезла крестить новорожденного из Плужине.

Глава XI. Брат, сестра и Хруновы

Андрей Корнин ещё не узнавал глазами того угла Нижегородщины, в котором Екатерина Великая выделила служилому человеку Ивану, родства не ведавшему, землицы на один двор и несколько душ крестьян. Но уже чисто русским чувством *родного пепелища* ощущал близость отчего дома. Коляска катилась по сухому месту, со всех сторон открытому, овеваемому лёгким воздухом. Весенние поля зеленели первой травой, зацветал дикий кустарник и какие-то деревья, похожие на вишнёвые. На все лады гомонили птицы. Когда лошадёнки, уже не понукаемые ямщиком, весело побежали под гору, впереди зачернела вспаханная земля. Мерно ходили по полю мужики с лукошками через плечо, рассеивая горстями, широкими махами руки хлебные семена. Следом, взрывая сошниками чернозём, шли за сохами оратаи. Мелкие лошади тянули сильно, вдохновенно, рассыпая на две стороны рыхлую землю. Сзади следовали железнозубые бороны, запряжённые совсем мелочью о четырёх ногах и управляемые мальчишками. Хотя было свежо, мужики и дети были с непокрытыми головами, босы, в рубахах поверх летних портков.

Вчерашний офицер залюбовался этим тяжёлым, но добрым, лёгким и весёлым трудом. К чёрту губительную артиллерию! Он рождён для полевого хозяйства, чтобы ходить за сохой, срезать косой траву, воевать с сорными травами, возить просохшее зерно на мельницу и поздно вечерять в кругу семьи простой крестьянской пищей. Андрея наполнила радость встречи с родным-забытым, давно оставленным ради царской службы. Подумал, не их ли, Борисовичей, мужики заняты севом. Судя по многолюдству, да по обширности запашки это не их вотчина, а крепкого соседа. Эта мысль вызвала ощущение наследственной бедности, но не стала ложкой дёгтя – проявилась в сознании и стёрлась светлыми впечатлениями. Ведь Корнин возвращался в природную для него среду обитания, в *мир труда из мира службы*, от долга по присяге к долгу свободной деятельности.

Вдруг на спуске взгляд зацепился за осиновою рощицу, из-за которой выглядывал серый от ряби пруд. Вот она, вотчина в один двор! Узнал, хотя мгновенье назад не мог вспомнить подъездной дороги. Просёлок огибал рощицу и заросший пруд, и открывалась усадьба, обнесённая завалившимся местами тыном. За распахнутыми створками ворот приготовилась сползти по склону в пруд большая изба, крытая тёсом. По голому кругу двора – хоровод избышек и хозяйственных строений под соломенными крышами. Мужики и бабы, ребятишки теснятся под крыльцом. В одну горсть барина поместятся. Над ними, между столбами жалкого портика, узнаётся грузным телом, крупным лицом сестра Антонина в грубом платке. Выбравшись из коляски, загулявшийся по Европам хозяин торопливо откупается от крестьян мелкой медью из кармана, оставляет на них коней и ямщика и понимает по шатким ступеням. Антонина, ростом не обиженная, мочит слезами сюртук на груди брата. Он ведёт сестру в дом под локоток, удивляясь её пронизательности: «Ты как узнала, что сегодня приеду?» – «Сердцем почуяла, Андрюша».

В родовом гнезде пахнет протопленными печами, сыростью мытых полов, жарким самоваром и сухими травами, развешенными по комнатам. Мерцает лампада перед божницей. Шуршат тараканы. Утерев слёзы ладонью, сестра тут же приняла деловой вид, захлопотала без суеты, толково отдавая распоряжение сенной девке и, высовываясь за входную дверь, зычным голосом – *людям*. Удивительно, всё исполнялось. Видно было, Антонина здесь и барыня, и крестьянка, и кухарка, и ключница, и ходатай по собственным делам, и ещё управительница «имением». На ней запашка, оброк, бездельные мужики, частенько под хмельком, ревизские сказки. Всё на ней.

Дорога утомила Андрея. Но брат и сестра не расходились на ночлег до вторых петухов. Самовар давно остыл. Заскучали недопитые стаканы толстого синего стекла. Обиженно надулись на подоконниках старинные штофы с наливками домашнего изготовления. Старшие из детей однодворца Бориса, Иванова сына, всё говорили и наговориться не могли. Андрей поведал о своих подвигах на полях Европы, о том, как фамилию Корин от самого царя получил, о житье-бытье в оккупированном Париже. Рассказал о встрече братьев в Сиверском городке и пророчестве маркитантки и показал свою четверть серебряного блюдца с буквой А. Живы ли младшие, не знает. В Европе не встречались, даже вестей по оказии штабс-капитан от своих не получал. Когда наступила пауза, Антонина с живостью изложила своё, что вертелось у неё на языке:

– Верно, о младшеньких сказать нечего, а Игнатий наш жив. Только послушай братец! Появился здесь прошлой весной человек, невиданный в наших краях. Иудей! Вот тебе крест! Сунул мне тяжеленный сундучок. От *пана* Игна...цы, говорит. Да, так и сказал, от *пана Игнацы*. Больше ничего добавить не пожелал, как я к нему, Иуде (прости, Господи!) не льстилась.

С этими словами Антонина вновь перекрестилась.

– Странно, – отозвался Андрей. – Чего это с ним приключилось? Игнацы! А что в бауле?

– Да вроде... Глянь-ка сам.

Старшая из детей Борисовых тяжело поднялась из-за стола, подошла к угловому сундуку, обитому медными полосами, скоро нашла ключ в связке на поясе. Извлекать баул позвала брата. Тот, раскрыв обтянутый кожей дорожный сундучок, решил дара речи. Наконец выдохнул:

– Да тут... Мы миллионщики!

Гостинец Игнатия оказался грудой наполеондоров. Тысяч на тринадцать рублей, подсчитал отставной штабс-капитан, разложив золотые кружочки в столбики на освобождённой от посуды столешнице. Затем старшие Борисовичи, отправив деньги обратно в баул, а тот – на дно сундука, уставились друг на друга. Первой заговорила Антонина:

– Есть у меня мыслишка, братец.

Тот понимающе улыбнулся, сходил в выделенную ему комнату за «подножной шкатулкой», что была с ним в экипаже, извлёк из неё пакет, перевязанный бечевой.

– С такой же мыслишкой я ехал сюда, правда, намного более скромной. Вот тысяча рублей, выданные мне за труды тяжкие во благо отечества. Деньги к деньгам – и прикупим землицы с крестьянами. А, сестрёнка?

У той загорелись глаза и сразу потухли. Вздохнула:

– Земля у нас больно дорога, да и *хрестьяне* не дешёвы. Надо бы посоветоваться с Хруновым.

– Кто таков?

– Сансаныч, сосед наш, ума палата. Все к нему за советом ездют. Человек пришлый, откуда – не ведаю. Годков три, как Александровку купил. Не забыл, чай, сельцо за Голым долом. Хрунов не богат, да дочка у него единственная... Александра... На выданье, – Антонина хитро покосилась на брата, но тему развивать не стала. – Ладно, утро вечера мудренее.

– И то верно, – согласился Андрей, – Ты-то как? О смерти сестры Маруси (царство ей небесное!) ты мне подробно отписала. А что Таня, её замужество? Не понял я, неужто на крестьянина прельстилась? А не крепостной ли?

– Был крепостным на заводах Демидова, да выкупился. Знатный рудознатец наш свойственник Степан Золотарёв. Видать, когда золотишко для хозяина грёб, о себе не забывал. И слава Богу! Уважаю. С Камня съехал, говорит, подальше от соблазна, в золоте – дьявол. Купил в уезде дом с участком, огородничает. Какой ни есть – доход... А я... Что я? Кто на бесприданницу прельстится? Да на бабу-гренадёра? Так меня за глаза называют. А мне даже лестно. Да и на что нам чужой мужик в доме? Вот женю тебя (я ведь теперь тебе за мать осталась), пойдут родные мужички, малюсенькие, – не удержалась, закончила прозрачно. – Да-а, барышня Хрунова хороша-а.

...Кричали вторые петухи.

Новоявленный хозяин Ивановки проспал всего-то часа три, но поднялся свежим, наполненным радостью совсем иного свойства, чем той, с которым ложился в постель. Та была тяжела, как грозовой воздух, как баул, присланный невесть откуда братом Игнатием, сменившим православное имя на какое-то басурманское. Андрей опасался сделать неверный шаг с неожиданным богатством в руках, прогадать, лишиться подпорки в виде золотых столбиков из наполеондоров. Утренняя же радость была в красках зари, в ощущении всем телом земной, здоровой жизни.

Первая мысль – что ждёт его сегодня? Сразу ответ: полевая работа. На неё вдохновили его сеятели при подъезде к дому.

Через час он уже на яровом клине с мужиками. Сам идёт за сохой, сначала неумело, но вскоре память тела восстанавливается, и борозда выпрямляется, становится глубже, и чёрная почва рассыпается на две стороны аккуратней. Впереди косолапо шагает мужичок с лукошком, в рубахе навывпуск, босой. И подросток за спиной барина-пахаря боронит вспашку. Всё как у соседа, но в миниатюрном повторении, ибо у сына Борисова землицы с ладонь и народишка: *раз, два – обчёлся*. Эта мысль выводит на неожиданное богатство. Да, надо бы встретиться с... как его... Хруновым.

Тот лёгок на помине. Ещё солнце не село, когда сосед в изящной, лакированной коляске, одноконь, ворвался во двор через всегда распахнутые ворота. Рядом с немолодым вдовцом, догадался Андрей, сидела дочь в дорожном, застёгнутом наглухо, под горло, платье. Лица у прибывших одинаковые: улыбочивые, с лукавинкой в светлых глазах под высокими дужками льняных бровей. От первых слов с незнакомцем повели себя так, будто много лет перекликались через тын.

И Андрей сразу почувствовал расположение к соседу. А перед дочерью его растерялся. Шальная мысль проскочила горячей струйкой из основательной головы тридцатилетнего молодца в доселе холодное сердце. Да справился, не стал размягчаться посторонними мечтами.

Зато Антонина решила сразу *брать быка за рога*.

За ужином, поговорив о том, о сём, перешли к главной теме деревенских разговоров – о земле, о *душах*. Оказалось, у Хруновых мужички как тараканы расплодились на купленном клочке. А прикупить не по карману, дорога здесь земляца. У Корниных (эту фамилию Антонина сразу прикрепила к себе, как дарёную брошь), наоборот, людей не хватает, чтобы обрабатывать даже поле размером с носовой платок.

– Дорого, дёшево, – вздохнула Антонина, – а прикупать нам придётся, с людьми, хоть в другом уезде.

– Разве капиталец позволяет? – поинтересовался сосед, отличая на столе вишнёвую наливочку. – Сколько способны выложить? А я скажу, на что рассчитывать можете.

Андрей, подумав, назвал сумму.

– Не густо. Но если с такими деньгами на левый берег податься, к башкирцам, там можно разжиться землевладением, что твоё королевство Неаполитанское.

– Верно, – согласилась Антонина. – Свояк наш, Степан, дюже башкирцев хвалит, бессребреники.

– *За морем телушка*, – усомнился артиллерист, решивший стать землепашцем. – Допустим, людей за Волгу переведём, да сколько их у нас? И там крестьянами не разживёшься. Демидовы и всех вольных по заводам растащили.

Хрунов не возражал:

– И то правда, пуста земля будет. Что с неё возьмёшь? – тут какая-то мысль взволновала его, преобразила лицо, как вдохновением. – Вот ежели бы ваш капитал деньгами, да мой – *душами* – сложить, можно рискнуть... А что, идея!

– Андрей, бывший тугодумом, уставился на прожектёра:

– Кто ж хозяином будет? Как делить землю и людей? И кто наследует?

Хрунов и Антонина быстро переглянулись. Александра заулыбалась, без смущения, без рисовки. Голос отца стал вкрадчивым:

– Как-нибудь поладим, сосед наш дорогой. А наследует наш внук... Знаешь, что, – гость вдруг перешёл на «ты», – присылай-ка завтра сватов. Чего тянуть!

– И присылать не надо, и «завтра» ни к чему. Я тута, сейчас готова, – важно, совершенно серьёзно произнесла «баба-гренадёр», дуя на остывший чай в блюде.

Александра дурашливо всплеснула руками – кружева на рукавах и рюши на высокой, обтянутой английским сукном груди заволновались.

– Меня бы, батюшка и тётушка Антонина Борисовна, вначале спросили.

– А чё ты спрашивать, пигалица? – в тон дочери ответил отец. – Разве не вижу, глаз с молодца не сводишь. Где ещё такого богатыря в уезде встретишь? Засидишься, поджидая, старой девой останешься.

Андрей не привык на военной службе к таким «светским» вольностям. Там вольности проще. Он не знал, куда девать глаза и руки. Чувствовал, как наливается кровью его лицо. В тумане перед глазами обнаружился только один выход из столь неловкого для него (только для него) положения. Но как приступить? Слова в сем деле требуются особые. И особые жесты. Это тебе, штабс-капитан, не орудийной прислугой командовать! Наконец, смутно вспомнил какие-то правила, приличествующие неженатому мужчине его сословия в такой переделке. Он поднялся на ноги, едва не врезавшись теменем в потолочный брус, опрокинув стул, и заговорил в сторону божницы, так как отец и дочь сидели на противоположных сторонах накрытого стола:

– Сан... э-э-э, Александр Александрович, ваше высокоблагородие... сударыня... то есть барышня, Александра Александровна... Почитаю за честь породниться... Словом, прошу благословения... и руки...

Теперь девушка – открытая в чувствах и в их выражениях душа – смотрела во все глаза на хозяина дома. Впервые за весь вечер оценивала как возможного суженого. Очень даже не дурён! Можно сказать, привлекательный: твёрдое, волевое лицо; вместе с тем доброе, светлое. С ним будет легко. Староват, правда, лет тридцать. Да ничего, старики бывают крепкими. Как смешно делает он предложение. Ой, сейчас расхохочусь! Согласиться что ли? Ладно, соглашусь.

Глава XII. Наперсник Негоша

Сына Петра и Катерины Каракоричей-Русов нарекли Дмитрием. В узком мире селения, где все в той или иной степени родственники, свежая кровь вызвала к жизни мальчика с «букетом» способностей. Он всё схватывал на лету, к тому же был прилежен. Дарования мальчика выявились в плужинской «арифметической школе». Начало ей положил военный инженер, маявшийся без дела.

Об этой школе прослышал митрополит и при объезде паствы летом 1825 года выразил желание ознакомиться с ней. По осмотру принял решение оставить учебное заведение прапорщика *пионерской* службы подготовительным для задуманных правителем Црной Горы курсов военных инженеров. Лучшей кандидатуры в главные наставники, чем русский прапорщик пионерской роты, в Черногории не нашлось. Первый курс открывался при школе. Предполагалось направлять в Плужине для обучения новому делу толковых молодых людей из черногорских *четников*.

В те дни на глаза владыки, при испытании школяров, попался крещённый им отрок Дмитрий. Не только в классах. Опрос учеников закончился демонстрацией физической подготовки ребят. Дети седлали скакунов и делали круг по просторному двору, стреляли из ружей в тыквы, выложенные на низком заборе над каньоном Пивы, преодолевали боковую расщелину по канату, натянутому между её бортами. И здесь Дмитрий оказался среди лучших. После вечерней трапезы в доме воеводы, Пётр I Негош вспомнил о способном школьнике и выразил желание видеть его перед сном. Десятилетнего мальчика привели в покой, отведённый для высокого гостя.

– Оставайтесь и вы, – сказал митрополит родителям Дмитрия. – Речь пойдёт о будущем вашего сына.

Правящий представитель чёрного духовенства, будучи бездетным, в том году назвал своего наследника. Им стал третий племянник, двенадцатилетний Радивой. Он увидел свет в семье Томо Маркова Петровича, обитавшей в селении Негуши, у подошвы горной гряды Ловчен. Род Петровичей, из племени Негошей, уже почти 130 лет правил страной. Своеобразие династии было в передаче власти от дяди к племяннику, так как властным лицом являлся митрополит, «монарх в монашеской рясе». Полное имя сына Томо было Радивой Томов Петрович-Негош. Многодетная семья занимала обычный для деревни дом из дикого камня под черепичной крышей, более просторный, чем у соседей, более опрятный и обставленный богаче. В отдельном покое отец-богатырь (всегда не молодой, сколько знал его сын) принимал гостей. *Еси ли здрав и еси ли рад гостима? – Здрав сам, а гостима увiek рад.* Мама по имени Ивана (всегда молодая на памяти сына) и сёстры Радивоя подавали кофе и вина, угощали заглянувших мимоходом и приезжих издалека, бараниной, овощами и фруктами, неповторимым окороком-пршютом, под крепчайшую ракию, после которой русская водка кажется водичкой. Школа гостеприимства на всю жизнь.

Не по годам серьёзный, уже не отрок, но ещё не юноша, Радивой обладал быстрым, впечатлительным умом, был отзывчив на страдания людей. В нём созрел склонный к созерцательности и размышлениям поэт высокой пробы. Вот его бы в Санкт-Петербург, в знаменитый Царскосельский Лицей! Да уж поздно... Пришлось начать образование племянника со школы в древнем городке Котор на берегу живописной Боко-Которской бухты Адриатического моря. Здесь Радивой быстро освоил грамматику сербского языка, разобрался в особенностях родного наречия, научился читать и писать на итальянском и немецком. В которском порту любознательный юнак слышал и усваивал на лету речи французских моряков и русских негоциантов. Правящий дядя внимательно следил за его успехами. На второй год понял: которская школа исчерпана, пора перейти к «высшему образованию», доступному в маленьком отечестве.

Митрополит Пётр понимал: прошло время, когда будущий правитель страны воспитывался в плотном окружении чернецов и монашествующих чиновников. Для правильного развития наследника требовались теперь, по убеждению старого главы Црной Горы, высокообразованные светские наставники и сверстники из семей воевод и их приближённых, старейшин, белого духовенства, состоятельных землевладельцев и купцов. На ум приходили гетайры Александра Македонского, «потешные» однолетки русского царя Петра Алексеевича.

К будущим наперсникам наследника предъявили определённые требования. Мало управлять боевым конём; на скаку, привстав на стремях, попасть из ружья в подброшенное яблоко. Мало зажигательно петь сочиняемые на ходу песни, вести лёгкую беседу, плавать, словно рыба, прыгать по скалам, подобно горному оленю, в чём был искусен Радивой сызмала, когда он, отпрыск знатного рода, как все его однолетки из простонародья, пас овец своего отца за околицей родного селения Негуши. От сверстников, приближённых к наследнику, требовались ум и качества иного свойства. Каждому из них предстояли долгие испытания за письменным столом, среди изошрённых политиков, в многоязычном окружении друзей и недругов, в делах веры, международных отношений, просвещения, культуры, торговли, промышленности, земледелия. Словом, возле отрока, подготавливаемого к управлению страной, виделись достойные его подданные, друзья-советники. От приглашаемых на почётную игру-службу требовалось развивать в себе выявленные при отборе качества. А чтобы развитие пошло правильно и быстро, в нужном направлении, доверенные люди митрополита повсюду присматривали наставников.

Катерина не сразу согласилась расстаться с сыном. Последний, поздний ребёнок стал её последней же привязанностью в трудной жизни горянки. Но отец руководствовался иными чувствами: его единственному сыну выпали честь и удача приобщиться в маленькой, застрявшей в средневековой стране, к зарождающемуся сословию высокого духа.

Возле митрополита в закатные годы его правления образовался просвещённый кружок. В нём выделялся сербский поэт и педагог, секретарь правителя Сима Милутинович, человек сложного характера, сдержанно-самолюбивый, жаркий оратор. Уроженец боснийского Сараево, он участвовал в восстании сербов против турецкого ига. Бежал в Россию, которую боготворил; одно время жил в Одессе, где встречался со ссыльным Пушкиным у общих знакомых.

Владыка доверил Милутиновичу воспитание наследника, а заодно надзор за наставниками и «гетайрами». В сопровождении гордых и взволнованных родителей, начали прибывать в Цетинье подростки, утверждённые правящим дядей быть товарищами его племянника Раде. Так звали близкие серьёзного мальчика Радивоя, ростом выше всех своих сверстников при дворе старого Петра I Негоша. Он отличался яркой красотой: чёрные, с блеском, кудри до плеч, полные внутреннего огня глаза, цвета горной смолы, в которых, по словам всегда вдохновенного Милутиновича, *отражалось величие Божьего мира*.

В Цетинье отец и сын Каракоричи-Русы прибыли вдвоём. Привратник обители, пропустив Дмитрия, вежливо и решительно закрыл дверь, как говорится в таких случаях, перед носом провожатого. Его роль в воспитании сына была закончена. А несовершеннолетний плужанин переходил в разряд монастырских жильцов и учеников специальной школы при консистории.

Сима Милутинович предпочитал учить уму-разуму быстро взрослеющих мальчиков-южан, воспитывать в них граждан своей страны методом «Афинской школы», совмещённым со спартанской закалкой. В тени гранатовых деревьев монастырского сада слово умелого и терпеливого педагога ненавязчиво проникало в юные умы и глубже – в сокровенные уголки души. Казалось, он знал наизусть творения всех мыслителей континента от Платона до Гёте. Боготворил Пушкина, часто повторял: «Пушкин – первый среди славянских певцов! Нет, первый в Европе! Вот увидите, он ещё удивит мир! «Бахчисапайский фонтан» – только цветики, как говорят русские, цветочки впереди».

Нередко наставник выводил ватагу подопечных в луга, в перелески по краям Цетиньского поля. Бывало, седлали коней и достигали на рысях и вскачь отрогов горной гряды Ловчен. Однажды Раде едва не погиб, выпав из седла, но, преодолевая боль, взобрался на спину дикого скакуна и догнал товарищей. У подошвы гряды питомцы сараевца спешивались, разувались и босоногими, сбивая ступни в кровь, карабкались на скалистую Озёрскую вершину. «Ну, как Суворов в Альпах! Вы – его чудо-богатыри. Герои растут в горах, а в долинах – тыквы», – подбадривал не молодой уже учитель учеников, сам весь исцарапанный острыми камнями и колючками, сам весь в синяках.

С горы просматривалось Цетиньское поле, зелёное вблизи и ярко-синее, растворяющееся в дымке у дальнего края. Там громоздились друг на друга прозрачные, чуть более плотные, чем чистое небо над ними, отроги Боботов-Кука. На востоке, правее Цетинье, блесло под солнцем голубой сталью Скадарское озеро. А в морской берег закатной стороны вычурными заливами врезалась Боко-Которская бухта, с увалистыми берегами, наполненная густым ультрамаринном.

Все эти прекрасные творения божественных сил, соединяясь в молодых душах с понятием родина, производили впечатление хорошей, доходчивой лекции на патриотическую тему. Для каждого ученика был свой ориентир в развёрнутой перед глазами панораме. Назывался он «малой родиной». Для Дмитрия Каракоричи-Русы таковым служил в северной сто-

роне отрог, скрывающий за острым гребнем каньон Пивы. Радивой ощущал свои корни у подножия Ловченской гряды. Там, в селении Негуши, в каменных домах под черепичными крышами изначально жили его соплеменники-негуши. С орлиной высоты племенное гнездо выглядело красным пятнышком, размером с ноготь.

Каждый человек, если он не ошибка Бога, предназначен какому-нибудь служению. Названный Негошич посвящался провидением служению короткому, но яркому и разнообразному – государственному, поэтическому и духовно-религиозному.

Кроме занятий в саду, в стенах обители, в старинной монастырской библиотеке, с перерывами на еду и сон, кроме обязательных физических упражнений, наследник обладал изнуряющей «привилегией». Он обязан был *достигать учение государственности* непосредственно возле правителя.

Изо дня в день, когда его «потешные» отдыхали, он переписывал документы государственной важности (причём, обязан был вникать в них, давать им оценку перед владыкой). Радивой участвовал в совещаниях высших чиновников в рясах, присутствовал на советах воевод, нередко в сходах старейшин отдельных селений. Племянник писал письма под диктовку старого дяди-митрополита. Иногда засыпал над столом, валился с ног у конторки. Вскатывал, доделывал работу. Никакого снисхождения племяннику!

А ведь ещё надо было записать, чтобы не забыть, стихотворение, что неожиданно, даже во сне, начинало звучать в нём, несказанно волнуя и мучая. Разве виноват Раде, что родился поэтом? Сима, старший друг, понимал подопечного. Секретарь митрополита был поэтом не столь одарённым, как его подопечный, но известным. И у него тоже накапливалась за день гора клочков бумаги с набрасываемыми мимоходом строф.

– Выбери себе помощника, Радивой, вон как исхудал, – решает, наконец, Милутинович.

Юный раб дядиной канцелярии не колеблясь выбирает Каракорича-Руса. Для Дмитрия это упряжка на много лет.

За первые три года учения в «Школе Милутиновича» рослый мальчик Раде вымахивает в саженого юнака, на голову возвышающегося над любой толпой. Ещё он отличен мужественной красотой, вдохновенным выражением миндалевидных жгучих глаз. Чёрный шелковистый пух на верхней губе, на давно потерявших детскую округлость щеках – ещё не борода с усами. И в *речи*, произносимой тихим баритоном после ломки голоса, не всегда слышится *муж*, временами – *мальчик*. Таков наследник в пятнадцать лет. А всего два года спустя Радивой будет поражать окружающих рассуждениями зрелого человека о необходимости решительных реформ в стране, живущей византийскими снами.

И сербы *Црной Горы*, кто с тревогой, кто с надеждой, станут ждать перемен в Цетинье.

Они произойдут в конце 1830 года. Старый митрополит не осилит свой восемьдесят четвёртый год. Без малого полвека правил страной её духовный пастырь, первым из рода Негошей наречённый Петром при постриге. Умирая, он завещал своему народу всегда держаться России, светоча православного мира. И просил соотечественников хотя бы на полгода, в знак траура о нём, отказаться от кровной мести и междоусобиц. Вскоре он был канонизирован и остался в народной памяти Пётром Святым.

В тот скорбный холодный день стеклись на площадь перед монастырём в Цетинье людские толпы, прибыли представители всенародной скупщины, и названный покойным митрополитом наследник был провозглашён церковным и светским правителем святой для черногорцев земли.

Традиция Черногории требовала, чтобы мирянин, предназначенный в пастыри народа, стал монахом. Поэтому, сразу по смерти Петра I, Радивой Томов *замонашил*, приняв имя

небесного покровителя покойного дяди. Вскоре юного чернеца посвятили в сан иеродиакона, затем архимандрита. За епископским саном ему предстояло выехать в Россию, ибо духовному и светскому правителю Црной Горы надлежало быть в звании митрополита. Можно было двигаться на север не мешкая, но дела не пустили...

Радивой остался на странице предыстории нового правления. История его начала писаться от Петра II Негоша. И вновь кровью. Истомились, видать, черногорцы, следуя второму завету покойного митрополита. На шестом месяце то здесь, то там, точно табуны застоявшихся жеребцов, пошло племя на племя, оружием решая накопившиеся споры.

Но не для развлечения ума проходил Пётр II науку государственного управления в особых условиях *Црной горы*. С бесстрашием, свойственным юности, семнадцатилетний *господарь* бросается в гущу схваток – увещевает, бранит, наказывает заводил заточением и смертью, вводя в закон смертную казнь. И сам постоянно находится на волоске от гибели. *Не было бы счастья, да несчастье помогло*: смута вокруг Боботов-Кука вызывает желание Стамбула отхватить под шумок у драчунов лакомый кусок, Цетиньское поле.

При угрозе вторжения черногорцы, как всегда, забывают о распрах. «К оружию!» – согласно звучит в селениях. Но времени мало. Негош с помощью надёжных воевод едва успевает собрать небольшой отряд. Турок в десять раз больше. Они загодя делят плодородное поле и... терпят поражение в открытом сражении. Эта первая победа нового властителя над вековым врагом возносит его на крыльях государственного двуглавого орла выше, чем расправы над домашними смутьянами. Россия, охладевшая к своим православным подопечным после Тильзитского мира, вновь с интересом посмотрела в сторону Црной Горы глазами царя Николая Павловича, недавно сменившего на троне своего брата Александра, равнодушного к бедам маленького родственного народа. Цетинье стало общаться с Петербургом через консула Российской империи в хорватском городе Дубровнике, отошедшим Австрии. Но консул Гагич, серб по национальности, на беду Негоша, оказался двуличным. Добро братьям-черногорцам делал по указу из Зимнего дворца, а зло – по душевному расположению к Вене. Пётр Второй пытался завести с ним разговор об устройстве посольства Его Императорского Величества в столичном селении у стен монастыря, но Гагич ссылался на неизбежное неудовольствие Габсбургов таким дипломатическим ходом вблизи их владений на Адриатике, на бурную реакцию Стамбула, с которым у Северной Пальмиры намечался оборонительный союз. Молодому правителю пришлось оставить надежды на прямую поддержку его начинаний императором Николаем на «потом».

Требовала решения и проблема *губернадурства*. Век с небольшим назад, по настоянию сильной тогда Венеции, в Цетинье учредили светскую должность *губернадура*, якобы для присмотра за сугубо зарубежными связями. Притом, должность наследственную. Исполнитель её, эдакий министр иностранных дел, из рода в род мнил себя соправителем митрополита, хотя власть его была несравнимой с властью духовного лидера. Хитроумные дожи пристроила своего ставленника в безопасном месте – в контролируемом ими Которе; жалование ему выплачивалось из казны торговой республики. Наконец содержание его взяли на себя австрийские власти. Естественно, делиться даже малой частью ю власти с нахлебниками католиков Пётр II не захотел, однако решил не торопиться.

На всю оставшуюся небольшую жизнь Негош сделает для себя вывод: Черногория способна вести успешные оборонительные войны. Однако наступательные ей в одиночку, без помощи России или полусвободной Сербии, не по силам. И ещё одно умозаключение: не видеть ему при жизни конца борьбы своих со своими. Горько. Первые три года правления всегда рядом мудрый, но стареющий, болезненный Сима Милутинович. Он больше чем секретарь, он вроде канцлера. Не покидает своего государя надёжный друг и единомышленник Дмитрий Каракорич-Рус. Сын военного инженера смекалист, лишён чувства страха,

только очень уж юн даже рядом с Радивоем-Петром. Он и бывший учитель нередко оказывается на краю пропасти вместе с их решительным господином. То вдруг попадают в центр клубка дерущихся между собой, «по традиции», сторонников независимой Черногории, верных подданных цетиньского владетеля. То с трудом выбируются из сетей опасных мечтателей об австрийской *Монтенегро* под властью кайзера Австро-Венгрии и папы. То сталкиваются с единоплеменниками, чьи отцы предпочли полумесяц православному кресту. Эти *потурченцы* нередко стояли насмерть за *пашалык* под властью Порты.

При новом правлении Дмитрий официально становится помощником секретаря Милутиновича и одним из советников первого лица страны. Ростом по плечо высокородному великану, он не сказать что красив, но миловиден, типичный черногорец – смуглый, узколицый. Впрочем, кто мог помешать матери Дмитрия произвести на свет своё подобие? И отец, даром что русский, уроженцами *Црной Горы* принимался за своего. Живя в Цетинье, Дмитрий находил возможность гостить в доме над Пивой. Роме того, отец иногда виделся с сыном в Цетиньском монастыре, оставшемся резиденцией нового правителя.

До старости Пётр, сын Борисов, не доживёт – пуля мстителя за всех, убитых Каракоричами за столетия, достигнет-таки русского Каракорича на рассвете, когда он выйдет из дому с неизменным пистолем за поясом. Темой долгих разговоров соплеменников станет предостерегающий женский голос, якобы раздавшийся за мгновение до выстрела: «Пригнись!».

Свидетельствовала Катерина. Она как раз выходила из дому на террасу, когда послышалось короткое восклицание с противоположного борта каньона. Женщина взглянула на голос – никого не увидела в скалах; туда же, видимо, повернул голову Пётр, вместо того, чтобы последовать предостережению.

Жертва невидимого мстителя ещё некоторое время дышала. С последним вздохом уста выпустили внятное слово: *маркитантка*...

При последней встрече отца и сына Пётр Борисович невпопад, будто кто-то невидимый сбил его с темы беседы, рассказал Дмитрию историю серебряного блюда, отрубленная четверть которого висела в доме у всех на виду, как замысловатое украшение, не вызывая вопросов.

Глава XIII. Аша

Лето миновало. Урожайное. Распечатывать кубышку не пришлось. Хороший знак. Потом всю долгую зиму Андрей Корнин, уже жених, и Хрунов, почти тесть, не гнушаясь советами Антонины, изо дня в день, так и сяк перекраивали план, что возник в голове владельца Александровки в день их первой встречи.

Поездку в Уфу наметили на июнь, когда отвердеют дороги, реки вернутся в свои берега и переправы станут безопасными. Согласно решили сманить Степана Золотарёва. Он знал Урал, не только его руды. Разбирался в почвах, изучил повадки русской администрации, местные тонкости канцелярской волокиты. Для торга с тамошними землевладельцами годился хитроумный Хрунов.

Степан Михайлович поддался соблазну сразу, услышав магическое для него слово «Урал». Ехать условились в большой дорожной карете Хрунова, дормезе – что твой дом на колёсах. Свадьбу отложили к возвращению разведчиков домой. В случае неудачи договорились заложить нижегородские имения, под залог взять ссуды и осуществить задуманное на средней Волге, в меньших масштабах.

Путь был не близок, более тысячи вёрст. В карету впрягли четвёрку хруновских же лошадей, на облучок хозяин посадил своего кучера. Так что подорожная не потребовалась, услугами станций не пользовались. По ночам кормили трактирных клопов или комаров, преград не знавших. Через Волгу переправились на пароме между Казанью и Симбирском, пересекли луговую сторону великой реки. За Шешмой-рекой степь сменилась лесами. Уфу миновали без задержки, решив представляться местному начальству, когда будет о чём говорить. Река Белая (Агидель, по-башкирски) показалась границей между XIX веком и первобытным безвременьем. Чувствовалось приволье неизмеримых пространств по вечернюю сторону Камня, редко заселённых человеком, изобилующих непуганой дичью, роями диких пчёл, рыбой, плодами, травами. По какому-то наитию, не сговариваясь, нижегородцы свернули в долину правого притока Белой, по названию *Аша*. Это слово почему-то взволновало каждого из троих, но никто не выдал своего волнения перед другими, стыдясь признаться в «бабьей слабости».

Андрей на каждой версте готов был развязать кошель, но упрямый Хрунов гнал возницу, а тот – лошадей вверх по долине. Путники углублялись в страну узкоглазых наездников, живущих в юртах с белыми трубами и пузырчатými оконцами, питающихся бараниной и кумысом. Вопреки завету Магомета они не брезговали вином, за бутылку которого готовы были уступить немерянные десятины тучного чернозёма.

Корнин решительно отказался от бессмысленного, он считал, гона, когда полное уже бездорожье остановило карету в том месте, где Аша, стекающая с Уральских гор, делала широкую петлю. Здесь, на высоком берегу реки, чернел избами последний в Предуралье на этой широте русский посёлок, названный именем реки, с церковью и заезжим двором. Много лет спустя, интересуясь топонимикой здешних мест, Андрей Борисович не найдёт слова «аша» ни в тюрских, ни в финских, ни в славянских языках. Лишь однажды прозвучит оно из научной работы по религии древних иранцев, рассеянно открытой Корниным на разделе «Авеста». *Аша* – страна блаженных, рай в верованиях огнепоклонников. Но где Иран, а где Башкирия! Только случайным созвучием можно объяснить такое сближение.

Договариваться с коренными землевладельцами *тюбы* отправился бывалый Хрунов, нагрузив кучера и лошадей, превращённых во выючные, *турсуками* с вином и пивом, да крепким башкирским мёдом. Без такого устного договора со «старшим басурманином», надо отдать должное русской администрации, договор в уездной столице, заключаемый судебным порядком, считался недействительным.

Корнин и Золотарёв остались при карете с деньгами и дорожной поклажей на заезжем дворе. В дороге свойственники сдружились. Бытует мнение, что сближает людей общность интересов. Отчасти так. Однако нередко полная противоположность характеров, действий и образа жизни, взглядов на её явления, судьбы, даже практических интересов также образуют тесную пару. Общее у двух мужчин, сведённых случайным родством, был возраст.

Небольшой ростом, курносый, сухой, неприветливый Степан Михайлович был человеком сугубо штатским, интересующимся научными открытиями. К тому же стяжал известность сообразительного механика. Крепостное состояние не оставило в нём никакой печати, ибо человеком он был внутренне свободным. Ум, характер, честь в других людях вызывали в нём уважение. Родовые или добытые на дворцовом паркете титулы ни во что не ставил. Пустышкам из титулованных выражал всем своим видом, подчёркнутой вежливостью столько презрения, что давно был бы стёрт с лица земли. Спасительным амулетом служила ему его ценность, поистине золотая, как поисковика драгоценных металлов. Грамоте Степан Михайлович был учён с детства отцом, невольником демидовских заводов, тоже рудознатцем. Университеты свои прошёл в одной из горных школ, основанных ещё Татищевым, и при общении с учёными инженерами Берг-Коллегии. Это он обнаружил в России платину, что позднее позволило императору Николаю Павловичу удивить мир невиданными моне-

тами. Речь внука крестьянина, сына рудознатца-самоучки, самого побывавшего в рабстве, была правильной, книжной, лишь разбавленной специфическими терминами, когда разговор заходил о поисках металлов.

В бездельные дни свойственники занялись рыбалкой и охотой (благо, ружья и снасти нашлись в дормезе). В речной низине водилось множество полевой дичи, а разнообразной рыбы в текучей воде и в старицах было столько, что, казалось, будто в реке и водоёмах почти нет воды.

Однажды на охотничьем привале, в виду синеющих на востоке гор, завязался между ними разговор о недрах. Бывший артиллерист задал своему спутнику несколько наивных вопросов, ответы выслушал столь внимательно, что застоявшегося дома на огороде рудознатца понесло. Он откликнулся яркой импровизацией поэмы о металлах, угле, чёрном масле земных глубин, о минеральных водах. Уже подходя к задворкам Аши, хозяин Борисовки выразил недоумение:

– Не понимаю, как это Демидов тебя отпустил! Ведь ты действительно золотой, Золотарёв.

– Плутон помог, наш горный бог. В ту пору я был в немилости у хозяина. Представляешь, за последние годы ни одной залежи. Скажешь, всё на Урале выбрали? Как бы ни так! Золота в том Каменном поясе зашито много. Только наш граф считает, что оно должно (нет, обязано!) находится там, где он изволит в сей момент стоять. Вынь да положи! Наконец я вынимаю... из своего кармана, то бишь, из мешка... выкуп за себя и отца. По полной оценил Золоторёвых, не сомневайся! Демидов подумал, видно: *с паршивой овцы хоть шерсти клок*.

Прошла неделя. Корнин забеспокоился: где это тестя черти носят!? Золотарёв успокоил, мол, обычное здесь дело – пока всё не выпьют, да по новому не закажут, не съест каждый по жирному барану, сделка не состоится. Действительно, пропавшие возвратились через две недели, верхом. Если бы не дарёные башкирские сёдла, не доехали бы до постоянного двора, растерялись бы по дороге. Больно слабы в членах, опухшие до неузнаваемости были переговоришки. Тем не менее Хрунов излучал оптимизм:

– Хоть завтра берём пять тысяч десятин, по полтине за десятину. Представляете, родственнички!? За всё – пять тысяч рублей.

– Как пять!? Две с половиной получается.

– За землю, да. И столько же на подарки господам башкирцам, их родичам. Только ещё выбрать пред... и-ик!.. стоит.

– Что выбирать, сват? Ты kota в мешке купил?

– Всё нормально, нормально, сват. Две вотчины предлагаются. Одна рядом, в устье речки Лемеза, чуточку на юг возвратиться. Другая подале... Аги... Агы...

– Агидель? – нетепеливо переспросил Золотарёв.

– Агы-ы! – наконец икнул Хрунов. – Едем выбирать. Все едем.

Когда лицо и речь Хрунова приняли более-менее нормальный вид, вотчинники поехали осматривать участки. Первым остались все довольны: ровное место, отороченное лесистыми холмами, заливные луга, чернозём на первой надпойменной террасе Лемезы, со старицами и озёрками. Второй участок оказался в пятидесяти верстах от селения, в истоке Аши, здесь узкой, саженой двадцать-тридцать. Земля в верхней части долины преобладала суглинистая, сухая, чернела лишь в низинах; чехол рыхлых пород то здесь, то там протыкали скалистые останцы магматических образований, застывшие сотни миллионов лет назад. С востока речную долину подпирала голым увалистым склоном горная гряда. Корнин решительно высказался в пользу первого участка, Хрунов его поддержал. Один Золотарёв мнения своего не раскрыл, сказал загадочно:

– Прошу вас, дорогие родичи, отпустить меня на несколько дней. До возвращения купчую не оформляйте. Потерпите. Может статься... Да ладно, объясню потом.

Золоторёв объявился в Аше на пятый день, весь в глине (даже нос-пяточок не уберёт), с исцарапанными руками, в синяках по телу. С облегчением сбросил со спины у крыльца мешок на плечевых ремнях, сверху сложил берёзовое корытце и жестяной скребок, опёрся устало на длинную ручку геологического молотка. Начал без обиняков:

– Рекомендую господу, настоятельно рекомендую верховье Аши, под горной грядой. Там обнаружилась погребённая долина древней реки. В наносах... лабораторный анализ подтвердит, но я уверен, – металл. Вот, смотрите.

Степан Михайлович развязал извлечённый из рюкзака кожаный мешочек размером с кيسет, огляделся по сторонам и, дав знак сородичам следовать за собой, прошёл в комнату, которую нижегородцы снимали в пристройке к трактиру. Изнутри взял дверь на крючок. Потом расстелил на голом столе самодельную карту исследованной им местности. И осторожно высыпал на бумагу содержимое кожаного мешочка. Образовалась горка жёлтого металлического песка, с вкраплениями окатышей, размерами с горошину, того же цвета. Выделялся изъеденный кавернами, будто оспой, металлический комок, величиной с грецкий орех. Хрунов и Корнин смотрели молча, заморожено.

– Золото, господу. В верховье Аши много золота.

Спустя две недели, в Уфе, Андрей Корнин совершил купчую крепость и принял во владение пять тысяч десятин, вытянутых полосой между правым берегом речки Аши, в верхней её части, и безымянной горной грядой. Дело оставалось за малым: перевести в новую вотчину своих и Хруновских крестьян. Но не скоро дело делается, тем более в России.

Часть вторая. ИСХОД

Глава I. Император

Лето 1825 года выдалось в Ингерманландии жарким и грозовым. Насыщенный электричеством воздух вызывал беспокойное томление души, как в ожидании беды. В окрестностях Царского Села в разное время дня можно было видеть одинокого путника. Он уходил в сторону, когда замечал на просёлочной дороге, на полевой или лесной тропе встречного. Да никто и не пытался приблизиться к нему. Местные жители робели, завидев высокорослую фигуру в генеральском мундире, при звезде и орденах. Всякий узнавал: царь!

В свои сорок семь лет Александр Павлович сохранил цветущее лицо, живой взгляд светлых глаз с обворожительным прищуром, что вызвано было близорукостью, отнюдь не тщеславным желанием нравиться, как утверждали злые языки. Его не портили узкие губы – признак натуры иронической. Он прикрывал лысеющий лоб зачёсом белокурых волос, таких же шелковистых, как и небольшие бакенбарды.

Будучи суеверным, при этом обладая религиозным умом, Александр I после двенадцатого года уверовал в Провидение не без помощи баронессы де Крюденер, мистической женщины. Оно сохранило его, «Белого Ангела», среди стольких опасностей, для торжества над «Ангелом Чёрным». Ничто не грозит царю, пока покровительствуют ему Высшие Силы. Это убеждение помогало императору сохранять выдержку под ядрами и пулями. Случай под Дрезденом усилил его. Тогда, находясь рядом с генералом Моро, Александр почувствовал неодолимое желание отъехать в сторону. И повиновался внутреннему голосу. Сразу на том месте, где только что нервно перебирал копытами Эклипс, разорвалось ядро. Моро был смертельно ранен.

Кто может угрожать одинокому путнику в окрестностях летней резиденции царей? Заговорщики, о которых доносят императору соглядатаи, строят свои республиканские козни в столице и по гарнизонам на юге. Увы, некоторые из господ офицеров, заразившись французским либерализмом, почувствовали вкус к представительным учреждениям, переняли образ мыслей республиканцев. Прихлопнуть сразу всех, что ли? Рука не поднимается: утомила жизнь. Притом, есть Аракчеев – исполнит.

Александр понимал, что, рассуждая таким образом, он лукавит. Причина его бездействия в отношении злоумышленников в ином. Когда все потусторонние силы ополчились против него, будто вставал из гроба отец и ходил по пятам за сыном. Александр никогда не оправдывал себя: он – отцеубийца. Эта мысль отравляла его не только во дни поражений и неудач, но и на вершинах успеха. Затрудняла каждый его шаг, окрашивала чёрным самые чистые, благородные помыслы. Так может быть заговор, созревающий среди его офицеров, участников заграничного похода, и есть грозный знак Провидения. Если он, Александр, не остановил заговорщиков тогда, в 1801 году, то какое у него право пресекать действия других злоумышленников сейчас? Не лучше ли смиренно ждать решения Высших Сил? Он мечется в дорожной карете по России, будто убегает от себя. Забравшись в глушь, не может усидеть на месте. Он не желает никакой охраны, даже адъютанту, князю Волконскому, не позволяет сопровождать себя.

С этими мыслями спаситель Европы вышел на пересечение просек с крестом из бурого гранита. И замедлил шаг. Вновь на пути царя оказался человек в боливаре. Вчера и позавчера, в разных местах этого редкого, с полянами, леса, незнакомец издали кланялся и уходил в сторону. Александр отвечал наклоном головы и продолжал свой путь, не оглядываясь.

Сегодня третья встреча. На случайность это не похоже, ведь он, государь, никогда не повторяет свой маршрут. Значит, за ним следят от самого дворца. От этой мысли похолодело в сердце. Привычным усилием воли Александр справился с собой и свернул в боковую просеку. Но не выдержал, оглянулся. Незнакомец шёл за ним, сокращая расстояние.

Преследуемый остановился и повернулся лицом к преследователю. Тот замер, вытянув руки вдоль тела. Ни оружия, ни дорожной палки при нём не было. Кафтан простолюдина, но офицерские сапоги кавалериста. Экзотическая шляпа с широкими полями уменьшала и так небольшой рост незнакомца. «Явно из военных, человек благородный», – уверенно умозаключил Александр, знаток людей.

– Что вам угодно, сударь? – спросил император благожелательно, мягким голосом (ответа не последовало). – Подойдите ближе.

Незнакомец без суеты, сохраняя достоинство, сняв шляпу и держа её в правой руке, повиновался. На расстоянии шага от государя подтвердил его догадку, прищёлкнув каблуками. Только теперь Александр, будучи близоруким, смог рассмотреть этого не старого, но с обильной сединой на висках в бакенбардах, смуглого, темноглазого человека. Что он говорит? Император, тугой на одно ухо, склонился к незнакомцу:

– Что, что? Повторите, будьте любезны.

– Ваше величество, государь, – голос был хрипл; пальцы, держащие шляпу, выдавали волнение. – Прошу о милости...

– Вы нуждаетесь? Какая сумма выручит вас? Кто вы?

– Нет, нет! Я не прошу денег, не в том дело, – запротестовал незнакомец, ободрённый тоном и словами человека, который решал судьбы мира. – Ваше величество, позвольте... Ваш покорный слуга, Серж Корс..., Сергей, сын Борисов...

– Так кто вы, Борисов? Вы служили? Расскажите о себе. Что с вами приключилось? Только всю правду, – (царь присел на пень, смахнув снятыми перчатками опилки на срезанной поверхности, указал жестом на валун). – Можете сесть.

Борисов склонил голову в знак благодарности, но опуститься на камень не решился. Царь не настаивал.

– Да, ваше величество... как на духу... Я был ротмистром Александрийского гусарского полка. За дело при Кульме награждён «Георгием». Покинул полк в июне четырнадцатого года, в Париже...

Царь поднял брови, лицо его стало жёстким. Натянул на красивые руки перчатки.

– Вот как! Это серьёзно, ротмистр... Верните орден!

– Крест потерял при Ватерлоо, Ваше величество.

– Так вы, ротмистр... бывший ротмистр, дезертировали, чтобы воевать против нас?

– Такой мысли у меня не было, государь. Я насмотрелся на Бурбонов и посчитал за благо для Франции и для России участвовать в освобождении законного императора французов с острова Эльба. Под именем Сержа Корсиканца добыл саблей полковничьи погоны.

Суровое выражение на лице царя смягчилось. Он с интересом взглянул на этого гусара с причудами. Ведь они – мысленно признался себе Александр, – они (самодержец и его заблудший подданный) – в какой-то степени единомышленники.

Александр скоро пожалел, что отдал трон Франции Людовику, этой неблагодарной свинье. «Реставрированный король» сумел возбудить в русском императоре глубокую неприязнь ко всем французам, которых он в покорённом Париже первые недели ставил по человеческим качествам выше всех европейцев. Покидая город на Сене, он с горечью признался: «На этой земле живёт тридцать миллионов двуногих животных, обладающих даром речи, но не имеющих ни правил, ни чести. Наконец-то я удаляюсь из этого проклятого города».

– И чем вы занимались после изгнания Бонапарта?

Сергей Борисов уже оправился от сильного волнения.

– Сначала мной занялись королевские тюремщики. Три года каторжных работ в Гавре. Выручил однополчанин, ветеран Старой Гвардии. После каторги я пользовался его гостеприимством в родовом имении, в Бретани. Когда он скончался, я покинул Францию. Решил: будь что будет. Вернусь домой, покаюсь. Непременно перед императором. Он высший судья. Его приговор будет окончательным и справедливым. Его прощение никому не позволит выдвигать против меня новые обвинения. Явись я сразу в полицию, то участь моя была бы неопределённая. Скрываться под чужим именем, играть новую жизнь уже не было сил. Словом, я решился. Сначала оказался в Варшаве. Там, узнаю, находится ваше величество (обнадёживающий знак!). Вы открывали тронной речью заседание сейма. Дальше двигался вслед за царским поездом. И вот я здесь перед вами, мой государь. Смиренно прошу снисхождения и склоняюсь перед вашей волей, каким бы ни было решение вашего величества.

Наступила пауза. Царь сидел на пне, похлёстывая в раздумье прутом по лаковому ботфарту. Дезертир, бывший ротмистр гусарского полка, стоял перед ним поникший. От душевной усталости лицо его посерело, казалось старым, чему способствовала седина в русых волосах, не гармонирующих с цветом кожи и общим восточным обликом. Наконец государь поднялся, вынудив своего собеседника смотреть снизу вверх.

– Я приму решение. Мне надо подумать. Вы где остановились?

– Булочная Шварца, ваше величество.

– Хорошо, в пятницу ждите меня на этом месте, в четыре часа пополудни.

И вдруг подал руку. Гусар не знал дворцового этикета, но догадался поцеловать поперек перчатки. Казалось, глаза царя улыбались.

Проситель осмелел:

– Ваше величество, неужели вы доверяете моему слову? Я нарушил присягу, я бывший каторжник, я проник в Россию незаконно, я...

– Вы придёте в пятницу, сын Борисов, – прервал его сбивчивый монолог император, и внезапно из глубин его памяти всплыл другой «сын Борисов». Александр обладал способностью с одного раза запоминать имена и звания. – Скажите, у вас есть брат Андрей?

– Если остался жив. Артиллерийский поручик. Последний раз мы виделись в двенадцатом году.

– Штабс-капитан, – поправил царь. – Он отличился на моих глазах под Парижем. Вместе с повышением в звании был пожалован фамилией. Так что брат ваш сейчас... м-м-м, Корнов... нет, Корнин.

Александр показалось, что брат упомянутого артиллериста посмотрел на него как-то странно. На самом деле, Корсиканец был поражён. Не столько известием о брате. Дарованная царём фамилия Андрею, со слогом «кор», вызвала в нём волнение. Ведь и его, Сергея, кличка содержала этот слог, ставший мистическим.

Он пропустил момент, когда царь поднялся с пня и направился вниз по просеке в сторону Царского Села. Догнать не решился. Присел на освободившийся пенёк. Впервые подумал о том, что не случайно, несмотря на все превратности судьбы, серебряный обрубок блюдца сохранился при нём.

Глава II. Служба царская

В пятницу Сергей пришёл к «историческому» пню фатально спокойным. Будь, что будет! Государь сказал «я приму решение», но его протянутая для поцелуя рука, участие, с которым он расспрашивал о брате Андрее, позволяли надеяться, что решение будет благоприятным. В худшем случае, сошлют солдатом с правом выслуги офицерских погон в дальний горнизон. Он, маскарадный *Корсиканец* на кровавом наполеоновском карнавале, слава Богу, остался русским.

Государя заметил издали. Александр был в белом кавалергардском мундире, который полнил его уже оплывающую фигуру, без треуголки. Как подсказали правила хорошего тона, Сергей двинулся навстречу государю. Когда они сблизились, обнажил голову, поклонился с искренним уважением. Вместо ответного приветствия, император произнёс осуждающе:

– Вы ввели меня в заблуждения, ротмистр, – и поскольку проситель онемел от неожиданности, продолжил. – Мне доложили: вы не дезертировали из армии; вы взяли бессрочный отпуск. Это разное. Это снимает с вас обвинения в преступлении против отечества и в нарушении присяги. Кроме того, вы не принимали участия в боевых действиях французов против русских на стороне первых. Однако вы сражались против моих союзников. За это понесли наказание французской каторгой. Будет с вас. За остальные гусарские безобразия выражаю вам монаршее неудовольствие и выношу порицание, ротмистр.

Протянутая в перчатке рука была сигналом, что разговор на эту тему завершён. Ротмистр! Государь сказал «ротмистр»; тем самым подтвердил воинское звание Сергея Борисова в российской армии. Уронив боливар к ногам, ротмистр благодарно припал к милостивой руке.

– Век не забуду, ваше величество! Используйте меня в любом деле. Я уже не тот гусар. Заблуждения молодости преодолены. Готов служить, где угодно будет вашему императорскому величеству!

– Ну, ну, – остановил Александр бурный поток благодарности прощённого им подданного. – Я хочу верить вам. Может статься, возникнет нужда использовать вас в делах, от которых зависит судьба... Может статься... Пока говорить об этом не будем, ротмистр. Время не пришло... Вы сейчас никакими заботами не обременены? У вас есть какой-нибудь капитал?

Борисов смутился:

– Я не в чём не нуждаюсь, государь.

– Не нуждаетесь? Позвольте усомниться, – с этими словами царь извлёк из бокового кармана незапечатанный пакет. – Возьмите, это в счёт вашего жалованья. Вы будете сопровождать меня на прогулках. Смените платье на более пристойное. Только штатское, но без всяких там боливаров и ярких жилетов, чтобы не бросаться в глаза. Я возвращаю вас из затянувшегося отпуска в прежнем звании, но о полковой жизни пока не мечтайте... Так вы у булочника? Оставайтесь там. Выходите ежедневно к десяти часам на западный берег пруда с Чесменской колонной, дежурьте до четырёх пополудни. Перекусить можно в кондитерской. Оттуда удобно наблюдать за прогуливающимися у воды. Увидите меня, следуйте на расстоянии, покуда не удалимся на безлюдное место. Во дворце не появляйтесь. Понадобится, вас найдут.

Два первых летних месяца Сергей Борисов ежедневно занимал пост в указанном им месте, но не стоял столбом у воды, а прогуливался вблизи в боковых аллеях, под прикрытием зелёных кущ. Если уставали ноги или накрапывал дождик, занимал столик в углу кафе, попивал мелкими глотками кофе, потягивал из бокала бордо. Через обычно распахнутое окно открывался вид на пруд с колонной в центре водоёма. Гуляющих было немного. Иногда высыпала из Лицея на озёрные скаты, распугивая благовоспитанных дачников, орда питомцев Энгельгардта. Директор отдыхал от самого памятного из своих подопечных, *питомца муз и наслаждений*. Кудрявый выпускник семнадцатого года теперь коротал дни в Михайловском.

Ротмистр, выбравший для праздной публики маску анахорета, нелюдимого литератора, захавшего в Царское Село для общения *tete-a-tete* с музами, обзавёлся длиннополым сюртуком серого сукна, такого же цвета панталонами, которые заправлял в сапоги с отворотами. Трость с набалдашником из дымчатого стекла, низкий цилиндр завершал скромную экипировку «неизвестного литератора». Покой в сердце и сытая жизнь разгладила ранние мор-

щины на его округлившемся лице. Седина ещё резче оттенила молодость. Спокойный, внимательный взгляд тёмных глаз не вызывал любопытства случайных встречных: человек как человек, ничем не примечательный среди других, коротающих летние дни вдали от шумной столицы.

Царь появлялся раза два в неделю. Прогулки с ним были то совсем короткие, по окраинам парка, то царствующий ходок и его спутник уходили далеко, вслед за солнцем. Забирались в дебри, где буйствовала зелень и стояли над мочажинами столбы кровососущих тварей в ожидании жертвы.

Александр сначала как бы присматривался к новому человеку, обязанному ему всем. Не назойливо с одной стороны подойдёт, с другой, умело выясняя отношение подданного к разным лицам, предметам, событиям. Ротмистр легко раскрывался своему покровителю, не видя ничего предосудительного в любопытстве государя. Служба есть служба. Но при этом царь раскрывался и сам. Не то, чтобы он поставил себе задачу расположить к себе нового человека ответной откровенностью, а делал это непроизвольно.

В мистической душе императора ростки врождённых и в юности возникших желаний разрослись до чудовищных размеров, заполнили всё его существо, вытесняя разум. А ум у него был рациональный, пытающийся сомневаться, взвешивать, сопоставлять. Он знал, что близкие по родству и наперсники его лихорадочных дум переполнены всем, что изливалось из «священного сосуда» по имени Александр всё чаще, всё обильнее. Великие князья Константин и Николай, императрица Елизавета, к которой он давно остыл, «дубовый» Аракчеев, «потусторонний» князь Голицын, любимый адъютант князь Волконский, дама «сердечной привычки» Нарышкина – все они уже не в состоянии пополняться новыми порциями откровений. Всё старое окружение оглушено, задавлено. Теперь Александр почувствовал вдохновение. Возле него оказался искренне преданный ему человек, способный принимать всё, чем облегчает свою душу обожаемый им государь. При новом знакомце отпадала необходимость сдерживаться, опасаясь осуждения, непонимания, предательской огласки. Он знал, что его офицер всё одобрит, со всем согласится, будет нем, как лишённый языка.

Наиболее памятной осталась для ротмистра последняя прогулка с царём. На выходе из рощи они наткнулись на возницу, который избивал кнутом клячонку. Бедняга не могла сдвинуть с места застрявший в тележной колее воз с дровами. Чувствительный государь не мог вынести такого зрелища. И ротмистр возмущённый, схватил сзади, в охапку мужика. Тот, разъярённый, не сразу сообразил, в чьих оказался руках. Стал рваться, повторяя: «Мой конь! Моя власть!». Затрещина привела его в чувство. А когда генерал и барин в штатском подсадили клячонку и оплатили её владельцу оплеуху серебряной полтиной, крестьянин стал плакать и божиться, что никогда больше и пальцем не тронет животину. «Смотри у меня, экзекутор!» – пригрозил ротмистр и стал догонять царя, который уже спускался к источнику. В распадке почистили платье и обмылись ключевой водой.

К вечеру, утомившись от ходьбы, путники устроились в тени под клёном. Отсюда виден был царскосельский парк. В его кущах тонул с крышей дворец. Только приплюснутые маковки домашней церкви светились сусальным золотом под солнцем.

Заметно было, весь день Александр таил в себе какую-то мысль. Наконец нарушил молчание:

– Чем мы, цари, отличаемся от того мужика! У каждого из нас свой воз – страна. И бессловесная, покорная тварь – народ. И, как тот несчастный *поганец*, мы мним себя владыками живого имущества. Мы присвоили себе право карать и миловать, гнать на бойню, то бишь, на войну. По настроению можем лишить мыслящее стадо подножного корма и стойла. В юности некоторые из нас горячо берутся за либеральные реформы, обещают подданным облегчение от тягла, но бессильно опускают руки перед первыми трудностями. Предают

доверие нации. Потом, не чувствуя прежнего благоговения и обожания, часто сталкиваясь с ненавистью, начинают решать все проблемы кнутом. Я именно такой владыка, ротмистр. Недаром называют меня Северным Сфинксом. Моим наставником был Лагарп, говорят, брат Робеспьера, моим помощником стал реформатор от Бога, Сперанский, но я не осуществил ни одного обещанного преобразования. Вопреки намерениям, остался самодержцем. И предпочёл править Россией по Аракчеевски. Изгнавших Антихриста оставил в рабском состоянии, многих обрёк на военные поселения. То есть не только не оправдал чаяний народа, но посеял вокруг себя злобу и разочарование. Но теперь я готов перечёркнуть прошлое. Все мои мысли поглощает будущее. Только оно уже не на земле. Оно – по ту сторону...

Император умолк и принял сидячую позу, прислонившись спиной к стволу клёна. Ротмистр поспешил подняться на ноги, смахнул древесный и травяной сор с одежды. Мысль лихорадочно заработала: как избавить царя от душевной боли? Быстро нашёлся:

– Вы несправедливы к себе, мой государь. Посмотрите, как едина и целостна Россия по сравнению с кипящим политическими страстями французским котлом! И это ваша заслуга. Наполеон был великим полководцем, но у него не достало твёрдости навести порядок в собственной стране. Что это за император, от которого в решающую минуту уходят маршалы и уводят за собой войска, как было накануне первого отречения!

Александр невесело усмехнулся:

– Вы повторяете мои слова. Где вы их подслушали? Впрочем, многие так думают. А что касается возможностей владык, их у каждого столько, сколько отпущено свыше. Меня всегда поражала мысль о внезапных поворотах судьбы, об её изменчивости, о тщете усилий земных владык и целых народов. Абсолютно ничего не зависит от нас. Мы лишь игрушки в руках Провидения. У меня нет способностей военачальника, разве что парадом могу командовать. Однако Провидение назначило мне стать победителем величайшего стратега и тактика. Наполеон, отступая от Москвы до Парижа, не проиграл почти ни одного сражения (разве что под Лейпцигом был посрамлён) и всё же оказался побеждённым. В день отречения в Фонтенбло у него было шестьдесят тысяч пехоты, но он не двинул их на союзников, какая-то неодолимая воля сковала его решимость. На следующий год он вернул себе трон, начав поход с одной тысячей штыков, и вот нелепый случай под Ватерлоо крадёт у него почти выигранную битву. Как оказался на пути его кирасир овраг, ранее на том месте не существовавший?

...Они уже спускались в долину, к пруду с Чесменским столбом.

– Я ведь не создан для высшей власти, – продолжал царь свой монолог. – Это династическая ошибка, всё тот же случай. В юности мечтал удалиться от мира, жить отшельником. Но, признаюсь, манила и власть, как неизведанная соблазнительница. Что ж, я её изведаль в полной мере. Она больше не интересуется меня, поверьте. Я пережил крах всего, в чём видел своё предназначение. Теперь ничто не держит меня на троне, кроме долга. Если братья позволят, с лёгким сердцем удалюсь от мира, чтобы кончить свои дни в уединении, служа Богу. Это не такой уж большой секрет. Я говорил Вильгельму Прусскому: откажусь от трона, когда мне исполнится пятьдесят лет. Я хорошо себя знаю. Через два года у меня уже не останется ни физических, ни душевных сил, чтобы управлять такой огромной империей... Погодите, мы в жилой зоне. Пора расстаться. Поразмыслите над моими словами, ротмистр. Я доверился вам не для того, чтобы произвести впечатление. Всё гораздо прозаически.

Неожиданный наперсник дум императора всю ночь размышлял над услышанным. Не спалось. Он сочувствовал Александру. По мнению одного французского литератора, у победителя Наполеона была сильная душа и слабый характер. Поэтому линия его жизни получилась причудливой, изломанной. Сплошные зигзаги. Кавалерийский офицер многому научился в Париже, на острове Эльба и в Гаврском остроге, потом на хлебах у д'Анкуров.

Главное, он умел слушать и слышал, смотрел и видел. Его озадачивала не скрываемая тяга просвещённого владыки полу-мира к мессианству и военной дисциплине одновременно. В одной его руке кадило, в другой кнут. Он может в одной фразе упомянуть и Божье царство и сибирскую каторгу. Ему свойственны мелочные служебные придирки, вспышки гнева по пустякам и тут же искреннее раскаяние. Сложный, странный, непонятный человек. Действительно, Северный Сфинкс. Тем не менее, обожаемый доброй половиной соотечественников, к которым принадлежал гусар Сергей Борисов, побывавший полковником Сержем Корсианцем и каторжником.

Не заснув в ту ночь, ротмистр, ко всему прочему, озаботился вопросом: а когда же царская служба? Ведь пока что он, строго говоря, валяет дурака возле императора. Долго так продолжаться не может.

Глава III. Тайное задание

Александр Павлович будто отозвался на томление своего тайного спутника в прогулках по царскосельским окрестностям.

Чуть свет к крыльцу булочника подкатил на одноколке, запряженной караковым рысаком, alter ego императора, генерал-адъютант Волконский. Правил сам. Князь Пётр Михайлович, приставленный Екатериной Великой к внуку-подростку в неопределённом качестве родовитого товарища-наперсника, привязался к инфанту как нянька, снисходительно относился ко всем капризам августейшего «дитяти», любил его и жалел, даром что они были почти ровесники. На открытом, с круглыми, «изумлёнными» глазами князя застыла вечная забота и обида на товарищеские грубости *властителя слабого и лукавого*, с которым он редко разлучался, даже исполняя должность начальника Главного штаба в заграничном походе. В окружении императора князя Волконского за глаза называли дядькой, камердинером и нянькой.

Сергей Борисов, в неглиже, выглянул в раскрытое окошко на топот копыт. Князя узнал по известному портрету, хотя тот был в одной рубашке, с непокрытой головой. Волконский догадался, кто перед ним, дал знак не мешкать. Боевой офицер, привыкший облачаться по тревоге, ждать себя не заставил. В обычном своём платье, с тростью, свежевыбритый, занял место рядом с высокородным возницей. К дворцу подъехали окольным путём, к чёрному крыльцу. В глубине двора кто-то, в нижней рубашке, колот дрова. Сергею показалось, что он видит со спины царя. Разглядывать было некогда. Волконский спешил. Не встретив ни души, прошли в просторный кабинет. Он был уставлена несколькими одинаковыми столами, по числу министерств. На каждом столе лежала стопка каллиграфически исписанных бумаг – на прочтение и подпись главе государства и первого лица Священного Союза европейских монархов.

Так же молча, как вёз постояльца булочника Шварца, князь жестом пригласил его сесть на диван в углу, оставил одного. Медленно потекли минуты. Колыхнулась портьера на двери в дальней стене, и бесшумно, хотя был в сапогах со шпорами, вошёл царь, улыбнулся узкими губами и, больше, глазами. Такая улыбка предназначалась всем: и кучеру Ильи, и венценосному брату в *европах*, оттенков не было.

– Пересядьте сюда, ротмистр.

Александр, опустившись в кресло за одним из столов, на котором стоял объёмистый баул, усадил гостя так, чтобы тот находился ближе к здоровому уху. Начал без обиняков:

– Готовы ли вы, мой друг, оказать мне интимную услугу? Сразу успокою вас: честь ваша задета не будет, и ваши действия никому не нанесут вреда. Поверьте мне на слово.

– Ваше величество, я не сомневаюсь нисколько в рыцарской чистоте ваших помыслов и дел. Приказывайте, государь! Нужна моя жизнь – берите её. Другого состояния у меня нет.

– Спасибо, ротмистр, я не сомневался в вашей готовности услужить мне. Только жизнь свою поберегите. Да ей ничто и никто не грозит в предприятии, в котором вам придётся играть активную роль. Пока рано открывать все карты. Исполните сначала первое задание. Сегодня вам предстоит выехать с обычной подорожной в Таганрог... Городишко у Азовского моря. Посетите военный госпиталь, как чиновник по опеке героев войны. Там находится тяжело больной Иван Николаев, унтер-офицер. Выявите, есть ли надежда на его выздоровление. Если нет, дознайтесь, сколько жизни дают ему врачи. Составьте его словесный портрет и запомните. Художника не приглашайте. Вообще, поменьше посторонних лиц. В этом бауле всё, что вам понадобится в дороге, также паспорт на имя Сергея Борисовича Борисова и прочие документы для беспрепятственного проезда через заставы, для прохода через закрытые двери. По возвращении – к Шульцу и ждите князя. Счастливого пути, ротмистр! Да, запомню, в экстренных случаях буду держать с вами связь через человека, который, якобы случайно заговорив с вами, произнесёт слово «*Корсиканец*»... Вам приятно? Это пароль.

Сергею, сыну Борисову было не только приятно. Видимо, мистическая душа его повелителя постепенно проникала в него. Впервые за многие годы появилось беспокойство, что тот обрубок серебряного блюда с выцарапанной им буквой С, каким-то чудом уцелевший, может вдруг потеряться в новых странствиях. «Куда бы его припрятать?»

«Чиновник по опеке героев войны» возвратился в Царское Село не скоро. Август перевалил за экватор. Всё чаще дворец и парк, мирные окрестности осыпал мелкий балтийский дождик. Утренние туманы, поднимаясь от зеркала пруда, скрывали низ Чесменской колонны, которая, будто топляк, плыла торчком.

Утром одного из ненастных дней Волконский ввёл во дворец, чёрным ходом, одетого в дорожный плащ и шапку с козырьком Сергея Борисова, основательно помятого, и похудевшего. Похудел и его баул, потёртый на изгибах кожи. С трости слез лак. Император ждал его в кабинете с затворенными окнами, стоя у камина, в котором тлело полено. На глубокий поклон вошедшего сделал шаг навстречу, коротко обнял за плечи, руки для поцелуя не подал. На этот раз князь остался в кабинете. Когда тайный посланец и хозяин дворца уселись на диван с придвинутым к нему низким столиком на гнутых ножках, а Волконский занял стул напротив, царь произнёс:

– Рассказывайте, ротмистр. Вы свиделись с Николаевым? Что с ним? Говорят, между нами есть сходство. Вы заметили?

Чувствовалась особая заинтересованность царя в ответах.

– Да, ваше величество, проникнуть в госпиталь не составило труда. Унтер-офицера я застал ходячим, но дни его, по мнению лекарей, сочтены. Ноябрь он не переживёт, возможно, течение болезни ускорится.

Царь с князем переглянулись.

– От чего он умирает? – прямо спросил Александр.

– Сифилис.

Лицо монарха омрачилось.

– Это никуда не годится!

Гонец по особому поручению государя сделал возражающий жест.

– Я навёл справки. Эта болезнь может быть передана по наследству.

Выражение досады на лице Александра усилилось.

– Продолжайте, ротмистр.

– Что касается сходства, оно несомненно существует. Но больной исхудал, лицо почернело. Через два-три месяца Николаев станет неузнаваем для тех, кто его знал. А так он высок ростом, ваше величество. Блондин. Залысины. Губы – не понять какие по натуре – усохли.

В подтверждение словесного портрета посланец не без колебаний вынул из внутреннего кармана сюртука кожаную обложку на тесёмках в восьмую часть листа, развязал. Открылся лист плотной бумаги с карандашным наброском измождённого лица.

– Это моя работа, ваше величество, мой карандаш, – поспешил объяснить нарушитель инструкции. – Я сделал портрет по памяти в обратном пути.

Александр взял набросок, поднёс его к близоруким глазам, долго рассматривал, потом сказал с мрачной иронией:

– Да, сходство есть. Видимо так я буду выглядеть в гробу. А вы изрядный художник, ротмистр! Надо будет использовать вас и в этом качестве.

Борисов склонил голову:

– Это высочайший комплимент в адрес моих скромных способностей, ваше величество... Ещё, заметил я, когда его передевали санитары, унтер был ранен в правую ногу, след остался.

Александр с укором посмотрел на генерал-адъютанта и начал выговаривать ему недовольным тоном:

– Как же так, князь, у меня следы рожистого воспаления на левой ноге. Ещё этот сифилис! Что Европа скажет? А мои подданные? Нет, совсем никуда не годится.

Князь, ходивший в любимчиках у императора, позволил себе вольность:

– Другого Николаева, ваше императорское величество, у нас нет.

– Ну, уж надулся! Прости, мой друг, – произнеся искренне эти слова и поломав правой рукой длинные, холёные, женственные пальцы на левой, Александр овладел собой.

Сергею Борисову была странна реакция государя на его устный доклад, но он не стал утруждать себя раздумьями, ещё в дороге решив, что его дело повиноваться, выполнять задание. Через несколько дней он заметил суету на задах дворца. Шульц пояснил: император отбывает. «Кончилась для меня царская служба», – с горечью решил бывший кавалерист, бывший каторжник и нахлебник французского графа, и бывший уже тайный исполнитель воли царя. Утешало гордое сознание, что два могущественных владыки Европы воспользовались его услугами, услугами бедного однодворца, без настоящей фамилии (Борисов сын!), обладателя лишь клички – Корсиканец.

За этими грустными мыслями застал его князь Волконский, прибывший на караковом рысаке к пекарен Шульца, чтобы передать волю государя.

Глава IV. Старец и художник

Ротмистр Сергей Борисов обязан был незамедлительно отправиться на перекладных в город Белёв Тульской губернии, поселиться в доме прасола по фамилии Скорых под своим именем, назвавшись живописцем. Там вскрыть инструкции и действовать согласно им. Волконский вручил доверенному лицу своего повелителя пакет с предписаниями и новый баул на замке, набитый ассигнациями разного достоинства. Выдал подорожную, наказав: «Скакать обычно, без происшествий, внимания станционного начальства, obsługi и проезжих на себя не обращать».

В ящике под сиденьем двуколки оказались пистолеты, мольберт, палитра и ящик с масляными красками и набором кистей. Предусмотрительно! Не пальцем же на стекле писать «художнику» на глазах прасола и любопытных соседей.

На последнем перегоне ямщик оказался белёвским. За дополнительный гривенник он подвёз господина художника к усадьбе Скорых на обрывистом берегу Оки. Отсюда открывалась луговая пойма противоположного берега, за ней, в лиловой дали, – плоские холмы верховской стороны.

Прасол, мелкий бородач с водянисто-голубыми умными глазками, по его словам, был уведомлён «неким знатным лицом» о намерении художника писать на Оке этюды. Сговорились о цене. Самозванный Апеллес, обязанный избегать лишних глаз, отказался столоваться с семьёй хозяина, сославшись на своеобразный режим. Ему приглянулась просторная угловая комната с замком в двери из общего коридора, с выходом в сад. Обнаружилась калитка в заборе, ведущая к речной круче, по краю которой вилась тропа. В случае чего можно ускользнуть из дому незамеченным. Разложил в привычном для него порядке немногочисленные вещи. Мольберт поставил на видном месте, у окна. Ящик с пистолетами и баул засунул под кровать. И наказал сенной девушке ничего в комнате пальцем не трогать – убираться он привык сам. Придётся, как чаще всего бывало в жизни Корсиканца, обходиться во всём собственными руками, хотя царские деньги позволяли ему содержать лакея. Но слуги любопытны, *востры* на глаз и ухо, болтливы.

В середине сентября стали распространяться по мещанской окраине слухи о пребывании императора в заштатном городишке Таганроге. Якобы тяжёлое заболевание императрицы Елизаветы вынудило царственного супруга, по рекомендации придворных лекарей, выбрать столь странный «курорт», предпочтя его немецким, отечественным Крыму и Кисловодску. Вскоре «Санкт-Петербургские ведомости», рассылаемые по всем губерниям и уездам, подтвердили эти слухи. Из них «белёвский сиделец», проводивший большую часть дня за мольбертом над Окой, получил представление о приморской резиденции августейших супругов.

Хотя корреспонденты оценок себе не позволяли, легко можно было представить условия жизни императорской четы. Вид на «заштатное» море из окон жалкого одноэтажного дома закрывал чахлый, жалкий сад. Необыкновенно жаркая осень сделала его обитателей узниками скучных помещений под низкой крышей. Рядом с царскими особами находились князь Волконский, теперь ещё и гофмейстер императрицы, семейные врачи, ещё какие-то лица, минимум услуги. Царь куда-то периодически отъезжал, кажется, в Крым, посетил несколько раз госпиталь, беседовал с ветеранами. Потом – долгое молчание газет. Слухи, не получая свежей пищи, заглохли.

Борисов терялся в догадках. Закончился октябрь. Сколько ещё ему торчать за калиткой с мольбертом на ветру?! А от его повелителя ни единого сигнала. Всё чаще посматривал невольный художник в сторону ворот, не появится ли Волконский или некто, прячущий лицо в воротник. Подойдёт как бы невзначай, назовёт негромко, оглядевшись, пароль: «Корсиканец». Но никто из иногородних не входил в дом, не слышались торопливые копыта на дороге, ведущей к городу с юга. Вскоре холодные осенние дожди загнали живописца под крышу. Он уже сам себя не в шутку называл художником, мысленно опуская кавычки. Работа над этюдами его увлекла. Книжная лавка в центре Белёва, возле собора, позволяла скрашивать долгие одинокие вечера при свече. В моде был Пушкин с его поэмами, которые назовут «южными», с чудесной лирикой, порождённой вольными скитаниями по югу России.

И вдруг печальная весть: царь заболел. Везти в столицу опасно. Номера официальной столичной газеты превращаются в «скорбные листы». Не прошло и три недели от первого известия, как будто гигантская орудийная граната разорвалась над городом, вызывая сначала панику, затем глубокую скорбь: император Александр Благословенный скончался в Таганроге. Что бы ни говорили, народ любил своего царя, спасшего отечество от Антихриста.

Первым побуждением Сергея Борисова было скакать в седле в сторону Азовского моря, чтобы перехватить в дороге траурный кортёж. Но, воспитанный на воинском уставе, облечённый доверием государя, он не мог нарушить инструкцию. Офицер его императорского величества, временно скрывающийся за паспортом «живописца из Петербурга», находится на посту. Снять его может только царь или посланный государём человек, знающий пароль.

Даже князь Волконский, не произнеся «корсиканец», не вправе заменить ротмистра на этом посту другим лицом, увезти из дома прасола.

Поэтому, томясь неизвестностью и бездействием, меряя опостылевшую комнату из угла в угол или выходя за южную околицу города, к тракту, Сергей Борисов не покидал Белёва. В бессонные ночи спасали книги. К утру забывался коротким сном и снова коротал бесконечные часы в тревоге.

Пришёл день, когда в городе узнали, что траурная процессия с телом императора покинула Таганрог и медленно, останавливаясь для церковных служб в сёлах и городах, движется на север.

При одной из таких остановок близко к открытому гробу оказывается бёлевский прасол, который в сильной печали по первому снегу помчался на санной тройке наперерез катафалку. Возвратившись домой и став центром внимания уезда, старик живо, с подробностями рассказывал о своих впечатлениях. Царственный покойник-де, располневший в последние годы жизни, стал неузнаваем – «точно шкилет в мундире». На лице кисея, сквозь неё просвечивает чёрное лицо, вылитый арап. Народ отовсюду стекается к шоссе, люди стоят в снегу на коленях часами. Войска маршируют, стреляют пушки.

Глухое осуждение людей вызвало отсутствие возле гроба императрицы. Сказывали, качая головами, разводя руками, что вдова, сославшись на хворь, до весны остаётся в Таганроге. Будто не супруга потеряла, а его денщика. Правда, она подурнела и постарела за несколько дней, как женщина, испытывающая невыносимую душевную боль. Станным казался неизменный кучер императора, Илья. Сидя на козлах катафалка рядом с возницами, он так скорбел – одним бородатым лицом, так сокрушённо хлопал себя ладонищами по ляжкам, что проникательные свидетели видели перед собой актёра, а не убитого горем человека.

Рассказ прасола ослабил тревогу Борисова. Он связал некоторые свои подозрения, вызванные поведением царя при их последней встрече и некоторыми признаниями, сделанными Александром во время летних прогулок с тем, что услышал от очевидца панихиды. Решил не трогаться с места до лета. Финансы позволяли. А там возвращаться в столицу, искать Волконского, отчитаться перед генерал-адъютантом Александра о тратах, вернуть остаток. Ещё устроить личные дела – попытаться вернуться в полк чёрных гусар, сославшись под честное офицерское слово на прощение императора.

Скорых не торопил постояльца съезжать. Тот платил исправно, а с наступлением зимних холодов добавил на дрова. Что до опасений старика, возникших, когда он второй раз кряду застал у квартиранта дочь Дарью, позирующей бесстыдно (без платка на голове!), то старуха Скорых и замужние дочери получили строгий наказ не спускать глаз с младшей.

– Знаю я этих господ художников: сначала платок просют снять, потом, прости Господи, сарафан. Вон у нашего уездного предводителя по стенам сколько голых девок поразвешано! Намалюют и пользуются.

Старшая дочь всплеснула руками:

– Как, батюшка, картинами?

– Натурщицами, дура!

Постоялец прасола, выписав столичные «ведомости», прочитывал газету от начала до конца. Скупые официальные сообщения вызывали досаду. Зато обильные сплетни, рассказы свидетелей тех или иных событий дополняли, расшифровывали прессу. Так-то вырисовывалось подобие истины. В печати не нашлось места военному бунту в Петербурге 14 декабря. События на Сенатской площади докатились до Белёва слухами в виде шёпота в начале января 1826 года. Ротмистр обратил на них мало внимания. Все его помыслы были направлены на печатные сообщения и толки вокруг императора. А императором для Сергея Борисовича был всё ещё Александр Благосовенный.

Невзирая на установившиеся морозы, благоприятные для сохранности мёртвого тела, гроб вдруг закрыли и, вопреки русским обычаям, не открыли даже при всенародном прощании в Казанском соборе столицы. Только близким родственникам позволили взглянуть на лицо усопшего. При этом императрица-мать театрально воскликнула: «Да, это мой дорогой сын! Ах, как он исхудал!». 13 марта погребение в Петропавловской крепости. И вновь у гроба нет супруги. Она только в середине зимы покинула Таганрог и тащится в Петербург не прямой дорогой, а почему-то кружным путём, отклоняясь к востоку, с небольшой свитой и с каким-то святым отцом, подобранным в дороге, не выходящим из дормеза. Что и думать!?

Наступил май. Исчезли остатки снега в затенённых местах, просохли дороги. Белёвскую окраину словно окутал зелёный, с розовыми и белыми сгустками, туман. От князя Волконского не было никаких вестей.

Однажды поздним вечером дом прасола, уже погрузившийся в ночную тьму и затихший, вдруг пробудился, закрипел половицами, осветился окнами. Взволнованные голоса понеслись из сеней по комнатам. Постоялец, читавший в постели при свечах новую книжку «Евгения Онегина», накинув шлафрок и подошёл к открытой сквозняком двери, ведущей в глубь дома, чтобы её захлопнуть. Щель позволила ему охватить взором часть коридора. Там стояла... Не может быть! Маркитантка! Сергей рванулся за порог. Что за наваждение?! Это же Даша! Барышня, полуодетая и простоволосая, была поглощена шумом в сенях, взволнована. На жильца не взглянула. Художник, писавший хозяйскую дочь в застёгнутых под горло пышных платьях, впервые заглянул невольно в глубокий вырез ночной рубашки, увидел нежное основание персей и мысленно, с профессиональной точностью живописца, продлил их до... Горячий бег его мысли прервал взволнованный шёпот девушки:

– Ой, Сергей Борисыч, какой гость к нам пожаловал!

Художник был разочарован, как мальчик, которого оторвали от банки с вареньем.

– И какой, позвольте спросить, барышня?

– Отец Фёдор Кузьмич, святой старец. Батюшка сказывал, объявился он недавно в степном скиту, будто из земли вышел. Никто впредь его не видел.

– А, старцы, странники... Скучно. Вижу, вы не заснёте, а мне пожелайте спокойной ночи.

С этими словами расстроенный ротмистр удалился к себе. Шорох в доме, шаги за стеной продолжались долго. Художник, ворочаясь с боку на бок, никак не мог заснуть. Наконец встал, высек огня и зажёл свечи в двух шандалах. Разместил их на стульях так, чтобы они с двух сторон освещали незаконченный портрет Даши. Долго смотрел на него, потом взял кисть, извлёк из влажной тряпицы приготовленные краски и несколькими решительными ударами щетины о холст превратил закрытое под подбородок, тяжёлое платье из золотой парчи в платье с «рискованным» декольте. Толстая золотая коса, брошенная на грудь, такому платью не соответствовала, но Сергей не стал заменять её модной причёской петербургской красавицы. Казалось, он удовлетворён. Как подписать работу? Девушка из Белёва? Дочь прасола? Просто «Даша»? А что если... портрет невесты? Действительно, чем не будущая жена! Сколько ему? Уже тридцать четыре. Не пора ли жениться? Вот взять и сделать предложение Дарье Фроловне.

И в этот миг дверь, ведущая в коридор, растворилась.

На пороге стоял Александр Павлович.

Но, Боже, какой маскарадный костюм был на русском императоре, отпустившим широкую окладистую бороду, с нитями седины, русую, как и волосы над лысеющим лбом! Узкие штаны и рубаха навывпуск из грубого холста, увеличивали его большой рост. Голубые глаза смотрели на художника предостерегающе, но Борисов не сдержался:

– Ваше величество!

Ему показалось, что он закричал, на самом деле из его груди вытек хрипящий шёпот.

Борода, усы скрывали рот вошедшего, но Сергей почти зримо видел, как сжались в бледную извилистую щель тонкие губы царя.

– Никогда больше... Слышите, ротмистр, не называйте меня именем покойного. Я бродяга без рода, без племени. Сюда пришёл из Почаева через Святые Печеры в Киеве. Зовите меня отец Фёдор! Фёдор Кузьмич, если желаете. Я зашёл к вам просить помощи. Рука, которая меня вела к этому дому, свою роль исполнила. Теперь ваша очередь сопровождать меня. Вы согласны?

Как ни был сбит с толку, взволнован постоялец прасола, ему вдруг пришла дерзкая мысль полностью избавиться от своего сомнения. Он ничего не терял. Холодея от собственной смелости, ответил:

– Обознался, отец Фёдор. Простите! Но я могу покинуть этот дом, лишь услышав приказ непосредственно из уст его величества. Если же вы его посланник, выполняете высшую волю, пусть посмертную, я должен услышать пароль.

Последний раз в жизни мелькнула перед Борисовым «улыбка глаз» и он услышал:

– *Корсиканец.*

Заканчивая эту главу, необходимо сказать ещё об одной тайне, сопутствующей неожиданной смерти победителя Наполеона во цвете лет, мужчины с завидным здоровьем до последнего месяца своей жизни.

В первых числах мая, проехав Калугу, Елизавета, императрица-вдова, вдруг сменила направление своего неспешного движения в северном направлении на обратное – велела ехать в Белёв. Здесь она остановилась в доме по соседству с усадьбой прасола. Малая свита разместилась во флигельке, туда же был отослан секретарь. Горничной было велено оставаться рядом, в каморке за стенкой. Мадемуазель Тизон видела в окно, как в сумерках из большой спальной кареты её величества, куда не допускался никто из спутников Елизаветы, выбрался рослый человек, в плаще, с капюшоном, надвинутым на глаза. Крадучись, прошёл к императрице. Вышел не скоро, затемно. Ущербная луна едва освещала плоский фасад дома. Елизавета появилась на крыльце вслед за поздним гостем. Они перекрестили друг друга и разошлись. Императрица вернулась в свою комнату, погружённую во тьму, так как с недавних пор она пугалась зажжённой свечи. Человек в плаще в экипаж не поднялся. Сгорбленная его спина скрылась за углом дома, где начинались владения прасола.

Едва рассвело, мадемуазель Тизон, заглянув в спальню Елизаветы, нашла свою госпожу мёртвой. Подозревали, царственная вдова приняла яд. Но почему в Бёлеве, который в стороне от шоссе Ростов-Петербург? Почему не в Таганроге, когда проводила скорбные дроги? На эти вопросы у историков нет ответа. И я, автор этого повествования, ничего не могу сказать. Разве что кого-нибудь из читателей озарит догадка.

Глава V. Женитьба, приплод и дальняя дорога

Андрей и Александра венчались в церквушке Александровки. Свадьбу начали в доме Хруновых, закончили – в Ивановке. Понаехали со всей округи соседи. Неделю гуляли тут и там. Крестьяне побросали свои и господские работы, благо, урожай был снят и обмолочен и свезён на мельницу.

Заводилы предприятия, как возвратились домой с Урала, ходили в приподнятом настроении, но любопытство окрестных помещиков удовлетворяли лишь по части купленной за Волгой земли. О золоте ни слова. Домашним туманно намекнули, что земляца их новая богата не только чернозёмом, есть в ней и другая ценность. При этом подмигивали.

Александра на эти ужимки не обращала внимания, но мудрая от прожитых лет, самостоятельная Антонина была заинтригована.

Степан Михайлович, пока оба дома сливались в один, занимался делом, в котором ему не было замены. Он съездил на перекладных в столицу. Там побывал с заветным кожаным мешочком в академической лаборатории, беседовал с горными инженерами. Возвратился в приподнятом настроении и вместе с тем озадаченным:

– Понимаете, мужики, золото белое, в россыпях три золотника (лот!) на кубический аршин. Для тех мест – редкость.

– Белое! – разочарованно протянул Хрунов.

– А вам червонного хоцца? – рассмеялся рудознатец. – Эх, черносотники вы мои! Да чем «червонее», тем меди в нём больше. Я прикинул, при правильной разработке можно вынуть десять тысяч пудов металла. Вот где дьявол зарыт! Надо бы мне туда ещё разок наведаться, тщательней разведать. Оформить заявку будет не просто: нужна цифирь, а по ней – грамотное заключение.

– Пусть едет, – поставил точку в разговоре Андрей Борисович, видя, что Хрунов вроде бы сомневается в необходимости лишних трат, когда предстоит массовое переселение. – *Семь раз отмерь!*

Антонина, прослышав о сборах, не вникая в их причины (не бабье дело), вызвалась сопровождать зятя. Очень хотелось ей взглянуть на новую вотчину, в которой, видно уж, придётся кончить свои дни. Желая перемен к лучшему, она вдруг загрустила, когда переезд стал реальностью. Сердце её было здесь, где лежали кости родителей, где она сама увидела свет. Неизменная, бедная, но родная картина стояла в окошке. Брат и Хрунов не возражали: пускай Антонина едет, подсобит мужику, который со своей рудой и есть-спать забудет, ещё захворает. Как тогда без него с этим... «зарытым дьяволом»? К новому предприятию подготовили тот же «колёсный дом», оправдавший себя в долгом пути к Камню и обратно.

Степан и Антонина наконец укатили. Условились, что они перезимуют на месте. Почти сразу, вслед за дормезом выехал за околицу Александровки поезд в дюжину телег, с тяглами. В каждой телеге одна семья – мужики и бабы с взрослыми, неженатыми детьми. Повезли сохи и бороны, семенную рожь, самые необходимые инструменты и предметы для работы и быта. Хрунов освобождался от своих безземельных крестьян, а тех манила жирная новь. Стратегию переселения разработали тщательно.

При отъезде сестры, на которой держалось всё хозяйство, крепостные вожжи оказались в руках брата. Андрей, пока беременности Александры не угрожал тряский просёлочек, часто навещался в Александровку с молодой женой. Выставлялись на стол простые деревенские вкусности и наливки, до которых презиравший шампанское Хрунов был большой охотник. При солнце, при свечах шли бесконечные «военные советы». Александра, день ото дня меняясь фигурой и лицом, устраивалась с вязанием детских вещей рядом с отцом и мужем и время от времени разбавляла своими спокойными репликами, как холодной водой, доводимые до кипения речи мужчин.

К весне в Ивановку доставили письмо из Уфы. Антонина сообщала, что перезимовала в Аше, Степан пропадает в горах. Выбрали живописное, уютное место вблизи протоки под деревню, где первая группа переселенцев соорудила землянки, сбила печи на глине из местного плитняка. До заморозков подняли новь и посеяли озимую рожь под борону, также обработали несколько десятков десятин для ярового сева. Кормятся покупным хлебом, здесь он баснословно дешёв. Люди веселы в ожидании невиданных ими урожаев. Присылайте, Бога ради, подмогу: скоро высевать яровые.

К тому времени Хрунов своё имение продал богатому соседу. Тот согласился со въездом повременить, пока прежний владелец не покончит с переселением. Поэтому, отправив второй поезд тягол, деловой родич Корниных принялся помогать своим крестьянам с про-

даже дворов. Прослышав о дешёвой распродаже, отовсюду набежали энергичные покупатели. Александровцы избавлялись от лишнего, не подлежащего перегону скота и того имущества, без которого, вроде, можно было бы обойтись, но которое жалко выбросить. Трудно было расставаться с накопленным за несколько урожайных лет хлебом. Отдавали его по бросовой цене.

Ивановских в этом году переселять в новую вотчину не готовили. На Аше-реке могли обойтись без них, а вот здесь ещё год-полтора необходимо было поддерживать жизнь в господском доме. Александре предстояло рожать в начале лета. Тысячевёрстная дорога, в осеннюю распутицу, в зимние морозы, тем более при весенних разливах рек, младенцу была заказана. Вот и решили оставить будущую мать под присмотром Татьяны. Младшая сестра Корниных с согласия с мужа продала дом с огородом в уездной столице и, возвратившись в Ивановку, вселилась в комнату покойной сестры Маши. Девичью свою комнату в отцовском доме, с окном на пруд, предоставила невестке. Обличьем и фигурой в мелких Борисовых, умело хлопотливая, бездетная Таня, с её мягким, покладистым характером, желанием всем делать добро, как нельзя лучше подходила для роли мамки.

Вторая партия тягловых успела к сроку посеять на Аше-реке яровой хлеб. Переселенцы стали возводить избы и хлева, огораживать дворы плетнями. Вблизи указанного места под господский дом поставили флигель, куда переселилась из Аши Антонина. Она и вела подробную летопись, отсылая письма с оказией на почту в Уфе.

И вдруг, в начале июня, когда остававшиеся дома люди Хруновых готовились к переходу на новые места – за Волгу, к подошве Уральских гор, в Ивановке объявилась Антонина. Оказалась одна в дормезе, запряжённом четвёркой сытых коней, с упитанным кучером на козлах. Видно, не гнали. Андрей не удивился, не озадачился. Знать, сестра приехала пожить в отчем доме последний годок, проститься навсегда с родными местами; приглядеть, чтобы впопыхах не забыли чего из её личных вещей, семейных реликвий.

Подозрения возникли, когда старшая сестра начала основательно приводить старый господский дом в порядок, будто собиралась коротать здесь свои дни до конца. Приказала заменить подгнившие венцы в основании сруба, обновить тес на крыше, укрепить ступени крыльца и многое чего переделать в комнатах. Сначала Андрей рассудил, что сестра для невестки старается. Поблагодарив Антонину за заботу, заметил, что достаточно просто почистить дом, да залатать кое-где дыры. Чего тратиться зря, ведь строения обречены на слом. Ответ сестры обескуражил:

– Уж прости меня, братец, не могу я оставить Ивановку, сил не достанет. Решила я, значит, никуда отсюда не съезжать. Хоть подожди усадьбу, запру двери! Мне много не надо: оставь при доме огород, да дворни с тройку душ, остальное твоё. Чай, заслужила я твоей милости, оберегая всё отцовское, пока братья воевали. Из денежек Игнатовых не потратила ни копейки. Вот оставь из них мне на хлеб малую толику. Буду доживать здесь, молиться за тебя, за братьев, за Александру и деток ваших.

Андрей вздохнул, сокрушённо развёл руками:

– Ну что ж, воля твоя, сестрица, ты у меня за мать. А если другие Борисовы объявятся, всем матушкой будешь. Только как ты могла подумать, будто я тебя здесь в бедности оставлю? Бери людей и земли сколько пожелаешь. Да всю дедову вотчину тебе отпишу! Мы теперь, слава Богу, состоятельны. И сумму на содержание назови без стеснения. Что нам считать!

На непреклонное решение новой родственницы Хрунов заметил, что обрабатывать хлебное поле, достаточное для прокорма одинокой женщины и дворни, нет резона. Дешевле оставить ей только дворовых и огород, как она просит, лишнюю землю продать-таки, а тягло перевести на башкирский чёрнозём. Тогда дешевле будет покупать ей хлеб из общей при-

были. И от хлопот с севом, уборкой, обмолотом женщина будет избавлена. Неожиданно поддержал: пусть, мол, останется в разросшейся семье хоть один старый надел. Мало ли как жизнь повернётся.

Пока судили-рядили, Александра родила мальчика, да так легко, что повитуха не поверила, что роженица в этом бабьем деле новичок. Крестили в Александровке. Едва под напором деда Хрунова не появился ещё один Александр. Неожиданно запротестовала его дочь, и церковный батюшка объявил Бориса, которому, надеялись, суждено продолжить род Корниных. Молодая мать решительно отвергла кормилицу, уже присмотренную Татьяной и одобренную Антониной, хотя сёстры ничего в этом не смыслили. Её разбухшая грудь, казалось, и тройню могла насытить.

Бывший артиллерист смутно почувствовал, что в жизни его произошло событие, которое по значимости неизмеримо важнее всего того, что он добивался, паля из орудий. Сын важнее штабс-капитанских погон, хвалебных слов из уст императора; важнее тех удач, которые улыбнулись ему из баула брата Игнатия, пахотной землёй и недрами Приуралья. Всё перечисленное – это временные радости, а наследник приобщает его к земной вечности, к жизни в грядущих поколениях.

Но сын сыном, а держать людей, готовых к переселению, дольше половины июня значило не успеть к сенокосу в луговой пойме Аши. А там и сбор яровых. Последний, поезд оказался самым длинным. Когда чёрная голова, в виде дормеза, набитого под крышу господским добром, со старостой на козлах рядом с кучером, выезжала за околицу, пёстрое тело, составленное из телег, изгибалось по сквозной улице Александровки. Такой же пёстрый хвост ещё неподвижно лежал на площади возле церквушки. Телеги, о двуконь, горбились, точно арками, лубьём, спасающим от дождя и солнца. Привязанные к задкам коровы шагали лениво, равнодушно. Домашняя птица в клетках яростно отстаивало своё право остаться в нижегородском хлебопе. Везли всё, что оставили дома первые партии. Вперемешку с имуществом натолкали малых детей, стариков и старух, кошек. По бокам телег шли работоспособные крестьяне и крестьянки, собаки путались у них под ногами, бежали впереди и сзади. Скрип колёс, мягкий топот копыт по сухой, пыльной дороге, лай, плач, пьяные выкрики и пение, щёлканье кнутов, матёрные слова.

Проводив крестьян, Корнин и Хрунов, оба на отличных жеребцах, последних из конюшни бывшего хозяина Александровки, поехали шагом в сторону Ивановки через Голый дол. Оба взгрустнули, но грусть была лёгкой, ибо дорогая потеря осталась за спиной всадников. Впереди сиял и пел радостными голосами новый день, в котором были и дорогие лица из прошлой жизни, и новое гнездо, тёплое и сытое, и надежда, что никогда Божья благодать не оставит их, живущих в этом прекрасном мире.

Спустя неделю двое верховых выехали через распахнутые ворота усадьбы в Ивановке. Один ещё молодой, дородный великан; другой – плотно сложенный, средних лет, невысокий ростом. Оба в плащах и мягких шляпах с подбородным ремешком, в высоких сапогах, налегке, только с седельными сумами. Их провожали трое женщин, одна из которых, самая молодая, держала на руках спелёнутого ребенка. Немногочисленная дворня осталась глядеть из-за забора. Сначала всадники ехали медленным шагом, часто оглядываясь. За рощей, скрывшей строения усадьбы и пруд, они сразу перешли в галоп и быстро, оставляя за собой долго стоящие над дорогой клубы пыли, покатались в сторону восходящего солнца.

Глава VI. Борисовка

Господа заняли флигелёк. Под крышей собирались к ночи Андрей Корнин и Хрунов. Золотарёв, пропадая в предгорной полосе башкирской вотчины, редко навещался в

деревню. Мужички (ивановские, занявшие отдельный берег старицы, и хруновское большинство) никак не могли договориться о названии. Одни кричали: «Что тут гутарить, Новоалександровка!», другие, надрываясь по малочисленности голосов, возражали: «Наш барин главное – его капитал! Стало быть, Новоивановка».

Конец спорам положил Хрунов: «Господа мужики! Единый наследник у нас с зятем – Борис Андреевич Корнин. Хруновских кровей тож. Так пусть деревня наша Борисовкой называется. Как церковь поставим, сельцом будет. С нами Бог!»

Мужики, воодушевившись такой речью, подкрепленной ведрами браги, тут же схватились за топоры и пошла ночная работа на месте под церковь. Закладной камень окропил святой водой батюшка из Аши. Днём все руки – и мужицкие, и бабьи, и ребят, едва на ноги ставших, и даже древних стариков и старух – занимали и яровое поле и выгон, и сенокос в луговой пойме. И река манила сплошным рыбьим ходом, и лес с ягодой и грибами.

Но труд от зари до зари не изнурял, силы человеческие пополняла энергией радость при виде такого изобилия плодов земли и вод, какое нижегородским мужикам, выросшим в тесноте и скудности, казалось сказкой о молочных реках и кисельных берегах. Господа трудились с крепостными рядом. Особенно неутомим был Корнин. Открыв в себе заправского земледельца в первый выход на ивановское поле после войны, Андрей не соблазнился лёгкой, бездельной жизнью состоятельного помещика, что давалась ему неожиданным расположением судьбы. Он похудел, барское мясо превратилось в плотную ткань физически работающего человека. И ум, избавленный от праздности, стал более острым и быстрым. Как-то он спросил у тестя, который всегда имел ответ на самый сложный вопрос: «Откуда вы, Сансаныч, столько знаете?». – «Жизнь учила. И умные книжки читал», – последовал ответ.

А в это время Золотарёв проводил ночи в землянке при сальной коптилке. Собранная им артель, шестеро вольных старателей, все в возрасте, спали в соседней норе. Кашу и уху варили в котле, на костре. Трапезничали один раз в сутки, долго, за разговорами при звёздах. Зато не успевали доливать чайник.

Известный на Камне рудознатец отобрал себе помощников, объехав на шарабане прииски Южного Урала. Где сманил приглянувшихся старателей, где выкупил задолжавших хозяину. Здешний полувольный приисковый народец отличался своеобразными признаками. В массе своей мелкий, жилистый, с испытанными лицами, говорливый и напористый. Всю эту братию, одетую в рвань, соблазнило видение лёгкой наживы, вера в особую «жилу» в горах. В конце концов, действительность разочаровывала почти всех, озлобляла до крайности. Эта грубая, циничная, опасная масса иногда содержал в серых своих недрах истинное «человеческое золото», подобно тому, как отвалы горных выработок содержат крупницы драгоценного металла.

Отобранные Золотарёвым живые «исключения из правила» выделялись в массе сотоварищей в первую очередь природным трудолюбием. Тяжким грехом считалось в их среде то искусственное рвение, с каким иные набрасываются на объект труда, сулящий немедленную, завидную прибыль. Такие люди всё дели отлично, потому что *валить через пень колоду* считалось у них бесчестьем. Они были набожны без показной религиозности, а значит, нравственно здоровы. Ум их не был стеснён стенками горных выработок, не залит алкоголем, а постоянно развивался в общении с себе подобными и с приисковыми инженерами. Все они были обучены грамоте и не чурались книг. С промысловой работой срачивались душой, служили ей, как может служить избранному или выпавшему в виде жребия делу русский человек высокой нравственной пробы.

Таких людей Степан Михайлович и высматривал опытным глазом. Одни лично знали знаменитого рудознатца, другие были о нём наслышаны. Поэтому на приглашение порабо-

тать вместе за твёрдую плату, не зависящую от результатов поиска, соглашались сразу. Так образовалась артель. Все добровольцы в летах, опытные старатели. Одеты чисто, насколько можно быть чистым, ковыряясь в горной породе. Платье их было сообразно природному окружению – из плотной ткани, хорошей, прочной кожи. Сапоги с голенищами под пах (обычно носили отвороченными). Всякая бытовая мелочь в подсумке – ни одного лишнего предмета – способствовала выживанию в крайне неблагоприятных условиях. Никто не выходил «в поле», как назывался простор вне родного дома, без скатанной снасти для ловли рыбы, и охотничьего ножа. И, разумеется, при старателе, как родная жена, всегда находился рабочий инструмент: берёзовый лоток со скребком, лопаты, кайло и молоток для откалывания образцов от горных пород и жестяные совочки для их просушки на костре.

Золотарёв предоставил артели общий котёл, используемый и в банный день. Тульское ружьё с укороченным стволом всегда было при нём. Несмотря на солидный возраст каждого, старатели обращались друг к другу по кличкам, произведённым или от имён, или по каким-то признакам. Например, Сидорко (от Сидора), Ватрушка (из-за пристрастия наречённого к творожной пище). Иван же Михайлович называл при обращении к подчинённым полные имена: «Сидор Пантелеймонович, а подай-ка топор». Любителя молочного именовал Калистрат Нилыч, иногда, в спешке, Нилыч. Для них хозяин был Степаном Михайловичем, без «господин» или «ваше благородие», что в их устах звучало с насмешкой, когда такой «титул» носил свой брат, из простых, выбившихся в люди.

Глава VII. Золотое руно

Земельное приобретение нижегородцев если смотреть с заоблачной высоты, представляло собой прямоугольник длиной вёрст в десять, шириной около пяти. Вытянут он был почти меридионально, вдоль русла Аши-реки, текущей здесь на север. Река была западной границей владений. С востока к новой вотчины примыкал скалистый кряж. Каменный увал, обращённый к реке, тоже оказался в общей собственности Корниных и Хрунова. На всём протяжении реки, по правобережью, тянулась луговая пойма. Подпирала её саженная стенка надпойменной террасы, широкой и плоской. Здесь зарастали камышом и ряской, мелели от ила и тины и медленно умирали старицы. Верхний слой террасовой толщи, сложенный ветровой пылью, преобразовался в жирную почву на аршин, а местами и на полтора вглубь. Её и называли чернозёмом. Наиболее плодородные участки пошли под распашку в первую очередь.

Луговая пойма и примыкающая к ней терраса, местами поросшая кустарником, редкими группами деревьев, занимали в ширину две-три версты. Дальше к востоку поверхность долины начинала горбиться останцами древних террас, натягивать на себя с уральского низкогорья древесное одеяло, подставлять ладони лощин под ручьи, стекающие с увала. В одной из таких лощин поднималась новыми избами и хозяйственными строениями Борисовка. Над крышами вырастал бревенчатый храм на цоколе из плитчатого известняка.

Задолго до того, как Аша соорудила здесь из гальки и песка речные террасы, другие геологические силы создали на этом месте каньон. В него устремились водные потоки с западных склонов Каменного Пояса, заполняя его обломками гор. В них находился кварц. Он содержал тот самый *металл*, из-за которого *гибнут люди*, как верно подметил Мефистофель, распевая свои куплеты под музыку Гуно.

Вдоль этого каньона, доверху засыпанного камнем, учёный рудознатец наметил шурфы. Одни выработки теснились друг к другу, другие вольно рассыпались на большой площади, третьи выстроились цепочками. Опытный горняк понимал язык рельефа, а тот поведал ему о скрытых в глубине «ловушках» тяжёлого металла.

Долбили горные выработки артельщики, по двое на шурф (один на забое, второй, отдыхая, страхует – не дай Бог, обвалится стенка). Золотарёв следил, чтобы стенки крепились венцами из горбыля. Но какой русский не предпочтёт рискнуть, чем сделать лишнее движение! Углубляется на аршин и больше без крепления. Рыхлая стенка на «авось» держится. Если уж «избранные» старатели такой лихостью грешат, так что говорить об «отпетых» промысловиках!

Когда забойщик вскрывал золотоносный пласт песка с мелкой галькой и гравием, Степан Михайлович спускался в тесный шурф, делал зарисовку в «полевой книжке», в ней же описывал увиденное глазами горняка. Затем особым образом отбирал пробу. Набиралось на две совковые лопаты. Этот обломочный материал пересыпался в берёзовое корытце определённого профиля, так называемый лоток.

Дальше священнодействовали опытные старатели. С тех пор, как человек заинтересовался золотом, мало что изменилось в технике ручной промывки шлихов. Устроившись у ручья, старатель железным скребком и голыми пальцами одной руки рыхлит высыпанную в лоток породу, а другой делает осторожные возвратно-поступательные движения лотком в струях воды. При этом кварцевый песок и крупные обломки вмещающей породы уносит ручей, а тяжёлый металл оседает на дне лотка. Когда остаётся щепотка металла с блёстками, нередко горошинами, а иногда самородками золота, драгоценный остаток смывается горстью воды в жестяной совочек и просушивается на огне. Остаётся ссыпать его в бумажный пакетик.

Так работали артельщики Степана Михайловича.

Придёт время: участок на Аше-реке обезобразится ранами шурфов с вывалами пустой породы по краям. На топографической карте появятся квадратики, сделанные карандашом или тушью. Жёлтая *фракция* сухого остатка будет взвешена на лабораторных весах, учитывающих миллиграммы. Вес породы, брошенный в лоток, на глаз принимается в полпуда. Итак, есть вес в двух числах, есть толщина золотоносного слоя (горняки говорят «*мощность*»); есть площадь его распространения. А счёты лежат на столе в полевой лаборатории рудознатца. Теперь, со знанием специфики дела, складывай, отнимай, умножай, дели – и получишь волнующий ответ на волнующий вопрос: сколько золота закопано Плутоном в вотчине нижегородцев.

Свою комнату во флигельке Золотарёв приспособил под лабораторию. На неколебимым дубовом столе рудозналец установил точнейшие в округе весы. У окна, рядом с бочкой, наполненной водой, установил сконструированную им печурку. Назвал «малой домницей». На подоконнике разместились спиртовки, невиданный инструмент в плоских, красного бархата внутри, шкатулках. Ячеистые коробки под пакетики с золотом оставлял в шкафу под замком. Входную в комнату дверь тоже запирает. Он доверял родственникам. Только повадки Жёлтого Дьявола были ему известны.

Тот выбрался-таки из шкафа, открыл дверные запоры и пополз по округе «золотыми слухами», самыми невероятными из всех слухов. Мало кто из крестьян видел золото, держал его в руках, но сказки, в которых золото наделено мистической силой, слышал каждый. Теперь, оказавшись буквально под ногами этих людей, наивных за пределами круга их непосредственных забот, сказочный металл обрёл способность, будто пшеничное зерно, расти. Получило объяснение спешка, с которой их господа покинули насиженные места и двинулись на край света, к басурманам.

«Таперча не хлеб будем убирать, мужики, а самородки. Заживём!»

Владельцы Борисовки ещё не обзавелись соседями, чьи владения непосредственно граничили бы с их собственными. Другие помещики, двинувшиеся после войны в этот угол губернии, селились отдельно друг от друга, видя в такой «географии» некую суверенность

своих «удельных княжеств». Однако слухи о невероятном везении нижегородцев потянули новосёлов к границам Корнинско-Хруновской вотчины. Опоздали их благородия! Губернские власти не спешили раздавать земли, смежные с владением бывшего штабс-капитана и его тестя. Царской администрации гораздо выгодней было мыть золото на казённых заводах. В результате Андрей Борисович и Александр Александрович, ожидавшие родню из Ивановки, оказались без православного соседства, в окружении башкирцев. Те немногие помещики, низовые по Аше-реке, что поначалу заглядывали, случалось, к ним с визитами, теперь носа не казали в Борисовку. Принялись перелопачивать самым варварским образом свои благословенные десятины, мобилизовав крестьян и наняв «рудознатцев» из шляющихся по Уралу оборванцев с лотками. Увы, у всех оказалось пусто. Неудачники не любят удачливых, последним завидуют. А зависть порождает недругов.

Грянули лопающимися деревьями морозы. Золоторёв привёл в Борисовку всю артель старателей и распределил их на постой по избам. Каждый из них получил оговоренную сумму вознаграждения и сверх того. А главный рудознатец на сутки заперся в своей лаборатории. Только щёлканье костяшек на счётах доносилось из-за двери.

Наконец он вышел в общую комнату с листом бумаги, исчерканным чернильным пером. Компаньоны пили у самовара чай. Хрунов засуетился, передвинул по столу в сторону свободного табурета чашку с блюдцем. Курносое лицо уральца осунулось от бессонной ночи, жидкие волосы над шишковатым лбом лохматились. По дому, в то время мужскому общежитию, он ходил в нижнем белье.

– Радуйтесь или рыдайте, господа, что кому по настроению... Ваши разведанные запасы раза в полтора меньше того, что я давеча, с первой радости, накаркал, но всё равно вы – миллионщики. Насчёт пробы придётся уточнить в Академии. Предварительно, хорошие знаки пошли. Запасы считал, исходя из двух золотников на сто пудов породы. Это только по россыпям. Определил и область сноса. Поясню вам, тёмным, примитивно: то место, откуда вымывается золото. Так вот, кварцевые жилы находятся в увале, что во-он оттуда, где солнышко поднимается, смотрит на вас через окно. Ваши, между прочим увалы. Оттуда, по всем признакам получается, все россыпи пошли. Значит, дважды... нет, многожды вы – миллионщики. Поздравляю и примите моё соболезнование одновременно. Можете заявить по всей форме прииск, дело не долгое, земля-то ваша.

– Так чего медлить! – воскликнул Хрунов, глотая кипяток и не замечая ожога. – Нужно заявку делать уже. Какие ещё бумаги понадобятся?

Андрей Борисович тестя не поддержал, засомневался:

– Спешить – людей насмешить. А дальше что? Что потом делать? Кто золото рыть будет? У нас крестьян на полевые работы не хватает. Да они и не приучены к промысловым работам. Значит, придётся привлекать старателей.

– Во-во! – поддержал шурина Степан Михайлович. – А к старателям необходимо приставить штейгера, мастера то есть, и приискового доводчика. Да горный инженер здесь обязательен, чтобы не наделали делов мужички. Ведь промысловые человечки – народ особый, бредят золотом, ради него готовы всё вокруг в прах превратить.

– Что ты, Степан Михайлыч, заладил про какого-то инженера! Ты-то сам кто? Вот и бери всё дело в свои руки, не обидим. В доле будешь, родственник, чай, – нашёлся Хрунов.

– Если уж дойдёт до промысла, то как не тебе и управляющим быть и этим... как его... шиштейгером? У тебя на золото рука лёгкая, – веско произнёс Корнин. – А прибыль – по ртам, верно.

Золотарёв будто ждал приглашения на должность.

– Может и соглашусь, только при условии: пока, лет с пяток, никаких золотопромышленных мельниц не ставим. Сами не заметим, как превратится она в фабрику. Тут хоть

беги – паровая машина пыхтит, толчея гремит пестами, в промывальне хрипит насос, громыкает чугунными шестернями. Ад! Захочется дом перенести подальше, а там всё уже будет завалено кучами пустой породы. Грязь, ямы с водой, превращённые в отхожие места. И повсюду старателишки, ни одного крестьянина, все промысловики. Жуткий народ. Уж я на него насмотрелся. А, значит, появятся кабаки. Захотите оградить землепашцев от такой жизни, вам работников со стороны предложат. Помнётесь и согласитесь. А те или каторжники или рекруты. Те и другие обзолённые жизнью. Их кормить необходимо, крышей, теплом обеспечить. Замучаетесь.

– Да погоди! – прервал страстную речь рудознатца Хрунов. – Что ты предлагаешь? Ну, минет пять лет, что измениться? К этому и вернёмся. Не понимаю: сидеть на золоте и лапу сосать.

Золоторёв, хотя и был ростом меньше Андрея и вровень с Хруновым, сумел посмотреть на них свысока.

– А вот что, принимаем крепкое решение. В церкви поклянёмся. Пока будем разрабатывать россыпь своими силами, осенью да зимой, малым числом наёмных старателей, вроде моих. Ставим шахту, где укажу, при ней вашброд, для промывки шлиха. Крестьян будем привлекать по очереди, когда с хлебными делами покончат. И не станем обижать, платим как наёмным. Эту дурную прибыль – в банк. Как накопится сумма, достаточная для покупки новой вотчины, переводим туда крестьян. Только после тутошнюю золотую полосу – всю под разработку: и россыпи и жилы.

Установилось молчание. Нарушил его Хрунов:

– Надо подумать.

Корнин допил остывший чай.

– Я уже подумал.

На второе лето Андрей Борисович принял от нанятой в Аше артели строителей большой, в два этажа, дом из соснового бруса, на каменном цоколе, с каменными же колоннами. И покатил дормезом за женой, годовалым сыном и Таней. За зиму оформили в Уфе заявку на прииск. Клятву в церкви посчитали ребячеством, но золото так и осталось лежать там, где закопал его Плутон. Старатели, привезённые Золоторёвым в Борисовку, пожили на господских хлебах и разошлись весной кто куда, дав слово собраться здесь, когда начнутся разработки.

Глава VIII. Неожиданный гость

Антонина сидела перед раскрытым на пруд окном в чепце и халате. На подоконнике лежал раскрытый на пятом месяце календарь за текущий 1826 год. С глинистых берегов склонялись над водой, зацветающей ряской, серебристые вётлы. Затопленная у гнилых мостков плоскодонка вспоминала, наверное, четверых братьев и трёх сестёр, когда они были детьми. По пологому склону противоположной стороны пруда поднималась к холмистой гряде осиновая рощица. Её огибал просёлок, ведущий в Арзамас. Закатное солнце висело низко.

Женщина не могла понять, что творится с ней. Её охватывало приятное волнение, когда она смотрела на просёлок. Ведь если и ждать звона колокольчика, то с противоположной, волжской стороны. Только кого оттуда ждать? Последнее письмо от брата Андрея, с припиской Александры и каракулями шестилетнего Борьки, почта доставила в Ивановку недавно. Заодно пришли деньги. Владелец вотчины на Аше-реке аккуратно и щедро выплачивал старшей сестре содержание, избавляя её и немногочисленную, праздную дворню от мыслей о хлебе насущном.

Брат описывал большое и сложное хозяйство на Аше-реке, дом – полную чашу, семейное гнездо – дружное, весёлое, беспокойное. Изобретательная на выдумки, неугомонная Александра переносила в предуральские дебри образ великосветской жизни, как понимала его по французским романам и рассказам уфимских дворян, побывавших в столицах. Владетели редких поместий, разбросанных между Уфой и Челябинском, затаив в себе чёрную зависть, опять стали сворачивали в Борисовку, проезжая через Ашу. В доме не умолкала музыка, столы ломились от снеди, лакеи не успевали подавать вино из подпола. Даже неожиданная смерть Александра Александровича не прервала этот бесконечный праздник, лишь приглушила его на время и разорвала на два акта траурным антрактом.

Андрей не поспешил на подробности этого печального события.

Дед наследника имения увлёкся золотоискательством. Напарника нашёл не в Степане Михайловиче, который неделями пропадал с ружьём в горах, оставляя Таню исполнять роль второй мамы племянников, с Божьей помощью пополнявших население усадьбы. Страсть барина разделил пожилой старатель Нилыч. Когда Золоторёв распустил артель, он с сотоварищами покинул сельцо, но заболел в дороге и вернулся просить убежища у своего благодетеля. Тот по старой дружбе снял для него в богатой избе угол. Там и обнаружил его томящийся золотой лихорадкой Хрунов. Пожилым людям, старателю и барину, рыть шурфы и дудки было не по силам. Тогда они принялись расчищать старые горные выработки, не забываясь о восстановлении деревянной крепости. В зимнюю оттепель в одном из шурфов обвалилась рыхлая стенка. На забое в это время ковырялся Хрунов.

С потерей тестя работы Андрею Корнину в хозяйстве прибавилось. Золоторёв, кроме как цветником перед домом и своими горами, ничем не интересовался. Так что ждать гостей со стороны Волги хозяйке Ивановки не приходилось.

Антонина отошла от окна. И вернулась. И в это у минуту из-за рощи, со стороны Арзамаса, выкатил большая дорожная карета. Приседая на задние ноги, кони сдерживали тяжёлый экипаж на спуске, а возница, натягивая вожжи, помогал гривастым, копытным зверям. Рядом с ним, на козлах, сидела барышня в дорожном платье, закрытом по подбородок, в вуальке, спущенной с узких полей женского цилиндра. Похоже, место кучера занимал барин. Одет, как одеваются дворяне – в плаще с пелериной, в шляпе с широкими полями. Заворачивает к дому. Становятся различимы черты узкого, смуглого лица; клочок светлых волос выбивается из-под головного убора. Батюшки, никак Сергей! Пожилая женщина опростелью бросилась через комнаты на крыльцо.

А добротный дормез, проскочив новые, но, как всегда, распахнутые ворота, уже катил к крыльцу, огибая дерновый круг с молодым вязом по центру.

– Антонина, сестрица! Жива! – третий брат соскакивает на землю. В глазах радость и беспокойство; обняв сестру, шепчет. – Убери дворовых! Пусть разойдутся.

Хозяйка имения от радости сама доброта:

– Ну, ну, дети мои, будет. С дороги Сергей Борисыч. Отдохнёт, выйдет к вам, а от меня ведро бражки.

Люди, предвкушая угощение, разошлись по избам. Только конюх Архип, зная свои обязанности, остался у лошадей.

– Здесь распряги, карету оставь у крыльца, – приказал приехавший и подал руку барышне, помогая ей сойти на землю. Представил женщин друг дружке. – Антонина, моя сестра, я тебе рассказывал... Моя жена Дарья, прошу любить и жаловать.

Молодая женщина смущённо улыбалась, снимая дорожные перчатки и поправляя цилиндрок с вуалькой. Светло-русская коса при этом вывалилась за плечо. Даша вдруг по-детски рассмеялась и решительно обнажила головку. В эту минуту Антонина её уже почти любила. На поклон невестки ещё ниже опустила голову, но обнять не решилась, заробела

перед городской. Гусар при этом поднялся крыльцо, снял «боливар». Теперь стало видно, что волосы его отбелила ранняя седина. Входя в дом, он пропустил женщин, перекрестился и ступил за порог.

Пока сестра хлопотала с ужином, а жена приводила себя в порядок в предоставленной молодым комнате, блудный сын задумчиво обходил родное гнездо, повторяя: «Четырнадцать лет. Подумать только, четырнадцать лет не был дома». Перед тем как удалиться на кухню, Антонина, на расспросы Сергея о близких, поведала скороговоркой многое из того, что мы знаем из предыдущих глав.

Вдруг Сергей спохватился, вышел к карете, оставленной у крыльца. Осторожно постучал в дверцу костяшками пальцев. Дрогнула плотная штора за стеклом. Щёлкнул замок. Сергей огляделся и, приоткрыв дверцу, исчез, как в пещеру нырнул. Двор в этот час уже покрывала вечерняя тень. Пробыв в карете с четверть часа, барин, исполняющий обязанности кучера (и, видимо, какие-то другие, более сложные и таинственные), так же бесшумно выскользнул наружу, сопровождаемый щёлканьем замка. В дом возвратился озабоченным.

Пока сидели за столом втроём, уроженцы Ивановки вспомнили время, «когда живы были батюшка и матушка». Потом разговор коснулся военного времени. Ротмистр поведал о последней встрече братьев в винном погребе Сиверского городка. Улыбаясь воспоминанию, вынул из дорожной сумки завернутый в холстину обрубок серебряного блюда свыцарапаным на металле инициалом «С»; рассказал о пророчестве маркитантки. «Андрей мне такой же кусок показывал, «аз» на нём, – заметила Антонина, повертев в пальцах реликвию и возвращая её брату, – Он свой как зеницу ока бережёт». – «Только вот с «кор» у меня осечка вышла, – делано вздохнул брат, – Как был «сыном Борисовым», так и остался». Сергей не стал посвящать сестру в свою кличку, не знала её и Даша, ведь «Корсиканец» стал паролем. В дороге жена уже слышала от мужа историю о встрече братьев в Сиверском городке и тогда же подметила: «Никуда тебе, муженёк, видать, от этого «кор» не деться». – «Как так?» – не понял Сергей. Дарья поднятым вверх пальчиком помогла себе выделить слог в слове, слышимом Сергеем по сто раз на дню, но не привлекавшим его внимания своей особенностью: «С-кор-ых... Скорых, фамилия моего батюшки». – «Вот те раз! – гусар чуть не выпустил вожжей из рук. – Как-то не заметил. Да-а, видать, судьба». Теперь, в Ивановке, Сергей решил, что сестре не следует знать девичью фамилию Дарьи, пока не закончится его служба возле Фёдора Кузьмича. Надо бы предупредить её. Но Даша за столом клевала носом, в разговор не вникала. Необходимо быть всегда начеку, как можно меньше оставлять за собой следов.

Сразу после позднего ужина, сославшись на трудную дорогу, Даша ушла отдыхать.

Брат и сестра внимательно посмотрели в глаза друг другу.

– Сдаётся мне, Серёжа, ты что-то не договариваешь.

Брат ответил не сразу:

– Да, сестрица... У нас с Дарьей заболевший... В карете. Не спрашивай лишнего. По велению высокой особы я везу, избегая посторонних глаз, старца... Далеко, за Камень. Из экипажа он не выходит, лица людям не кажет, обет дал, так что не обессудь. Вчера у отца Фёдора поднялся жар, придётся на какое-то время перевести его в дом. Так что накажи, чтобы никто из дворовых не входил. Дарья тебе будет за горничную. Она из простых, купеческого звания. На все руки мастерица. И за больным будет ходить. Ночная ваза у нас есть? Отлично. Принеси льда из погреба, приготовь комнату, опусти шторы. Никому ни слова. Тем более, в письмах. Не моя тайна.

К полуночи всё было исполнено. Сергей Борисович, поддерживая старца, который был в плаще и ночном колпаке, провёл его через комнаты, освещённые ночниками, в покой с окном на пруд, освобождённый Антониной. В коридоре, под дверью, поставил для Даши

диванчик, куда она перешла, разбуженная мужем. Антонина удалилась в спальню покойной Маши, но не удержалась, выглянула на шарканье ног ведомого. Разглядеть больного не смогла, отметила лишь в уме рост отца Фёдора – Сергей на голову был ниже. Из-под короткого плаща виднелись белые штаны и подол длинной, ниже колен, рубахи.

Что за чертовщина! Столько проблем кольцом обступила царского поверенного, а заснуть ему не даёт мысль о Дашином дорожном открытии – о колдовском дополнении, «Скор-ых», к преследующему его с 1814 года «кор-сиканцу». И брат Андрей «Кор-нин», подтвердила Антонина слова, сказанные императором ротмистру в лесу под Царским Селом. Интересно, а как с другими братьями? Игнатий, со слов сестры, в прятки играет, о Петруше никаких вестей.

Несколько раз повторил Сергей мысленно фамилию тестя. Наверное, прасол до сих пор ручки потирает, радуется, что ловко окрутил барина. Не догадывается старый хитрец о совпадении их намерений. Да, с его, ротмистра, стороны мысль о Даше, как о жене, возникла неожиданно. Он эту мысль не вынашивал, его, художника-мужчину, волновала женская натура и её изображение на холсте. Только не всё ли равно, с чего начинается чувство, главное, во что оно выливается. Он не разу не пожалел о даре случая. Дар – Дарья! Даша ласкова, само спокойствие, домовита. Любые трудности способна переносить. Грамоту знает. Жаль, мало читала; в доме отца одни духовные книги водились. Ничего, приобщу к светской литературе.

Вспомнился тот чёрный день, 3 мая, когда в доме по соседству скончалась неизвестно зачем заехавшая в заокскую глушь императрица. Святой отец принял её кончину как личную трагедию. Рыдал, стонал, хотел куда-то скакать. Когда Сергей Борисов не знал, за что хвататься, прасол времени другого не нашёл для объяснений. Перехватил в суматохе ротмистра в мастерской. В руке старого Скорых плоский, прямоугольный предмет, замотанный в женину шаль. Развернул, держит у груди, будто образ, глаза странные, в них одновременно решительность и растерянность: «Извольте объяснить, господин художник, что сие?» – «Сие должно быть писанный мною поясной портрет вашей дочери Дарьи Фроловны. Догадываюсь, ибо ваша борода, почтеннейший Фрол Спиридоныч, закрывает лицо портрета». – «Так значит вы надругались! В моём доме? Я к вам как к родному, а вы – шуры-муры, тайком? Я до самого царя дойду!» – «Погодите, любезнейший, объясните, в чём дело.». – «А, вы не понимаете! Где вы такое узрели? – перси девичьи! Обнажали? Признайтесь, обнажали?». Бедный художник едва сдерживался, чтобы не рассмеяться: «Совсем не обязательно, ваше... ваше превосходительство. Достаточно иметь воображение». – «Воображение! А если от вашего воображения ребёнок получится? А? Что тогда?!» – «Послушайте, что вы хотите, господин Скорых?» – «Нет, деньгами вы не отделаетесь! Я достаточно богат. Что я хочу?... Мы хотим, чтобы вы женились. Вот моё последнее слово. Или мы оба – к высшему судье».

Борисов озадачился. Что прасолу известно о Фёдоре Кузьмиче? Принимает ли он его за святого старца, которого вызвался поселить возле своих родных в Томске, или посвящён в тайну? Если последнее, ненормальному старику станется потащить его, офицера, облечённого высочайшим доверием, к своему ночному гостю. И в такой день, когда рядом труп Елизаветы! На глаза наплыло свежее личико невинной девушки. Вспомнил её в ночной рубашке с отрытой по соски грудью, и ощущение от того видения вспомнилось. Вновь подумалось: чем не супруга?

На размышление времени не было. Рядом напористый старик с портретом дочери, за стенкой – имп... не забываться!.. Фёдор Кузьмич, в соседней усадьбе – бездыханная императрица. Из этого положения как-то надо выбираться. Слава Богу, есть восхитительный выход. Гусар внутренним ухом слышит трубный сигнал к атаке эскадрона.

«Милостивый государь Фрол Спиридонович, прошу покорно руки вашей дочери, Дарьи Фроловны». Услышав «руки» могучий отец, росточком с гриб, принялся каждое следующее слово подтверждать кивком головы. Ждать от него нечто вроде «согласен», было совсем не обязательно. Художник и не стал ждать, деловито поинтересовался: «Как скоро может состояться венчание» – «Сегодня, – был скорый ответ и – через плечо в сторону двери, громко. – Марья! Дети!»

Ввалилась, толкая перед собой обомлевшую Дашу, вся её родня. Впереди жена с иконой на полотенце. Гусар весело подумал, от каких хлопот избавляют его эти симпатичные люди, если ещё не родные, то уже почти родня. Всё в руках Божьих!

За две недели до летнего солнцестояния ночи в средней полосе России коротки. Едва стал различим слой серой пыли на просёлке, со двора усадьбы выехала дорожная карета, запряжённая четвёркой лошадей. На козлах сидел конюх Архип, подаренный брату Антониной. Был он бобылём. Ивановка его не держала, а даль манила. Ввиду своего полнейшего неведения о тайне путников, опасности он не представлял. Дарья, обнявшись на прощанье с золовкой, сразу устроилась рядом с ним. Она робела святого старца. Притом, в мрачной карете, превращённой отцом Фёдором в дорожную молельню, было жарко от лампы, и Спас смотрел перед собой страшным взглядом.

Брат и сестра, пока дорога поднималась полого навстречу солнцу, медленно шли за упряжкой. Антонина тяжело опиралась на крепкую руку Сергея: и такой подъём ей давался не просто. Брат, рядом с дородной сестрой, старшей его на тринадцать лет, возвышающейся над ним на полголовы, выглядел как подросток, выведенный матерью на прогулку.

– Ты бы завернул к Андрею, а? Небольшой крюк ведь. Когда ещё свидитесь!

– Я на службе, сестрица. Мне предписано кратчайшей дорогой следовать «отсюда» – «досюда». Будь моя воля, непременно заглянул бы к своим. Ведь и к тебе не попал бы, не заболел мой пассажир. Так что придётся ждать другого раза.

– Жаль, столько лет не виделись с братом.

Некоторое время шли молча. Какая-то неожиданная мысль взволновала Сергея. Он глубоко вздохнул.

– А знаешь, я вновь начал верить маркитантке. Что она сказала? Да то, что мы выживем все в той войне, но уже не встретимся. Потом я повторил её слова. Так и получается. Буду проездом близко от Андрея, но... не суждено, видно. Помню, в Париже, сижу в кабачке и вдруг чувствую кожей – за дверью наш старший. Встать бы да выглянуть. Нет, отмахнулся, за наваждение посчитал. Потом жалел. И сейчас жалею. А Игнатий? Он же где-то рядом, по русским меркам. Но будто на краю земли, на Аляске. Ещё одно подозрение: летом четырнадцатого довелось мне ночевать в одном французском городке у моря. Услышал, что в той же гостинице какой-то русский остановился. Через закрытую дверь слышал голоса, один вроде как у Петрухи. Уже было направился к двери, тут какая-то сила остановила... Ну, простимся уже, пора.

На перевале, откуда начинался долгий спуск в соседнюю ложину, они постояли на дороге обнявшись, и Сергей Борисов, не оглядываясь, стал догонять медленный дормез.

Часть третья. НОВЫЕ ВЕТВИ

Глава I. Господарь Божьим велением

Правитель Черногории Пётр II Негош посетил Санкт-Петербург летом 1833 года по приглашению Императора Всероссийского. Это был знак! Николай I словно бы старался загладить вину покойного брата, который на Венском конгрессе не воспрепятствовал Турции и Австрии урезать территорию маленькой православной страны. Возобновилась прерванная Александром I по наветам недоброжелателей субсидия в одну тысячу золотых червонцев. Более того, Николай оплатил «долг Александра» за 26 лет. Сумма для Черногории фантастическая. Возросла дипломатическая поддержка крохотной страны на европейской арене, где царили крупные хищники. Была увеличена помощь продовольствием, негласно – оружием и боеприпасами. Изыскивались надёжные пути для доставки тайных грузов туда, где будет формироваться регулярная армия Черногории, которую задумал создать новый правитель. Гражданские специалисты (и военные, переодетые в гражданское) получили Высочайшее разрешение на выезд в Монтенегро, якобы для ознакомления с абсолютно «белым пятном» на карте континента. Суда, следующие из российских портов в Адриатическое море, могли брать на борт для разгрузки в любом месте, в руки представителей Цетинье, ремесленные инструменты, оборудование для учебных заведений, научные приборы, школьные принадлежности, учебники, литературу духовного и светского содержания, зерно, семена полезных растений.

Иерейский обоз, готовя в обратный путь, загрузили ящиками с деталями современной типографской машины и прочим оборудованием для печати. Русскому мастеру печатного дела выправили подорожную.

Царь и его советники посчитали своевременным содействовать молодому Негошу, который энергично и вдохновенно взялся за модернизацию страны. Образованная общественность России восприняла это действие, как героическую попытку малого народа-воина *в Европу прорубить окно*.

Частные пожертвования превысили правительственные субсидии. «Народу Монтенегро», – подчеркнула глубоким контральто графиня Анна Орлова, протягивая секретарю правящего монаха увесистый пакет. Родовитая дама посетила правителя Черногории в покоех Александро-Невской Лавры, отведённых высокому гостю и его спутникам. Когда мужчины остались одни, вечно простуженный Милутинович, кашляя и сморкаясь, поспешил, по своему обыкновению, сострить:

– Ты обратил внимание, *Петар*, как сия милая, жаль что увядшая, особа смотрела на тебя?

Бывший наставник Радивоя (по годам ему – отец) постоянно забывал, что его бывший ученик давно не юнак Раде, а глава страны. Негош шалости не принял:

– Я монах, брат Сима. *Шала на страна!*

Милутинович смутился:

– *Я се не шалим. Ту шале нема.*

Дмитрий Каракрич-Рус, хорошо изучивший своего друга-господина, улыбку сдержал, хотя мысленно согласился с наставником, ибо тоже был способен подмечать мимолётное. Заметил он и то, что лицо дорогого ему человека омрачилось так, будто неудачная острота несдержанного секретаря задело какое-то его сокровенное, болезненное чувство. Только

через много лет Дмитрий догадается, в чём тут дело. А пока он искоса рассматривает замершего в кресле, устремившего в себя взгляд повелителя горного народа.

Петру Петровичу (так *господарь* представлялся в России) исполнилось двадцать лет. За спиной три года правления непокорным народом, преодоление смуты и отражение турецкого нашествия. Достигнув теменем саженой высоты, он раздался в плечах. Появились рельефные мышцы на щеках, вертикальная складка между густых бровей и металлический блеск в выразительных чёрных глазах. Выработалась привычка сжимать губы, чтобы сдержать лишнее слово. Телесная красота вчерашнего юноши стала зрелой. За видимой строгостью скрывалась доброта и задушевность в отношении людей, достойных уважения и любви. Небольшая бородка и пышные прямые усы способствовали общему положительному впечатлению.

Энергичный правитель, бард суровых гор, проницательный, как все поэты, будто предвидел свой недолгий век. Он не давал покоя ни себе, ни своему народу. Большинство 107-тысячного населения страны и скупщина племён, по результатам первого года его правления, признала в нём твёрдого, решительного и бесстрашного правителя.

Пока длилось неловкое молчание, русский черногорец мысленно отлучился в недавнее прошлое, общее для себя и тех двоих, родных по крови и вере, по устремлениям сердец.

При митрополичьем дворе в Цетинье наставники устраивали для подопечных, в том числе для наследника, учебные игры в государственность. Милутинович был неумолим в требованиях к Радивою и его наперсникам. Верховным оценщиком и судьёй был сам митрополит. Что касалось племянника, суждение своё опытный старец высказывал ему за закрытыми дверями. Остальных оценивал придиричивый Сима. Результаты такого испытания «потешных» вписывались в журнал. Он сохранился. В нём из году в год Дмитрий *Петрович* Каракорич-Рус отмечался фразой «успехи превосходны».

«Юные мудрецы» (так называл своих подопечных с доброй иронией учитель-тиран, любимый Сима) называли причиной всех зол их родины отсутствие современной государственности в Черногории. Строить её по европейскому образцу, а точнее, по русским рецептам, по их мнению, надо с создания постоянной армии, взамен *чет*, народного ополчения. Только тогда можно вновь выйти к морю, изгнать османов из плодородных долин. Племенную администрацию, избираемую «своими» из «своих», необходимо заменить на чиновников, назначаемых в центре. Суд должен быть единым и независимым, выносящим решения по общим законам, разработанным митрополитом Петром I по племенным образцам и сведенным им в «Законнике». Пора избавить нацию от кровной мести, междоусобиц, уносящих бойцов, которые наперечёт. И – может быть, самая главная задача – просвещение народа, культурный подъём от фольклора к образцам высокого искусства и литературы. И в этом деле начинающий поэт Радивой Негош тоже заявил о себе как лидер. Тонкий литературный вкус, врождённое понимание истинного искусства и писательский талант позволяют ему не только стать величайшим певцом родной земли, но и выявлять вокруг себя таланты.

... И минута не прошла, а тройка единомышленников вновь, как ни в чём не бывало, сгрудилась за столом, делятся впечатлениями от увиденного и услышанного в Петербурге. Северная столица ошеломила черногорцев, хотя они проехали не один европейский город, от Вены до Варшавы и Вильно. Петербург отличался от них царственным *простором*, мощной рекой, превосходящей полноводностью Дунай и Вислу в местах пересечения их архиерейским поездом, *симметрией улиц*, *величественностью строений*, *архитектурным искусством дворцов, храмов, памятников*. Выделенные здесь курсивом слова взяты из сохранившегося письма Негоша сербскому просветителю Вуку Караджичу, жившему в то время в Вене. В приписке сообщает, что покупает много книг на русском языке, пытается читать по ночам сразу всё, опьянённый таким богатством.

Русская столица не осталась в долгу. Достаточно было произнести особым тоном «этот монах», и каждый понимал о ком речь – о «высоком как копье», ослепительно красивом уроженце сказочных гор, вожде воинственных племён и рапсоде, сочиняющим свои песни под аккомпанемент лиры... Или кифары?.. Нет, гуслей. Одним словом, Монтенегро, – млели великосветские дамы. С восхищением рассказывали, как черногорский герой отказался принять заманчивое для себя, но унижительное для народа Црной Горы предложение турок. За год до его поездки в Россию великий визирь Махмуд-Решид-паша предложил предводителю *славянских бунтовщиков*, как называли вождя непокорного народа в Стамбуле, лицензию-*берат* на управление всеми землями, населёнными черногорцами. Взамен требовался сущий пустяк – клятвенное признание султана своим сюзереном. *Петар* ответил: «Пока меня поддерживает народ, султанский берет мне не нужен, а когда народ отвергнет меня, то никакой берет мне не поможет».

Впечатление от первых успешных шагов молодого правителя балканской страны, ориентация его на Россию, личное обаяние усилили позиции монаха-господаря на берегах Невы, что вызывало беспокойную ревность Вены, истерику в Стамбуле и традиционные опасения Лондона. С Уайт-холлом, кайзером и султаном правительству России приходилось считаться, часто с уроном для себя и во вред балканским славянам. Что поделаешь – политика! Рука Северной Пальмиры, протягиваемая Цетинье, производила при этом стыдливые, отвлекающие движения: то Вену по плечу успокаивающе похлопает, то Лондону козырнёт, то как бы рассеянно прикроет глаза, чтобы не заметить безобразий Стамбула в его христианских владениях. Пётр Негош такое лавирование умом политика понимал, но сердцем патриота православного мира, поэтической своей натурой не принимал. Поэтому в его выражениях благодарности царю чувствовалась горечь. Негош следовал советам российского МИД, только своеобразная «черногорская тропа» нередко уходила в сторону от магистрального направления политики его императорского величества. Такая самостоятельность «микроскопического полугосударства», как называли Монтенегро некоторые из российских дипломатов, очарованных Веной, накапливала неудовольствие в Зимнем дворце.

В то время внешняя политика России формировалась в кабинете графа Нессельроде. Неистовый австрофил не скрывал своего раздражения Черногорией и всеми этими «славянскими попрошайками, путающимися под ногами великих стран». Но в 1833 году облачка, омрачавшие русско-черногорские отношения, накапливались далеко, на горизонте. Небо над головой оставалось чистым. Император Николай, человек воспитанный и великодушный, был внимателен и благосклонен к правящему собрату по вере, обращался с ним, как с равным, будто принимал коронованную особу какого-нибудь немецкого герцогства. У наделённого почти княжеской властью инока голова от почестей не вскружилась. Пётр давно усвоил, что главное достоинство мужчины и вождя – умение владеть собой. Он ничем не выдавал своих чувств в беседах с властелином полу-мира.

Через несколько дней после описанного эпизода в покоях Александро-Невской лавры Их Величества с семьёй и свитой, высшие сановники империи присутствовали в Преображенском соборе на торжественном рукоположении Святейшим Синодом двадцатилетнего архимандрита в епископы и возведении его в сан владыки Черногории. С того дня патриоты и зарубежные благожелатели Црной Горы стали называть молодого архиерея за глаза митрополитом, хотя только на следующий год российский Синод утвердит его в сане архиепископа, а митрополитом Черногорским и Бердским – спустя десятилетие.

Торжественное событие запечатлел маслом на полотне художник Моргунов. На втором плане, слева от владыки в архиерейском облачении, написан худощавый юноша с густой шевелюрой над невысоким, покатым лбом. Через 200 лет экспертиза покажет: это Дмитрий

Каракорич-Рус, с того дня уже не помощник секретаря Влдыки, а второй его секретарь и советник.

Глава II. Всесильный министр

Выдался чудесный день. Государи гуляли в Летнем саду. Их сопровождали придворные и послы европейских стран. Царь облачился для прогулки в зелёный мундир Преображенского полка. Черногорцы пестрели экзотическими одеждами. Епископ Негош считал возможным появиться на публике в национальном платье. На нём, поверх белой рубахи навыпуск, подпоясанной золототканым кушаком, надеты были красный жилет и безрукавка такого же цвета. Он был в чёрных коротких шароварах, на дюйм ниже колен; под белыми чулками обрисовывались мускулистые икры ног. Для прогулки по аллеям сада горец выбрал изящные, плетённые из полос тонкой кожи опанки, которые глазеющая публика весело прозвала лаптями. Голову Владыки покрывала *кана*. Грудь украшали серебряная звезда, крестик на колодке и медаль – награды скупщины.

В полдень в Петропавловской крепости ударила пушка. Царь заметил на французском языке:

– Хорошо бы ввести в европейскую традицию, господа, чтобы орудия звучали только по такому поводу.

Пётр Негош, который читал по-французски, но затруднялся, слыша галльскую речь, вопросительно оглянулся. Моментально последовал перевод на русский и сербский языки.

Император с интересом посмотрел на толмача. Юноша был типичным горцем славянского юга: острое лицо, сухощав, тёмноволос. В свите Негоша он выделялся непокрытой головой. Его соотечественники, казалось, и в постели не снимали подобие чёрной шапки-кубанки.

Заметив взгляд царя, переводчик с достоинством представился:

– Советник и второй секретарь его преосвященства Каракорич-Рус, Дмитрий Петрович.

– Где вы учились русскому языку?

– В семье. Мой отец – русский дворянин Пётр Борисов.

– Вот как! А вы – Каракорич-Рус? «Рус» понимаю. А Каракорич?

– Эту фамилию, ваше величество, отец получил, побратавшись с воеводой Александром Каракоричем и женившись на вдове его брата, родившей меня.

– А как дворянин Борисов очутился в Черногории?

– Батюшка сказывал, что он попал в плен к французам в четырнадцатом году. Бежал вместе с моим черногорским дядей.

– Удивительно! Прямо авантюрный роман. Отец жив?

Вопрос смутил царского собеседника.

– Он недавно умер... от раны.

Николай Павлович, не сводя с него тяжёлых, на выкате, глаз, названных недоброжелателями «оловянными», что-то обдумывал. Наконец сказал:

– Вы мне интересны. У меня появилась мысль насчёт вас. Разумеется, – царь перевёл взгляд на Петра Негоша. – Я вначале должен обсудить её с его преосвященством.

Послы переглянулись. Представитель кесаря подумал о том, что надо бы уведомить Вену о заинтересованности Николая I в полу-русском секретаре-советнике Негоша. Хоть и мал народец, да опасен своей непокорностью, соблазняет подданных Габсбургов на Балканах химерами независимости.

Николай, сам рослый, но уже массивный, взяв архиепископа под руку, прибавил шаг. Для окружающих это было знаком. Они отстали, дав простор беседе *tete-a-tete* двух государей. Свободный от *всеслышащих ушей*, царь приступил к задуманному разговору:

– К сожалению, мой дорогой брат, в отношении Черногории я вынужден проводить две политики: одну скрытую, искреннюю, другую – для Вены, Стамбула, Лондона, всё чаще для Пруссии. Вот ещё Франция... Прав Талейран, *ничего не забыла и ничему не научилась*. Словом, перед ними – никаких особых отношений с балканской страной, никаких предпочтений...

Это была преамбула, ничего нового правителю *Црной горы* не открывающая. Сделав паузу, император заговорил о «появившейся мысли» в беседе с Дмитрием Каракоричем. Но с этого момента заинтересованный слушатель будто оглох.

Его внимание привлекли двое, вышедшие из боковой аллеи наперерез кортежу. Одним взглядом Пётр II охватил молодую пару, в которой женщина, писаная красавица, возвышалась над спутником. На ней было изящного покроя белое платье, чёрный корсаж с переплетёнными тесёмками, на голове – палевая соломенная шляпа с большими полями; длинные белые перчатки подчёркивали совершенные линии рук. Но большее внимание Негоша привлекла не женщина, нежное, юное создание, на которую можно было бы смотреть часами. Привлёк среднего роста, стройный мужчина лет тридцати пяти, одетый по последней моде (фрак, жилет, цилиндр), но как-то небрежно. Тёмные, слегка углублённые глаза на небольшом бледном лице, чётко очерченный рот. Петербургского денди несколько портил широковатый нос. Из-под полей цилиндра выбивались курчавые волосы. Чётко очерченные брови и полные бакенбарды придавали этой некрасивой, но привлекательной физиономии экзотический, нерусский вид. Когда и где он, Пётр Негош, мог встречать этого человека?! То, что видит это лицо не впервые, архиепископ не сомневался. Какой-то особый магнетизм исходил от «знакомого незнакомца», волнуя в душе *господаря* поэтическую струну. Именно её.

Между тем кортеж приблизился к боковой аллее. Молодая пара, разведив руки, поклонилась императору. Николай ответил величавым наклоном головы и вновь вернулся к своему монологу. Мужчина улыбнулся женщине, показав зубы снежной белизны. Кортеж миновал перекрёсток, а правитель Черногории всё ещё оставался глух к словам царственного спутника, борясь с сильным желанием оглянуться.

Вернёмся на несколько минут назад. Когда свита двигалась вслед за хозяином русской земли и его гостем, второй секретарь архиепископа почувствовал прикосновение пальцев к своему локтю. Оглянувшись: ему улыбался, словно с клюквой во рту, граф Нессельроде, представленный черногорцам в первый день их визита в столицу. Вице-канцлер империи также управлял Министерством иностранных дел.

Столь высокому положению никак не соответствовала внешность Карла Васильевича. Носатый пигмей, скорее семит, чем пфальцский немец, за которого себя выдавал. Ноги тонкие, как у кузнечика, словно с вызовом обтянутые белыми панталонами. Дмитрий сам был роста незавидного, но его высокопревосходительство едва доставало ему до подбородка. Вот уж подгадали родители известного дипломата, выбрав младенцу имя! Ведь *карлы* и *карлики* в русском языке синонимы. Телесные недостатки покрывались голосом. Голос был поставлен многолетними упражнениями в канцеляриях и департаментах, где лютеранин Карл-Роберт командовал подчинёнными, с усилием заставляя себя на несколько часов становиться русским.

Россию сей космополит глубоко и откровенно презирал, повторяя при случае: «Я служу не России, а императору всероссийскому. Да, есть толковые и среди русских. Жаль, что они не родились немцами».

Не будучи одарённым дипломатом и политиком, он скромные свои задатки развивал с немецким тщанием под руководством отца Вильгельма, российского посланника в Лиссабоне. А мать, еврейка Луиза Гонтарь, научила отпрыска гонимого народа не только выживать при любых обстоятельствах, но и достигать успеха на любом поприще, шьёшь ли ты сапоги на заказ или договор между странами. *Карла Кисельвроде* (так за глаза называла его челядь) был исполнительным наёмником Александра I, потом его венценосного брата. Однако позволял себе, бывало, опасную для карьеры самодеятельность – «подправлял» в дипломатической практике Высочайшее Мнение. Одни видели в этом твердолобое упрямство, чему подвержен был, словно приступам подагры, «вечный старец». Другие подозревали, что немец, отнюдь не обрусевший, следовал каким-то инструкциям из-за рубежа. Не исполнять их, видимо, значило для него подвергаться ещё большему риску. Число сторонников последней версии с годами росло. Ибо «юношеская любовь» Нессельроде к некоронованному властителю Австрийской империи, Меттерниху, выдерживала испытания десятилетиями, вызывая толки, пересуды, изумление Европы. Казалось, выполняя волю своего государя, он всегда задавался вопросом «а что скажет Меттерних?» Наиболее проникательные, ломая голову над секретом подозрительной пары, заподозрили Священный союз. Эта стремительно стареющая дама всё ещё сохраняла способность нравиться преданным сторонникам монархической идеи – австрийскому немцу и русскому немцу. Императоры и короли, царедворцы всех рангов пуще межгосударственных войн боялись революций, вошедших в печальную моду после 1789 года. К революциям они стали причислять все национально-освободительные войны. В восстаниях греков и сербов, в длящейся столетиями обороне *Црной горы* виделись ими бунты, направленные против своего брата, султана. Хотя страж *проливов* симпатий ни у кого не вызывал, тем не менее, считался монархом законным по воле Божьей, то бишь Аллаха.

– Граф? – отозвался на прикосновение второй секретарь архиепископа и умерил шаг, давая возможность *карлику* пристроиться рядом.

– Сударь, Дмитрий Петрович... Приятно встретить сына земляка из столь неевропейского угла Европы, удивительно молодого на ответственном посту советника... Хм! Окажите мне любезность отужинать со мной и моей супругой по-домашнему, без церемоний. Я слышал, владыка сегодня вечером будет занят церковной службой. Понимаю, понимаю, мне необходимо заручиться согласием его преосвященства. Уверен, он возражать не станет. Так условились? Я пришлю за вами карету.

Дмитрий ответил поклоном. Министр внешнеполитического ведомства пожелал принять эту фигуру пантомимы за согласие. Как раз в эту минуту они поравнялись с привлекавшей общее внимание молодой парой на перекрёстке парковых аллей.

Нессельроде недобро скривил лицо вокруг неподвижного, выдающегося, словно бугшприт, носа:

– Глядите, наши знаменитости – мадам Пушкина с супругом, сочинителем.

Глава III. Несостоявшийся информатор

Шестёрка рысаков вынесла графскую, с гербом и вензелями, карету Певческим мостом через Мойку к зданию, ничем не примечательному. Ливрейный швейцар распахнул обе половинки дверей. Хозяин, сгибая в разлёт острые коленки, сама радость, уже спускался по широкой лестнице. Издали оповестил:

– Марья Дмитриевна заждалась.

Министр провёл Дмитрия Петровича в малую гостиную. Под люстрой был накрыт круглый стол на три персоны. Хотя за окном разливался томный свет белой ночи, горели

свечи, пахло горячим воском. Сразу вошла крупная женщина. Кружевные перчатки не скрывали мужичьих рук. Глаза её сияли, но легко было догадаться, что это свет не души, а огней рамп. Графиня Нессельроде, урождённая Гурьева, трубным голосом выразила радость видеть «соотечественника с героической черногорской кровью в жилах». Пока она говорила, мужчины стояли, причём граф как перед искренне любимым начальством. Он, знала Европа, действительно любил свою жену, в отличие от большинства мелких мужчин, испытывающих тоскливую ненависть к навязанным им в жёны дебелим великаншам. Гордился её фундаментальностью, как миниатюрный, хрупкий магараджа гордится своим слоном. Графиня была alter ego министра. Она командовала чиновниками, будто челядью, назначала и увольняла, представляла к чинам, решала, какие бумаги мужу подписывать, какие вернуть на доработку. Терявшие её расположение подвергались злопамятной мстительности, как Пушкин, неосмотрительно адресовавший некоторые из своих эпиграмм нечистому на руку Гурьеву и его интриганке-дочери.

Поздний обед в серебряных судках лакеи поставили на внесённый столик и удалились. Трапезу сопровождала томительная для черногорца светская болтовня, в которой он больше молчал. Когда перешли к кофе и ликёрам, граф, просительно посмотрев в сторону графини, произнёс:

– Не пора ли поговорить о деле?

Дмитрий предположил, что госпожа Нессельроде после этих слов оставит мужчин наедине под каким-нибудь предлогом. Видимо, это мысль отразилась на его лице, а высокопоставленный дипломат был опытным физиономистом.

– У меня нет секретов от графини.

Секретарь владыки почувствовал неловкость. Карл Васильевич, подождав, пока кофе в его чашке остынет, осушил её одним глотком, как рюмку водки, и уставился в лицо гостя.

– Буду с вами, ваше превосходительство... Вы ведь в чине тайного советника, так? – (Дмитрий ни жестом, ни словом не подтвердил предположение; он никогда не задумывался о своём «чине»). Министр продолжил. – ... Буду предельно откровенен. Мой государь нуждается в доверенном лице, владеющем русским и сербским языками, знающий досконально обычаи страны у Адриатического моря и, одновременно, не чуждый России. Как говорится, носящий её в сердце. К тому же, степень доверенности предполагает преданность, как правителю Черногории, так и царствующей особе... Я понятно выражаюсь? – (молодой человек одними губами ответил «да»). – Отлично! Так вот, сударь, вы – кандидат. Возможно, именно сегодня государь сделает вашему ... м-м-м, государю предложение, имея в виду вас. Вам предстоит стать тайным посланником со стороны Петербурга в столице Черногории и со стороны Цетинье – в России, эдаким кочующим послом без верительных грамот и официального статуса. Притом, в тайну может быть посвящён самый узкий круг облечённых высшим доверием лиц, – (с этими словами *карла*, побурев носом, нежно посмотрел на госпожу министершу). Та перехватила эстафету:

– Я, Дмитрий Петрович, сразу, как увидела вас, поняла: вот тот человек, которого мы ищем. Молодость – не порок. Наберётесь опыта, а мы поможем. Пейте свой кофе, господин советник.

Этой последней фразой она вернула слово вице-канцлеру. Благодарный супруг, покорно изготавившийся к длинному монологу министерши, медлить не стал:

– Наши страны, придёт время, официально обменяются послами. Они приступят к выполнению своих обязанностей на виду всей Европы. А пока это время наступит, мы будем просить вашего государя позволить Вам исполнять двойную обязанность, за двойной оклад, разумеется. Тайно, по известным соображениям. Вам придётся, как частному лицу (занятие придумаем), вояжировать между родиной и отечеством отцов ... Вы на такое предложение

согласитесь? Задаю этот вопрос только от имени его величества. Мнение его преосвященства мне ещё не известно. Хм!

– Я подумаю, ваше высокопревосходительство.

«Как жаль, что он не немец!» – мелькнула мысль в немецкой голове сына еврейки.

Вслух он подчеркнул:

– Это на благо обеих стран. Заинтересованность правителя Черногории, полагаю, не меньшая.

– Я подумаю, – повторил Каракорич-Рус.

– Понимаю вас. И ещё одна немаловажная деталь. Одна деликатная проблема. Её необходимо обсудить сейчас же, не медля, – лицо вице-канцлера напряглось, как у человека, идущего ва-банк. – Надеюсь, я могу рассчитывать на ваше благородство. Здесь не должно иметь место разглашение, – вице-канцлер сделал паузу, не сводя печальных, обманчивых семитских глаз с гостя. – Видите ли, ваш повелитель... Он в высшей степени благороден, как лучший представитель вашего не испорченного цивилизацией племени. Хорошая подготовка позволяет ему и в двадцать лет принимать зрелые решения, добиваться блестящих результатов, но... – носач удручённо развёл руками, – в вашей маленькой стране ещё нет достаточно опытных советников, наторевших в международных делах. Легко ошибиться в их оценке. Ошибка может обернуться катастрофой. Пройдёт немало времени, прежде чем в Цетинье появятся дипломаты высокого класса. Я уверен, что вы, Дмитрий Петрович, войдёте в их число, благодаря вашим задаткам и той школе, которую вам предлагает Петербург. Но пока суд да дело, придётся рассчитывать только на нас, единственных настоящих друзей Черногории. Только мы далеко, а Вена нависла над вашей головой. И Стамбул в подбрюшье. Пока доверенные лица скачут туда-сюда, мир может рухнуть. Поэтому, – голос министра стал вкрадчивым, – ради будущего Черногории... Ради России, которая вам, надеюсь, так же дорога... Словом, необходимо загодя предупредить государя императора о планах вашего повелителя. Не прямо, упаси Бог, а через моё ведомство. Конкретно, через меня. При этом совершенно не обязательно посвящать епископа в предпринимаемые его друзьями усилия. Спокойствие высшего лица страны, его душевное здоровье превыше всего.

Нессельроде умолк. Госпожа министерша, кивавшая в такт каждой фразы мужа, гипнотизируя гостя, изготавилась было открыть рот. Каракорич-Рус её предупредил, обращаясь только к *карле*:

– Если я вас правильно понял, милостивый государь, вы предлагаете мне состоять при его преосвященстве вашим шпионом?

После такого вопроса естественно было ожидать длинное, сбивчивое оправдание с лейтмотивом «вы не правильно меня поняли, господин секретарь», похлопывание по руке, суетню хозяйки дома, предлагающей ещё кофе. Короче говоря, какое-нибудь действие, выводящее из неловкого положения. Однако Нессельроде проявил мужество, не пожелав пятиться с поклонами, с заискивающей улыбкой. Будь тогда в той гостиной свидетели, знакомые с особенностями характера первого дипломата империи, то часть из них уверяла бы, что министр перенёс приступ упрямства. Другие сослались бы на какое-то указание со стороны или на иные причины, побуждающие Карла Васильевича не менять тона в беседе с гостем из Цетинье.

На недвусмысленный вопрос черногорца Нессельроде ответил не сразу.

За те считанные минуты, пока длилось за столом молчание, он всем своим существом ощутил, чем грозит ему со стороны IV Отделения эта его самодеятельность. Ведь у Николая I и мысли не было использовать секретаря Петра Негоша в качестве тайного осведомителя о намерениях его господина. Это идея была сугубо министерская. Не меньшие неприятности грозили министру с другой стороны. Вена давно ждала от сердечного друга внедрения «сво-

его человека» в Цетинье. Появился подходящий кандидат. И вот снова срывается! Меттерних по заслугам оценивал своего высокопоставленного информатора и (правильно полагали догадливые) друга. Но нежной дружбе австрийский канцлер предпочитал более надёжный способ привязанности.

В определённом ведомстве империи Габсбургов, в определённом кабинете, в определённом шкафу под замком хранилась папка с досье на Карла-Роберта, рождённого в Лиссабоне Луизой Гонтарь и записанного сыном немца Вильгельма Нессельроде. Среди весьма любопытных документов находился наилюбопытнейший. Согласно *написанному пером*, российский посланник в Португалии, будучи ещё простым пфальцским офицером, взял Луизу в жёны беременной от венского барона, который был сыном австрийского еврея. Такое родство нигде в Европе не каралось, для русского царя национальность вообще не имела значения (в своё время Николай I оградит евреев от опасной клеветы). Но имела значение дворянская честь и каралась подтасовка фактов, подделка документов. Да и родословная немецкого барона и русского графа с семитскими корнями рисовала генеалогическое древо весьма экзотическим, вызывающим обидные насмешки. Подведёт граф Вену – и Вена не будет считаться с его самолюбием и карьерой.

Глаза и голос министра растерянности не выдали:

– Можете, милостивый государь, называть это шпионством, если вам угодно, только мне предпочтительней иметь дело с честным, разумным осведомителем, во благо вашего правителя и вашей страны, повторяю.

Каракорич-Рус резко поднялся, не спросив разрешения у хозяйки, как требовал того этикет.

– Суть от замены терминов не меняется, граф. Я вынужден распрощаться с вами.

Графиня закусила губу, нервно перебирая ручищами грязную посуду на столе. Министр, не теряя самообладания, указал властным жестом на стул.

– Присядьте, сударь. Я ещё не всё изложил... Вы солгали моему государю, сказав, что батюшка ваш был в плену у французов. На самом деле он был арестован русскими и выдан прусской комендатуре за убийство союзника, немецкого офицера, – глаза пасынка Вильгельма Нессельроде округлились от негодования. – Понимаете, он лишился жизни немца! Без всяких оснований. Трибунал приговорил Петра Борисова к расстрелу, заменённому тюремным заключением. Борисов из-под стражи бежал. Ваш повелитель не ведаёт, что его секретарь – сын преступника и сам преступник, поскольку скрывает правду.

Дмитрий, повиновавшись жесту хозяина дома, во все глаза смотрел на обвинителя, пока тот говорил, потом опустил голову:

– Я не знал...

Юный советник и второй секретарь правящего архиепископа вдруг стал похож на провинившегося мальчика.

– Теперь знаете. Советую вам подумать над нашим предложением. Карета вас ждёт.

– Может быть ещё чашку кофе? – как ни в чём не бывало спросила графиня.

Глава IV. За минуту до беды

Отслужив вечерню в придворной Конюшенной церкви, епископ возвратился в Лавру. Усталую свиту отправил по койкам. Заглянул в комнату второго секретаря. Тот ещё не возвратился с ужина у вице-канцлера. После прогулки в Летнем саду они виделись мельком. Пётр Негош по просьбе Нессельроде отпустил своего советника на весь вечер. Милутинович лечился от простуды у себя под одеялом русским национальным напитком. Видимо, подлечился основательно, так как прислуга слышала пение из-под одеяла, пока больной не уснул.

Господарь, сменив иерейское облачение на лёгкую рясу, расположился в кресле у окна. Белой ночью *без лампы* особенно читался Пушкин. Томик его стихотворений, приобретённый в Варшаве по пути в Петербург, всегда был под рукой. Раскроешь книжку – и пересялешься в иные миры.

Вдруг почувствовал беспокойство. Прислушался – что-то происходило за стеной, в комнате Каракорича-Руса. Негош вышел в коридор. Дверь в соседнюю комнату оказалась приоткрытой. Оттуда раздался металлический звук. Правитель не стал медлить.

Дмитрий сидел во фраке на кровати, обхватив голову руками. Рядом лежал дорожный пистолет со взведенным курком, на ночном столике – исписанный лист бумаги. Первым делом епископ завладел оружием, потом склонился над бумагой, торопливо исписанной рукой секретаря. Прощальная записка была адресована Петру II Негошу. В ней сумбурно и коротко пересказывалось то, что поведал автору записки министр его императорского величества о Петре Борисове, ставшем Каракоричем. В приписке содержалась просьба простить его, сына русского офицера, за невольную ложь.

– Мне нечего тебе прощать, друг, – сказал правитель, сжигая признание на огне спички в камине. – Ложь бывает только вольная. Что касается твоего отца, эти сведения необходимо проверить. В любом случае, никакой вины на тебе нет. Возьми себя в руки, умойся.

Дмитрий с несчастным выражением на юном лице, повиновался. Долго плескался, сморкаясь, за ширмой, где стояли таз и кувшин с водой.

Наперсники проговорили всю ночь. Каракорич-Рус в мельчайших подробностях, передавая речь управляющего внешнеполитическим ведомством России и реплики его неофициальной «соуправительницы», поведал об ужине.

Сначала ухватились за мысль разыграть лицемера. Советник Негоша якобы принимает предложение *карлы*. Какое-то время выдаёт ему недостоверную информацию, потом выводит на чистую воду перед государём. Скоро от мистификации решительно отказались. Ведь они государственные люди, несущие ответственность перед народом Черногории. Притом, можно нанести вред России – пусть далеко не идеальной, но единственной матери всех южных славян. Другой России нет. И понятие о чести не позволяет втягиваться в сомнительное дело. Они ведь не *нессельродцы*, а гордые черногорцы.

В конце концов решили разговор с министром иностранных дел предать забвению. Ничего царю не говорить. Вернувшись в Цетинье, подозрительные письма, заверенные его высокопревосходительством вице-канцлером, проверять личной перепиской Петра II Негоша с Николаем I. К действию принимать лишь исходящее непосредственно из Зимнего дворца.

Молодые люди не понимали тогда, что для честной игры необходимы честные игроки всех сторон. Поймут через три года.

Расставаясь с другом-секретарём, чтобы поспать хоть часок, епископ поведал ему о странном волнении, испытанным им при встрече с незнакомой молодой парой на прогулке с царём.

Лукаво улыбаясь, Дмитрий спросил, может ли вспомнить владыка четырёх русских знаменитостей, изображенных на картине Чернецова. Живописное полотно они видели в мастерской художника. Пётр Негош мгновение недоумённо смотрел на секретаря и воскликнул:

– Не может быть! Пушкин?

– Он был с женой. Мне на него указал граф.

– Боже мой, Боже мой! Я мечтал. Наш Пушкин! – начал ходить из угла в угол поэт Црной Горы, ломая пальцы.

– Если прикажете, мой господин, я завтра разыщу его.

– Разыщи, непременно разыщи. Прихвати Симу. Они знакомы – встречались в Одессе. Я обязан его увидеть. Пушкин! Надо же! – звучный голос черногорского поэта окрасился волнением как никогда.

На следующий день Дмитрий Каракорич-Рус и Милутинович нашли Пушкиных на даче за Чёрной речкой. Слуга доложил:

– Ляксандр Сергеич уехавши на Москву и дале, а барыня младенца кормють.

Так и вернулись посыльные ни с чем. Дмитрий едва живым доехал – Сима всю обратную дорогу обвинял его в неудаче. По его словам получалось, что второй секретарь сам нарочно отправил Пушкина подальше от столицы, чтобы досадить им, поэтам.

Правитель Черногории был разочарован, словно Россия обманула его ожидания.

– Как не повезло! Ведь мимо проходил. Ну, ничего, наши пути ещё пересекутся.

В какой-то мере желание сербского поэта сбудется.

Глава V. Злоумышленник

Збигнев Корчевский, будучи студентом Варшавского университета, затем на службе, неизвестно где и на какой должности, прожигал жизнь в компании «золотой молодёжи». Не раз доставлялся конвоем под надзор отца. Пани Христина считала неприличным допрашивать взрослого сына. Молодой шляхтич должен нагуляться, перебеситься. Что касается карьеры, о ней можно было не заботиться в процветающем имении на Висле. Наследница «полу-магната» высылала без риска обрушить семейный бюджет такие *пенёндзы* сыну, какие и не снились чиновнику. Мать простила своему Збышеку все проказы на десять лет вперёд, потому что его, бесценного, даровала ей *свента Мария*.

Отец же вообще не обращал внимания на проделки отпрыска. Тоскливое настроение охватывало родителя, когда супруга решала в воспитании наследника применить «мужскую руку»: «Поговори с ним, Игнацы, как мужчина с мужчиной, только в рамках приличия; ты не мужик». Последнее слово она выговаривала чисто по-русски, подчёркивая тем самым, что в просвещённой Польше мужикам не место.

Так и на этот раз: въехал в ворота усадьбы и остановился у парадного крыльца господского дома наёмный экипаж. Из него легко, невзирая на крупную, несколько полноватую для молодых лет фигуру, выскочил блондин, одетый по последней моде, держа котелок подмышкой. За ним последовал жандарм. Поднялись наверх, в кабинет отца. Застали там гору плоти. Она возвышалась над письменным столом, засыпанным табаком, с курительными трубками тут и там и недоеденным яблоком. Узрев перед собой первенца, ясновельможный пан затосковал. Явление сына в сопровождении казённого лица в известном мундире, при сабле, знал отец, грозит неприятным разговором как бы вне очереди, сверх отмеренных женой отцовских обязанностей. И за что такое наказание, *пан Иезус!*? Збигнев небрежно поклонился родителю и развалился в кресле.

Не обращая внимания на жандарма, оставшегося стоять у дверей, Игнацы Корчевский придал голосу твёрдость, как того требовала педагогика в его разумении:

– *Цо ты знув, пся крев, зробил!?*

Второй сын Борисов по-русски теперь только думал, когда приходилось ему совершать этот редкий для него процесс. Ещё ворчал себе под нос на родном языке, если был чем-то недоволен. Разумеется, он охотно поболтал бы с этими... Как их?.. Да, вспомнил, с земляками (какое ужасное слово!). Только где их взять? За ворота усадьбы её номинальный хозяин выезжал редко и неохотно, когда нельзя было отвертеться от сопровождения супруги на званный ужин к соседям. Планета Земля сжалась для *принца-консорта* при королеве Христине

до размеров привисленской вотчины Корчевских. Но и дома пан Игнацы редко отлучался дальше любимой беседки с амурами. Чтобы не столкнуться со случайным гостем, в сад сходил с бокового крыльца, облачившись в короткий шлафрок из мягкой белой шерсти. Витые шнуры на богатырских плечах придавали помещику сходство с генералом при эполетах. В холода уединялся зимнем садике под стеклянной крышей.

Пока отец ждёт ответа сына, оглянемся вокруг.

Сын русского однодворца никогда не испытывал интереса к хозяйству, хотя в детстве доводилось помогать отцу и пахать, и косить, и убирать хлеб. Военная служба, потом бездельное существование в качестве богатого помещика вконец отвратили его от занятия хозяйством. Христина Корчевская, в отличие от мужа, к сохе приучена не была, в экономике разбиралась ещё меньше, чем дядя Евгения Онегина. Вообще, хозяйственная сторона сельской жизни раньше её не интересовала. Однако, когда она поняла, что её обожаемый Игнацы способен довести имение до разорения, ощутила прилив энергии. В ней пробудилась львица, вынужденная защищать своё логово. В женщине, принадлежавшей к сословию землевладельцев, тысячу лет кормившихся её плодами, пробудилась фермерша с капиталистическими задатками по жизненной нужде фольварка Корчевских. Она нашла «подпорку» в гувернёре Збышека, прижившемся в доме. Звали этого античного красавца Адамом (а выросший ученик за глаза называл его Аполлоном Бельведерским). Адам стал сопровождать госпожу повсюду, куда её гнала необходимость присматривать за всем собственными глазами. В одном лице Пани Христина была владелицей сложного аграрно-промышленного хозяйства, директором текстильной фабрики, главным инженером, учёным агрономом, финансистом, просителем в министерствах и клиентом надёжного банка.

Можно только предполагать, какими способностями обладал прекрасный чичисбей. Он разумно держался в тени своей нанимательницы, которая часто повторяла: «Не знаю, как бы я обходилась без Адама». Сопровождающее лицо, бывало, рассеянно роняло никому не понятную фразу, притом, на русском языке, когда рядом находился Игнацы: «*Смеялся Лидин, их сосед...*». Эта фраза всегда до того была неуместна, что объяснить её можно было лишь признанием за Адамом непостижимой глубины интеллекта. Экс-гувернёр ничем не рисковал – «Графа Нулина», написанного сочинителем Пушкиным, пан Игнацы не читал. Он давно не заглядывал в книги.

Пауза затягивалась. Корчевский Младший рассматривал ногти на пальцах, способных гнуть подковы. Жандарм, переминавшийся с ноги на ногу у двери, решил, что настал благоприятный для него момент прояснить ситуацию.

– Осмелюсь доложить, пан генерал... – унтер явно был сбит с толку «эполетами» на халате. – Молодой пан Корчевский был задержан, когда читал вслух, собирая прохожих, возмутительную поэму «Дзяды» у решётки резиденции наместника его императорского величества в Варшаве. Его доставили в участок, где он плевал на пол и называл пана обер-офицера паном Оприч... паном Опричковским. Потом он показал пану судье... Не смею, пан генерал, даже произнести неприличное слово... Он показал, *ниепрошем*, это...

Корчевский-отец поморщился, сообразив, что конвоир показывает ему кукиш. Унтер, спохватившись, убрал руку за спину:

– *То* не вам, пан генерал, от меня. *То* пану судье от молодого пана.

– И каков приговор?

– За «Дзяды» – *добу* в *криминале*, за *ту* фигуру, – унтер стал было опять складывать пальцы, да вспомнил о приличии, – месяц домашнего ареста. *Прошу пана* тут расписаться.

Расписавшись в приёмке преступника, хозяин кабинета с сознанием счастливо окончившегося дела, достал из выдвижного ящика стола ассигнацию.

– *То* вам, пан унтер-офицер, *довидзенья*.

– *Бардзо дзинькую, пан генерал.*

Поднадзорный, воспользовавшись тем, что выпал из поля зрения конвоира и родного надзирателя, выскользнул из кабинета. На лестнице столкнулся с горничной, велел принести кофе в библиотеку. Там нашёл вазу со сладостями. Весьма кстати. *Матка Кишыся* куда-то укатила с Адамом ни свет ни заря. А без неё не обедали.

Как только Збигнев переместился в библиотеку, удивительная метаморфоза произошла с ним. Наедине с самим собой он будто сбросил шутовскую личину. Похоже, она служила ему своеобразным щитом. Он превратился в поглощённого какой-то возвышенной мыслью молодого человека. Несколько грубые черты его лица облагородило выражение сосредоточенности. Даже щегольской летний сюртук будто изменил покрой, приобрёл строгость.

Опорожнив вместительный кофейник и расправившись с содержимым вазы, возмутитель спокойствия стал ходить вдоль полок, вслух нахваливая *матку* за пополнение библиотеки новыми изданиями. Старожилы прошлого века потеснились, дав место всем польским и ввезённым из-за рубежа книгам любимого в этом доме изгнанника Мицкевича. А вот новый сборник лирика Юлиуша Словацкого. Не забыт историк Лелевель. В простенке между застеклёнными шкафами молодой Корчевский обнаружил пейзаж Михайловского. Раньше этой картины здесь не было. На опущенную крышку белого кабинетного рояля брошены были раскрытые ноты. Заглянул – ноктюрн до минор Шопена. Подумалось: это ведь не просто музыка, живопись, стихотворные и прозаические строки. Это исполненная романтизма программа национального воспитания. В произведениях искусства и литературы только и живёт независимая великая Польша, чья реальная территория поделена между тремя сильными державами. В библиотеках и музеях, на вернисажах, в костёле он, Збигнев Корчевский, неистовый поляк душой, восполняет силы, необходимые для борьбы, которую поклялся перед алтарём в Ченстохове довести до конца. Нет, он и его товарищи теперь торопиться не будут. Торопливость погубила восстание 1830 года. Ошибок повторять нельзя.

Збышек стал участником Варшавского восстания в свои неполные шестнадцать лет, как попадает в уличную драку случайный прохожий. Ноябрьским утром 1830 года он заглянул к приятелю в военную школу подхорунжих и застал там необычное возбуждение и бряцанье оружием. «Что у вас?» – «Выступаем». – «Куда?» – «Бить москалей». – «За что?» – «За Польшу». – «Я с вами!» – «Держи пистолеты».

Збышек не успел как следует понюхать пороха. Его продержали в охране городского арсенала, пока в поле то поляки трепали русских, то русские отвечали им сторицей. Наконец, в августе 1831 года, фельдмаршал Паскевич начал штурм Варшавы. Кровопролитие продолжалось тридцать шесть часов. Оружие из арсенала выбрали, порох кончился. Какой-то старый *жолнер*, расстреляв свои заряды, вырвал у юноши винтовку с последним патроном: «*Геть до дому!*» Збышек затаился на съёмной квартире. Русский патруль не обратил на него внимания, уж очень не похож он был на скрывающегося солдата: увалень, типичный студент.

Победители закрыли крамольный университет. Возвращаться домой, в помещичью скуку, молодой человек не захотел. *Маткиных пенёндзей* хватало, чтобы жить безбедно. Когда шатание по бульваром осточертело, решил навестить своих, а там посмотреть, в Варшаву ли возвратиться или в Париж дёрнуть, где накапливалась польская эмиграция. И тут душой его завладел «Люд польский» – левое варшавское крыло эмигрантского Демократического общества. Один из лидеров крыла, по имени Казимир, убеждал горячих патриотов терпеливо готовить народную войну сразу в «трёх Польшах» – российской, австрийской и прусской. Не мечтать о геройской смерти, а настроить себя на долгую рутинную работу. Предстояло создать материальную основу восстания, все силы вождей отдать воспитанию в поляках патриотизма, как религиозного чувства. Возникли надежды на организацию, путём

формирования общественного мнения, общеевропейской антирусской коалиции. Только она способна сломать мощь России – главного врага Польши. Разумное, основательное начало в характере Корчевского обрело фундамент. Но он ещё был очень молод. И молодая энергия, не находящая выхода в томительно-скучных условиях подполья, выплёскивалась в виде политического хулиганства. За него сын землевладельцев и промышленников расплачивался родительским надзором.

У Збышека подвело желудок. Он слышал, как тяжело ходит отец из своего кабинета в столовую залу и обратно – тоже ждёт *матку* Христину.

Пехотный поручик, старея, остывая в страсти, всё крепче привязывался к жене. И стал ревнив. Причём, ревновал без какого-либо основания к титулованным жеребцам, заскакивающим в усадьбу, если замечал вдруг со стороны хозяйки повышенное внимание к визитёру или некоторую развязность в поведении гостя. А вот откровенная, нежная дружба между почти сорокалетней хозяйкой и красавчиком Адамом, который мимо хорошеньких горничных проходил с пресыщенным видом, не вызывала у висленского Отелло никаких подозрений. Ведь Адам, хоть и носил фрак, хоть принимал пищу за господским столом и удаивался бесед с хозяином, всё-таки был вроде лакея. Следовательно, недалеко ушёл от *быдла*. Много чести такому – ревновать к нему! И мысли такой не возникало у *ясновельможного пана*, привившего свою «родовую былинку» к раскидистому древу Корчевских.

Высыпали звёзды, когда дом оживился громкими голосами. Прислуга поспешила обрадовать *пани* неожиданным появлением сына. *Пани* действительно обрадовалась, тем не менее сначала прошла к себе сменить дорожное платье на вечернее и привести в порядок молодявое, слегка подсушенное временем лицо. Её примеру последовал и Адам. Встретились за накрытым столом.

Войдя в столовую залу, где уже собрались мужчины, празднично сиявшая по-прежнему молодыми глазами *злота Кшыся* приветствовала сына почти теми же словами, что и грозный отец, «*ты цо зробиш?»* Без «*пся крив*» и прибавив «*коханий*». Фразу произнесла с особым чувством, на которое способна только мать, очарованная единственным своим дитятей. Стало понятно, никакого ответа от сына она не ждёт. Её настроение мигом передалось супругу. Он осветился как скала под лучами солнца. Счастливый смех с баритональным рокотом зазвенел в хрустале.

– Смеялся Лидин, их сосед, – в меру громко отметил Адам, делая знак лакею налить вина.

Не будем мешать семейной идиллии – выйдем на цыпочках и закроем за собой двери. Никто из обедающих не мог предположить, что Корчевские в последний раз собрались вместе за ужином. Утром прискачет верховой с письмом для Збигнева. Тот объявит родителям, что вынужден вернуться в Варшаву: «Таковы обстоятельства. К чёрту постановление судьи! Ни о чём не спрашивайте! Это дело чести». Ещё дней через десять владелец дома, в котором молодой пан снимал уголок из трёх *покоев*, напишет Корчевским, что его постоялец вновь арестован.

Подождали несколько дней. Арестованного всё не везли. Тогда в Варшаву поскакала *матка*, без Адама. Вернулась сама не своя: дело серьёзное – Збигнев взят под стражу как соучастник заговора польской молодёжи против императора.

– Идиоты! – воскликнул Игнатий по-русски. – Какая такая польская молодёжь!? Мой сын – россиянин!

– Христина ухватила за эту соломинку.

– Так поезжай, докажи им! Пусть наш сын хоть татаринотом станет, лишь бы не каторга. О, *матка Боска!*

В Варшаве, выслушав «сына Борисова», обещали разобраться. Разобравшись, пригрозили:

– Вы пытались обмануть власть, пан Корчевский! Поручик Игнатий Борисов скончался от ранений в 1813 году. Подлог может дорого обойтись вам.

Глава VI. Родства не помнящий

В скверном городишке Красноуфимске, что в Пермской губернии, изначально, местная хроника зарождалась в воздухе рынка, разносилась по дворам неутомимыми устами. Так, в лето 1826 от Рождества Христова обывателям стало известно, что приехал невесть откуда и вселился в усадьбу на отшибе живописец по прозвищу Скорых. Прозвище оправдал: до начала осени огородил усадьбу новым забором невиданной здесь высоты. Старую вместительную избу перестраивать не стал, двор и огород засадил парковой растительностью.

Этот участок в три сотни десятин на берегу речки Уфы когда-то принадлежал купцу Хромову. Переезжая на жительство в Томск, он уступил его сестре. А та, выйдя замуж в Белёв, за прасола Скорых, оставила дом, сад и огород под надзором семьи работников. Старожилы не могли взять в толк, кем приходится приезжие Хромову. Показалось странным, что художник старых работников рассчитал и выселил, а на их место никого не нанял. Всю домашнюю работу выполняла молодая супруга художника, которой помогал кучер Архип, из бобьлей, на все руки мастер.

Что ж, художники – народ странный, на нормальных людей не похожий. Скорых писал пейзажи и за бесценок уступал их любителям из купцов и духовенства. Иногда кто-нибудь из состоятельных горожан заказывал портрет. Двуногая натура в мастерскую не приглашалась. Портретист выезжал к заказчику на рысаке, впряжённом в двуколку, с ящиком инструментов и красок. Начатый холст оставался там до завершения.

Новосёлы ни с кем дружбы не завели. Бездетная пара с нелюдимым работником захлопнула перед миром ворота, задёрнула на окнах плотные шторы. Даже по праздникам не принимали гостей.

Миловидная жена художника появлялась за воротами всегда в экипаже, одетая в строгое платье. Правил муж или кучер. Двуколка с поднятым верхом останавливалась возле церкви, у магазинов, подвозила хозяйку к рынку. Не сияли огнями окна дома. Одинокие свечи затемно перемещались мутными пятнами по шторам от бельэтажа к мезонину, от крыла к крылу угрюмого дома. Всё это порождало толки один другого нелепее. Шептали, Скорых – колдун. Занимается чёрной магией по ночам, утверждали одни. Другие возражали, мол, странная тройка – опасные злоумышленники, скрывающиеся от властей под чужими паспортами. Третьи предполагали в них фальшивомонетчиков.

Щёл восьмой год вселения четы Скорых с работником в купеческую усадьбу. Кому-то из праздно шатавшихся удалось заметить в окне за откинутой на миг шторой седобородого незнакомца в белом. На следующий день город гудел, что подозрительный художник держит у себя под замком сумасшедшего отца, не желая огласки. Когда слух достиг ушей градоначальника, местный самодержец в тёмно-зелёном мундире офицера артиллерии, без знаков различия, превратив кожу на лбу в стиральную доску от тяжёлой думы, изрёк:

– Непорядок! Надобно разузнать, не опасно ли держать больного дома.

Докладчик, обсыпанный перхотью чиновник четырнадцатого класса, усилил тревогу начальства:

– Старик, вашродь, случается, остаётся дома один. А город наш, смею доложить, деревянный.

– То-то и оно. Не лучше ли отправить в жёлтый дом?

– Прикажете исполнять, вашродь?

– Дурак! Снаряди кого из толковых, будто печи проверить на предмет сажи в трубах, да бочку на крыше просмотреть. Пуста, поди.

– А коль пуста?

– О, Господи! При чём тут бочка!? Ладно, сам досмотрю.

Сказано – сделано. Градоначальник и полицмейстер с эскортом вломились во владения Скорых. Архип, выбежавший из сторожки с матюками на грохот дюжины кулаков о доски ворот, оказался бессильным перед вторжением. Незваных гостей перехватил в прихожей художник. На нём была блуза, испачканная краской, в руках – кисть и пёстрая палитра.

– Чем обязан, господа?

Градоначальник впервые рассмотрел живописца, ставшего притчей во языцех, вблизи: сухое, тёмное лицо; бакенбарды с усами – «уздечкой», светлые волосы на голове будто от другого человека. Умудрённый жизнью, отставной артиллерист укололся о зрачки в карих глазах, подумал: «Этот постоять за себя может! Политично надо с ним, политично». Но по привычке априори ввергать в трепет собеседника, изобразив свирепость на начальническом лице, рявкнул:

– Где бочка?!

– Бочка?.. Полагаю, на крыше.

– Полагаете-с? Проверим. А старик? – (бывший артиллерист заготовил вопрос о печах, с «политическим» подходом, но вырвалось другое).

Сергей Борисович ничем не выдал свою растерянность (правда, длилась она мгновение). Одним быстрым взглядом оглядел и оценил силы вторжения. Тянуть время, уходить в сторону не было смысла.

– Вы о моём жильце, сударь?

– Именно.

– Фёдор Кузьмич – мой гость. Находится под моим покровительством.

– Позвольте на него взглянуть.

Ротмистр ощутил холодный пот, стекающий по ложбинке хребта.

– Это невозможно... Старый человек... Не здоров.

– Ваше благородие, паспорт, спросите паспорт, – напомнил полицмейстер скороговоркой.

– Сожалею, сударь, не справили. Я подобрал странника по дороге, больным. Родства он не помнит. Мы ему имя да по батюшке сами дали.

– Ничего, на съезжей вспомнит... Значит, странник? За это у нас, по малому счёту, двадцать розог полагается и – в Сибирь на поселение.

Только прозвучали последние слова, как отворилась боковая дверь. Пригнув в дверном проёме белую бородатую голову с глубокими залысинами, перешагнув порог босыми ногами статный старик лет шестидесяти. Выпрямившись, он оказался на голову выше всех, теснившихся в прихожей. На нём была холщовая рубаха ниже колен поверх штанов из такой же грубой ткани, низко перехваченная витым кожаным пояском, за который он засунул большой палец левой руки. Ладонь правой приложил к груди – обрисовался под рубахой нательный крест, какой носят на рясе священники.

– Вы хотели видеть меня, господа? – спросил он смиренно у начальства. Голубые глаза его смотрели ласково. – Я готов понести наказание за нарушение закона империи о бродяжничестве.

Величественный вид старца произвёл на силы власти и порядка впечатление. Полицмейстер и его команда непроизвольно вытянулись по струнке. Градоначальник смешался, заморгал, словно избавляясь от наваждения. Он увидел перед собой не бродягу в платье

простолюдина, а вельможу в генеральском мундире. Пересиливая вдруг возникшую в нём робость, постарался придать голосу прежний металл:

– Так это вы-с... Ты – Фёдор... э-э-э... Кузьмич? Стало быть, без паспорта? Знаешь ли ты, что у нас с такими делают?

И, не выдержав взгляда не помнящего родства, перевёл глаза на попечителя:

– По инструкции я обязан этапировать вашего подопечного за Камень. Ему место там.

О двадцати ударах плетью местный диктатор уже не заикался.

– Зачем же непременно этапировать? – примирительно возразил Сергей Борисович, у которого камень с души свалился. Мы и так собирались переезжать в Томск, как только установится путь.

Скорых сказал правду. Задерживаться в Предуралье надолго не предполагалось. Однако старый работник усадьбы передал из Томска устный наказ купца Хромова не покидать убежища до особого знака. Ожидание затянулось. И вот на днях неизвестный доставил художнику в письмо, в котором иносказательно звучал наказ собираться в путь.

Фёдор Кузьмич так же смиренно, ни к кому определённо не обращаясь, попросил разрешение выйти и, не ожидая ответа, удалился.

В это время в прихожую вышла молодая женщина с мягким, приветливым лицом, в кружевном чепчике.

– Прошу вас, господа, в гостиную, откушать.

– А что, нелишне, заодно картины нашего мастера посмотрим, – нашёлся градоначальник, извлекая из-под отвислого, будто тощий бурдюк, брюха брегет на цепи и заглядывая под крышку циферблата. – Чай, время обеда.

Общество оживилось. Полицмейстер показал себя заботливым отцом:

– Распорядитесь, хозяйюшка, нижних чинов накормить.

– Да, да, непременно, – Дарья выглянула в окно. – Архип, отведи солдатиков на кухню.

... Не скоро громко отрыгивающий градоначальник и благостно улыбающийся полицмейстер, оба красные, навеселе, провожаемые хозяином усадьбы, присоединились к нижним чинам. Сытый эскорт ждал начальство на скамейке у ворот под надзором Антипа.

– Верите, господа, ы-ы-ык! Я под Парижем самого царя видел, как вас сейчас, – первое лицо города вытянул руку, показывая расстояние. – Мы тогда с французами дуэлю на пушках имели. Нашей батареей командовал поручик Борисов... ы-ы-ык!

– Андрей Борисов? – воскликнул ростмистр.

– Ы-ы-ык! Он самый. А вы тово, знались?

– Нет, нет, продолжайте, сударь.

– Так значит, мы с лягушатниками перестреливаемся, а царь с князьями да графьями разными с горки смотрит, одобряет нашу артиллерию... ы-ы-ык! К чему я это? Ах, да, скажу вам по секрету... Только между нами, милсдари, тс-с-с! Государь наш, царство ему небесное, и этот бродяга, тось старец Фёдор, на одно лицо. И фигура подстать, ей-Богу, ы-ы-ык!

И градоначальник истово перекрестился на калитку в воротах, услужливо распахнутую Архипом.

Сухой осенью 1833 года знакомый нам дормез, простоявший восемь лет в каретном сарае на окраине Красноуфимска, перевалив Каменный Пояс, катил большаком сквозь хвойные леса, во всякую погоду тёмные, минуя солнечные поляны и золотые рощи, сжатые поля. Проехали Екатеринбург, Тюмень, Омск окраинами. До Томска оставался один перегон. Опекун Фёдора Кузьмича справил в Красноуфимске на подопечного документы, вложив приятный на ощупь частный пакет между листами прошения, поданного градоначальнику лично.

Человек, назвавшийся странником Фёдором Кузьмичом, первые дни после таинственной кончины императрицы Елизаветы горестно плакал и молился в доме прасола. Потом,

в дороге, в светлое время суток он не покидал кареты, пока не заболел. К удаче путников, в дороге оказался надёжный кров. Первые дни, при общении с молодожёнами в голосе старца то и дело прорывались властные нотки. Даже просьба, бывало, звучала как повеление. Болезнь смягчила характер «родства не помнящего». Потеплел взгляд голубых глаз. Речь стала тихой и ласковой. Миру явился *смиранный* старец.

Паспорт на Сергея Борисовича Скорых у ротмистра появился ещё в 1826 году, когда белёвские беглецы, оставив за спиной Ивановку, переправились через Волгу. На левом берегу свернули к роще. Фёдор Кузьмич в армяке поверх холщовой рубахи, вынес дорожные принадлежности для письма и складной столик, который установил рядом с тем местом, где ротмистр ладил шалаш. Дарья неподалёку собирала хворост для костра.

Улучив минуту, когда Архип повёл лошадей на водопой, старец задрал полу армяка и надорвал по шву подкладку. Выпала небольшая картонная папка. В ней оказался дважды сложенный лист хорошей бумаги. Фёдор Кузьмич развернул его на виду у спутника. Лист был чистым, только внизу – печать и витиеватая подпись. Усевшись за столик на охапку хвороста, старец стал заполнять бумагу. Писал он левой рукой, с трудом, медленно, как человек, старающийся изменить свой почерк. Наконец воткнул перо в чернильницу-непроливашку, встал и низко поклонился ротмистру:

– Прости меня, Серёжа. Окажи тяжкую услугу мне, обузе своей. Пришёл срок всё прошлое оставить за рекой. И Борисов должен там остаться. Назови фамилию, которая по душе тебе. С ней жить будешь и детям передашь. Аминь!

Сергея Борисовича больше озадачило впервые прозвучавшее обращение «Серёжа». И «ты». Что до фамилии, настоящей у него не было. Сын Борисов? А его дети, Сергеевы что ли будут? И уверенно сказал:

– Если не возражаете... Скорых, мещанин.

Новообращённый при этом ни о каком «кор» не подумал. Он вообще всё реже вспоминал о четвертушке серебряного блюдца, помеченной буквой «С». И никаких особых чувств к тестю не питал, кроме снисходительной благодарности за Дашу. Просто язык повернулся сам собой, и вылетело: «Скорых».

А может быть, кто-то невидимый властно шепнул ему на ухо слово с заветным слогом...

Глава VII. Декабристка по-польски

В доме над Вислой царило уныние. Збигнева Корчевского за участие в тайном обществе *Люда польского* приговорили к пяти годам каторжных работ на Зарентуйском руднике.

Узнав о решении суда, *пани магнатка* задействовала все связи Корчевских, а они были многочисленны и прочны. Эдакие корабельные канаты, опутавшие паутиной разделённую Польшу и протянувшиеся в Петербург. Но дёргать за их концы оказалось мало. Сложная система требовала обслуживания, причём, посредниками из высшей аристократии империи, в которой прочно, как бриллиант в короне, сидело Царство Польское. Не буду описывать весь механизм и последовательность действий охваченной горем *матки*. Оно, к счастью, не убило её. Наоборот, оживило, придало ей энергии. Не уследить было за ней: только что видели Корчевскую в одном месте и будто сразу – в другом. Неизменный спутник госпожи едва поспевал за ней.

Проницательная прислуга заметила: *пан Адам* только изображал сочувствие своей покровительнице, притом, неумело; не помогал ей, а путался под ногами. Наконец это заметила и Христина и с досадой велела своему любимчику «лучше заняться делами *маетка*, больше пользы будет». Теперь к обычным делам прибавилась распродажа части доходных участков и цехов по обработке плодов земли, чтобы иметь под руками свободный капитал.

Адам с облегчением переключился на объезды владений Корчевских, уже как доверенное лицо. Теперь к нему стали обращаться *«пан управляющий»*. Корчевская сразу о нём забыла. Во всяком случае, в разговоре с ним поворачивала голову на звук его голоса, но не поднимала на него глаза. Умолкла в усадьбе фраза на русском языке о смешливом помещике Лидине.

Пан Игнацы никак не отозвался на властные перемены во владениях семьи. Он вообще ни на что не отзывался, словно весть об участии единственного сына оглушила его. Когда пропадавшая в Варшаве жена появлялась в усадьбе, супруг довольствовался её коротким рассказом о положении дел и удалялся в спасительную беседку с мраморными амурами переживать несчастье с бутылкой красного вина.

Бурным, но коротким праздником стала удача в борьбе за сына. Именно это слово, «удача!», выкрикнула однажды из коляски Кшыся встречавшим её на крыльце домочадцам. Действительно, Петербург пересмотрел дело «заблудшего молодого человека». Каторгу заменили десятилетней ссылкой за Урал.

Однако, день-другой порадовавшись, мать-победительница загрустила в преддверии разлуки. Десять лет не видеть своего ненаглядного Збышека? Да она не вынесет такой муки! И разве те, кого называют царскими преступниками, возвращаются из Сибири живыми? Их привозят в гробах.

Эти терзания направили несчастную мать на новые решительные действия. Поспешно, не торгуясь, Корчевская сделала ещё одну распродажу имущества. Вырученные деньги сама повезла в Петербург. Там неутомимая полька, эта воистину *свента матка*, получила разрешение сопровождать сына к месту поселения и оставаться возле него сколько пожелает. Но при этом она лишается дворянства и всех привилегий, превращается в простую мещанку. По сути, полька повторила декабристок, только в «польском варианте»: не жена вызвалась разделить участь мужа, а мать – сына. Корчевской позволили везти арестанта в своей карете при соблюдении всех дорожных правил для такого рода путешественников.

Адам нерешительно предложил себя в попутчики. Он боялся, как бы его повелительница не ответила согласием. Христина с не скрываемой жалостью долгим взглядом проникла в отводимые в сторону глаза незаменимого своего помощника и ответила:

– Ваш долг оставаться здесь, мой друг.

Увядаящая женщина произнесла эти слова искренне. За те несколько мгновений душевная пытка так изуродовала лицо красавца, что оно вызвало в ней отвращение. Правда, молодой человек, получив отказ, тут же преобразился, вновь исполнился красотой статуи Аполлона Бельведерского. Только пани Корчевская до отъезда в Сибирь на него уже ни разу не взглянула.

Ежечасно в разнообразных делах, постоянно в мыслях об облегчении участи сына, Христина не выглядела несчастной. Иное впечатление производил бездельный пан Игнацы. Вся огромная, оплывшая фигура некогда бравого пехотного офицера выражала горе. Он терял сразу всё, что привязывало его к жизни – жену и единственного наследника. Едва нашёл в себе сил подняться с помощью камердинера в карету, чтобы навестить Збышека перед дорогой.

Варшавское здание полу-этапа, похожее на все подобные сооружения в империи, исторгло из своих мрачных глубин обросшего рыжеватой бородой рослого молодого человека. Збигнев Корчевский сбросил на нарах излишки веса. Стараниями родной *матки* приоделся в дорожное платье. Оно его красило больше, чем наряд денди. Осуждённого на ссылку сопровождали два верховых казака.

– Ну что, родные мои, *свершим последнее целование*, – с этими словами, запомнившись с церковно-приходской школы, пан Игнацы извлёк из кармана сюртука кожаный футляр, раскрыл его. Збышек впервые увидел четверть серебряного блюдца с выцарапанной

буквой «И». Отец коротко поведал сыну мистическую историю предмета, известную жене. В заключение добавил:

– Всё в воле божьей, сынок. Может, не дождусь твоего возвращения. Этот предмет – всё, что останется тебе в этом мире от русского отца. Хотел отдать тебе сразу, да подумал, дорога предстоит дальняя. Здесь надёжней... Найдёшь в ящике бюро.

Потом перекрестил отъезжающих по православному, попятился, давая карете место развернуться. Казаки пошли рысью вперёд.

Мать и сын видят в заднее оконце, как пытается бежать за экипажем их муж и отец. Отёкшее лицо его от напряжения буро, рот разорван тяжёлым дыханием – вот-вот упадёт в пыль. Поворот, и он исчезает из глаз путников. Навсегда.

Великану, стоящему посреди дороги кажется, что он вновь Игнатий, сын Борисов. Всё, что связано с фольварком на польской земле, ему приснилось. Не было ни старика Корчевского, до конца дней не простившего зятю его русского происхождения, ни Золотого Ангела Кшыси, ни любимого сумасброда Збышека. Надо дожидаться попутного экипажа и мчаться к Висле. Там ещё не окончен бой с отступающими французами. Карета, как по заказу, появляется из-за поворота.

Подпоручик инфантерии, терзая рессоры, тяжело взбирается по откинутой наружу лесенке. Внутри кареты, при опущенных шторах, полумрак. Игнатий не сразу различает на противоположном сидении седую женщину с молодым лицом, в чёрной шали, накинутой на плечи.

– Не убивайся, офицер, – говорит она тихо и проникновенно. – Скоро ты избавишься от муки.

И боль отпускает сердце Игнатия. Из чувства признательности он целует руки незнакомки. И немислимый, загробный холод, отзываясь режущей болью во всём теле, оковывает льдом его сознание.

Так, в глубоком обмороке, и доехал до имения Корчевских пассажир, в котором челядь с трудом признала хозяина. О спутнице у кучера он не спросил. Был уверен: никто её, кроме него, видеть не мог.

Глава VIII. Уютная Даша

В тридцатых годах XIX века Томск представлял собой кучку каменных и бревенчатых строений на возвышенном месте вокруг Богородице-Алексеевского монастыря. Название городу дала одноименная река. Между ней и кручей правого берега половодья намыли низкую террасу. Здесь издавна селились ремесленники, мелкие торговцы и лица неопределённых занятий. Такие слободы назывались чёрными. С постройкой фабрики, что день и ночь дымила кирпичной трубой, в чёрной слободе разместился в бараках рабочий люд – отбывшие свой срок каторжники, ссыльные, потомки беглых; публика бойкая и опасная. Под крутым берегом стояла гнилая вода старицы. Через неё перекинули деревянный мост, соединив слободу с верхним городом.

Опекун Фёдора Кузьмича без труда нашёл в Томске дом купца Хромова. Свойственник белёвского прасола готов был потесниться ради приезжих. Но старец пожелал видеть вокруг себя убогих и страждущих, сирую, обездоленную *русь*. Чёрная слобода отвечала этому замыслу.

Новый приют был тесен. За глухим забором из горбыля виднелись крыши двух изб и служебных пристроек. Тугие кроны деревьев скрасили первое неблагоприятное впечатление: какой ни на есть садик при жильё. Грядки на задах участка. Одну избу, пятистенку, отделённую от прочих строений купой деревьев, выбрал Фёдор Кузьмич. В другой, о три ком-

натёнки, разместились Скорых, ждущие прибавления. Архип обжил каморку при конюшне. Можно было перевести дух – крышу изгнанники обрели. Но назревала другая проблема.

Царский баул с ассигнациями быстро пустел. Живописные холсты художник распродал в Красноуфимске. Заговаривать на эту тему с человеком, который знал пароль «Корси-канец», художник долго не решался. Может быть, ещё объявится генерал-адъютант императора. Оставался ещё благодетель Хромов, но насколько купец посвящён в тайну забредшего в Белёв странника? Не приведёт ли неосторожное слово к непоправимым последствиям? Наконец, наедине со старцем, Скорых завёл разговор издалека.

Фёдор Кузьмич, как вошло у него в привычку, сосредотачиваясь на какой-нибудь мысли, засовывал палец левой руки под витой кожаный ремешок. Эта подпояска была у него единственной. Сергей Борисович видел её на мёртвой императрице.

– Значит, сын мой, станем кормиться плодами земными. Здесь, рядом, заводик есть. Мне достанет сил прирабатывать на стол.

Сергей растерялся. Он ждал какого угодно решения, только не этого.

– Отец Фёдор! Я не могу позволить!.. Вернусь к портретам. В Томске, уверен, заказы будут.

– Вот и пиши, – ласково согласился Фёдор Кузьмич. – Бог в помощь. Я принял решение трудиться в поте лица своего, покуда сил хватит.

Родства не помнящий, обзаведясь паспортом, теперь жил не таясь, хотя старался избегать, где можно, публичных появлений. На фабрику его взяли чернорабочим при котельной. Скорых довелось увидеть в распахнутые ворота старца. Тот колот дрова умело, с явным удовольствием, даже с какой-то лихостью. Вспомнился двадцать пятый год, Царское село, царь в нижней рубашке за колкой дров...

Первое время Скорых урезал суммы, выдаваемые жене на расходы. Сюда прибавлялось скудное вознаграждение фабричного. Пришлось продать рысаков, сменивших белёвских лошадей в Красноуфимске, равно как и дормез. Вырученные деньги пополнили домашнюю кассу. Появилась возможность купить скромный экипаж с поднимаемым верхом и гнедую пару. Архип остался при привычном деле, что, в благодарность, усилило его рвение работника – повара, столяра, плотника.

И прижимистый (бытовала молва) Хромов облегчал участь приглашённых. В слободе он появлялся редко. Из экипажа сразу направлялся в избу странника, проводил там не больше часа. Денег благодетель не оставлял, но время от времени от его имени ввозили во двор дрова; работники из его торгового дома делали ремонт строений, копали огород. Бывало, с купеческого стола доставляли к общему столу новосёлов фрукты и сладости, хорошие вина, икру, птицу и рыбу – всё отменного качества.

Сергей Борисович не смог сразу возвратиться к художественному мастерству. Немало времени ушло, чтобы поднять часть крыши над избой Скорых. Образовавшийся с полуночной стороны проём застеклили. Получилась за счёт чердака просторная мастерская. Появились заказчики, располагавшие свободной копеейкой. Заезжий художник становился модным. Большой удачей стал подряд на роспись в одной из церквей богатого монастыря (вот где пригодилась практика в аббатстве!). Это дало возможность нанять няню и приходящую из соседнего двора горничную, когда у Скорых появилась двойня – девочка и мальчик после долгого бесплодия Даши. Казалось, жизнь на новом месте налаживается. Но счастливые мать и отец недолго наслаждались полнотой семейного счастья. Не уберёт Отец Небесный девочку от дифтерита.

Однажды в те страшные дни Сергей Борисович, застав жену на коленях перед иконами с благодарственной молитвой, не удержался: «За что благодаришь!? За дочь?!». – «За Федю, – кротко отвечала жена. – Что живым Он его нам оставил».

Эта смерть сблизила супругов сильнее, чем прожитые вместе годы.

До Дарьи женщины были для чёрного гусара некими загадочными существами, *не-мужчинами*. Они возбуждали желание быть более остроумным, чем позволял ум, более смелым, чем располагало сердце, более сильным, чем наделено было тело. Перед женщиной хотелось показать себя с лучшей стороны. Непременно отличиться в чём-нибудь на фоне других, себе подобных. При виде женщины возникал порыв помочь ей. Не так в чём-либо конкретном, как помочь вообще, то есть высказать горячее желание быть полезным. Ибо для реальной помощи требовались определённые действия, на которые всегда то времени нет, то денег. Правда, в ответ ожидалось немного: ну, благодарность, восхищение и тому подобное, что доставляет столько приятных ощущений. Кроме того... А, вернее, в первую очередь... Но об этом в приличном обществе не говорили прямо, даже на бивуаках в сугубо мужской компании. Наши куртуазные предки, когда дело касалось *нужды телесной*, предпочитали иносказание, вроде «а не сходить ли, господа, в заведение мадам N развлечься?» или «у меня мыло закончилось, где тут маркитантка?». Обойду стороной эту жгучую тему, рискуя вызвать неудовольствие читателя, выросшего в эпоху прав человека на освобождённый от цензуры «литературный секс».

Люди круга и времени ротмистра о женитьбе думали, потому что рано или поздно необходимо было жениться. А почему необходимо? Да потому что все женятся. Этот довод был при всей своей туманности более убедительным, чем ханжеские рассуждения о продолжении рода. Правда, имели место женитьбы по расчёту и по необходимости, но это совершенно иные статьи и о них разговор особый. В основном женились по взаимному влечению, будучи уверенными, что нашли своего единственного (свою единственную), которую (которого), чтобы не потерять, необходимо обвести вокруг аналоя. Не существовало более надёжного колышка для реальной привязи, служащей заменой слабеющих с годами чувств.

С Дарьей Фроловной и Сергеем, Борисовичем произошла самая обыкновенная история. В ней двое действующих лиц. Присмотримся к ним ретроспективно. Восемнадцатилетняя, зрелых форм девушка, обладающая внешностью не броской, но приятной тёплым выражением золотых глаз и какой-то осязаемой на расстоянии физической и нравственной чистотой. И тридцатичетырёхлетний, с мужественным лицом и романтической сединой художник (с офицерской выправкой). Эта пара оказалась в одно время на ограниченной, лишённой конкурентов с той и другой стороны территории при обстоятельствах, благоприятных для возникновения интереса друг к другу. А матримониальные расчёты Флора Спиридоновича, неожиданная ночная суетня, создавшая образ вдохновения для живописца, и почти чувственная его влюблённость в портрет – лишь ускорили сближение ротмистра и дочери прасола. Не будь этого, было бы нечто другое. Логика событий в белёвском доме развивалась для девицы Скорых и заезжего жильца в одном направлении.

Да, обстоятельства благоприятствовали возникновению интереса между Дашей и Сергеем. Но они же лишили их чудесного томления от той минуты, когда сосватанных объявляют женихом и невестой, до первой брачной ночи. Также заменили традиционный свадебный пир собранным на скорую руку ужином. И превратили свадебное путешествие в какое-то сумасшедшее бегство. Медовый месяц прошёл у Даши и Сергея на облучке дормеза от рассвета до заката с небольшим отдыхом в укромном месте в полдень. На ночь молодые сооружали шалаш, если не останавливались на каком-нибудь бедном заезжем дворе, ставя дормез под окном снимаемого покоя.

Вспоминая совместно прожитые годы, супруги в лад выделяли дни изнурительного бега из Белёва в Красноуфимск, как самые лучшие в их жизни. Ни разу муж не слышал упрёков от жены. Конечно, временами ей приходилось не легко. Но ему некогда было присматриваться к ней, прислушиваться к звукам её голоса. Он нёс царскую службу, был бессменным часовым на посту, определённом для ротмистра Александрийского полка императором

Александром. Не столько сама эта служба отнимала силы Сергея, сколько необходимость хранить тайну, представляться частным лицом, профессиональным художником, постоянно искать выходы из сложных положений, даже с женой быть начеку.

Даша наверняка догадывалась о своём участии в грандиозном спектакле. Ведь ей легче было подмечать странности в поведении мужа и Фёдора Кузьмича, несоответствие слов и поступков, чем случайным наблюдателям, от которых и расходились невероятные слухи. Если ротмистр, общавшийся с царём довольно продолжительное время, бывало, начинал вдруг сомневаться, что Фёдор Кузьмич и Александр Павлович одно и то же лицо, то дочь прасола даже и помыслить о таком не могла. Видеть воочию императора ей не приходилось. Однако она чуяла какую-то фальшь. Начни женщина присматриваться, прислушиваться, сопоставлять увиденное и услышанное, может быть ей удалось бы приблизиться к истине. Но Даша посчитала грехом свои неопределённые подозрения превращать в расследование. Муж был ей верен, в делах, касающихся семьи, правдив, а что утаивал – это её не касалось.

Со временем невольный художник позволил себе расслабиться рядом с Дашей. Постоянно быть начеку! Кто такое выдержит? Он вдруг понял: она никогда ни о чём, что поставит его в тупик, не спросит, не вынудит его изворачиваться, лгать. Понимание этого принесло ему огромное облегчение. Он определил то место, откуда в его сторону истекает тепло и свет лёгкими, очищающими душу волнами. Там находилась Даша. Если бы ему предложили ответить одним словом на вопрос, «какая у вас жена, сударь?», ротмистр ответил бы: «Уютная». Одновременно с этим вдруг пришёл страх от мысли, что Даша может умереть раньше его. Страх, окрашенный эгоизмом, ибо он испугался не за неё, а собственного одиночества при такой несправедливости судьбы.

Жена тогда подолгу лечилась у знахарок от бесплодия. Она исхудала, ослабела от снадобий, от дополнительных постов, от пищи, которую готовила по рецептам целительниц. Сергей не выдержал, положил конец самоистязаниям жены: «Угомонись, Дарья! На всё воля Божья». Хотел произнести весомо, а при лужёной борисивановской глотке получилось такое колебание воздуха, что сорвалась полка с посудой в буфете. От испуга, наверное, Дарья вдруг забеременела.

Некоторые женщины стремятся ребёнка завести от одиночества. Изба Скорых снаружи выглядела нежилой. И внутри не часто человеческое слово оживляло покои. Поскрипывали половицы от лёгких шагов хозяйки, исполнявшей свою женскую работу, да переминался с ноги на ногу Сергей Борисович у мольберта, не отвечая на попытки сверчка завести беседу. Художник работал углублённо, разговоры ему мешали. Только Даша и не нуждалась в них. Она и без слов слышала родного человека, знала, когда он хочет чаю или мысленно ищет набитую табаком трубку, или испытывает какое-то недомогание, но никак не может оторваться от полотна. Бывало, проходя мимо крутой лестницы, ведущей из сеней наверх, в мастерскую, окликнет: «У тебя изжога? Сейчас принесу яблоко, потерпи, милый».

Ей становилось грустно, когда муж выезжал со двора, всегда сам, без кучера. Смотрела вслед, пока двуколка с чёрным верхом не скрывалась из глаз. Улыбнувшись какому-то воспоминанию, непроизвольно переходила от прерванной отъездом мужа домашней работы к досмотру вещей Сергея. Вот это летнее пальто надо почистить, эти рубашки – для выезда к заказчикам – непременно отгладить, а платью для домашней носки ремонт требуется. Вот балда! Опять забыла наказать Сергею, чтобы по пути домой докупил в лавке Петрова кофе в зёрнах. Придётся потом самой съездить.

С Фёдором Кузьмичом Даша никогда не заговаривала сама. Лишь отвечала на его вопросы и вежливо, но скупно поддерживала разговор в тех редких случаях, когда старец выбирал её в собеседники. Она робела перед ним, как в тот первый вечер в Белёве. Общение с Архимом вызывали хозяйственные нужды. Старый конюх души не чаял в барыне, видя в ней женщину из простых, не испорченную приобщением через брак к благородному сосло-

вию. К барам наблюдательный, толковый крестьянин относил и старца, не отказывающего дворовому человеку «погутарить» о духовном.

Так может быть, Даша в новой жизни отдыхала от родительского дома, битком набитого домочадцами? В доме на белёвской окраине негде было яблоку упасть. Однако родительское гнездо не было шумным. Большая семья прасола жила размеренной жизнью мещанского сословия по вековому домостроевскому укладу. Распорядок нарушала редко, и только за спиной Фрола Спиридоновича, да не по умыслу, а из-за «веяния свободы» при ослаблении хозяйского контроля. Даша родилась в доме отца, другого *жила* не знала. Белёвский дом был частью Божьего мироздания, и рваться из него значило желать чего-то внебожественного, греховного. Но вот был освящён церковью её переход из-под власти отца во власть (так она представляла) мужчины, ей не безразличного. Он ввёл её в совсем другое жилище, на прежнее не похожее, не то что внутренним устройством отдельных частей и убранством, а своеобразным духом. И на новой территории личного бытия молодая женщина почувствовала в себе полноту счастья, ранее ею не испытанную. Но чего-то не хватало... Ребёнка. Естественнейшая потребность женщины – рожать – годами не удовлетворилась. И вот, наконец! Но радость и горе стали рядом. И второе затенило первую. Надолго.

Даша, как мать, пережила, не сломавшись, личную трагедию. Она нашла простые и убедительные слова, чтобы вернуть Бога в душу мужа. Более того, ей достало сил стать ему опорой во дни кризиса в его отношении к Фёдору Кузьмичу. С бессменным охранителем таинственного старца случилось то, что должно было рано или поздно случиться под воздействием крайней усталости и безвыходного, отупляющего однообразием бытия. В то время известность седобородого, как «святого отшельника», раскаявшегося бродяги, стала распространяться с томской окраины на всю округу.

Глава IX. Кризис

Как-то Скорых приснилась мысль, что годы его давно перешли за экватор жизни и впереди, в оставшейся малости, нет никакой возможности быть освобождённым от долга офицера, оставленного забытым на посту. Эта мысль и разбудила. За окном было черно. Ни звука не проникало в дом с пустых улиц чёрной слободы. Под полом скреблись мыши. Рядом посапывала Даша, уставшая за день от младенца и оставившая его на ночь с нянькой в соседней комнатке, превращённой в детскую. Сергей знал, что уже до утра не заснёт. Тихо встал, накинул шлафрок и поднялся на ощупь в мастерскую. Устроился в кресле, не зажигая огня. Теперь можно было думать до вторых петухов.

Он служил двум могущественнейшим императорам. Вначале Александру, потом Наполеону, вновь Александру. И продолжает (можно принять с большой долей достоверности) служить последнему. Будь он, Сергей Скорых, наёмным камердинером, служба у разных господ не могла бы вызвать особых раздумий, выводящих из душевного равновесия. Но он офицер. И характер его службы связан с присягой верности не только лицу, которому он присягнул, но и делу, общему для повелителя и подчинённого. Таким делом вначале было изгнание французов из Отечества, дело благородное, патриотическое, обязательное, поскольку он русский. Служба Наполеону во время бессрочного отпуска, как частного человека, также составляла общее дело миллионов людей, жаждущих освобождения от Бурбонов и союза двух императоров на пользу России и Франции, против всей европейской своры недругов. Идея ложная, но чистая.

Став в 1825 году доверенным человеком Александра I, ротмистр вновь перешёл на службу родине, хотя не был посвящён в задуманное монархом дело, ибо фигура императора олицетворяет Россию. С 1826 года всё изменилось: Александр Павлович (если он действительно жив) стал частным лицом, «родства не помнящим». Служение ему, *не императору*,

превратилось в исполнение обязанностей лакея. Общим делом хозяина и работника стало сохранение тайны невероятного превращения властелина огромной страны в странника, святого старца. Но ради чего? Ради какой благородной цели? Где здесь интересы Отечества? Не отыскиваются также интересы династии. Как ни напрягай ум, сколько ни думай, к одному выводу ты приходишь, ротмистр Сергей, сын Борисов (или художник Скорых, как угодно): ты служишь капризу августейшей особы. Никакого благородства в этом нет. Никакой пользы стране, народу. Голый каприз!

Это умозаключение освободило Скорых от почти религиозного преклонения перед фигурой, последние годы облачённой в неизменные рубаху и портки из грубого полотна и простонародный армяк, по погоде. Ротмистр изо всех сил старался быть со старцем вежливым. Новая для него манера тщательно подыскивать слова выглядела подражанием воспитанному аристократу, когда тот разговаривает с человеком образованным, но вышедшим из низов. Иногда вырывались грубые слова. Бывало, опекун Фёдора Кузьмича не мог скрыть раздражения.

Как-то за общим обедом в избе Скорых главу семейства понесло. Дескать, его известность, как художника, и приведённые в порядок финансы позволяют снять дом в городе, а они почему-то держатся этой пьяной слободы. Фёдор Кузьмич, по обычаю своему помолчав в раздумье, ответил кротко:

– Воля вольному. Ты свободен, Серёж», – (так старец не обращался к своему опекуну с того дня, когда они переехали на левый берег Волги).

Наступила тягостная пауза. Мужчины опустили глаза в тарелки. Даша, сидевшая на торце стола, внимательно, открыто посмотрела на мужа, перевела взгляд на его визави. Старик, по его словам, был на пятнадцать лет старше художника. Выглядел крепким. Фигуру имел статную. Броскую внешность усиливала сплошная седина окладистой бороды и длинных шелковистых волос, редких над величавым лбом. Сейчас лицо его было напряжённым. Наконец ротмистр нашёлся:

– Я ограничен в свободе действий, любезный Фёдор Кузьмич, пока не услышу пароль.

Старец взглянул на ротмистра с мгновенным ужасом в прозрачных глазах и ещё ниже опустил голову, не ответив на явный вызов.

С недавних пор художник стал небрежно относиться к тайне. То есть, перестал таиться на каждом шагу. Внимательный слушатель мог составить по роняемым им словам, иногда пространным высказываниям довольно цельную картину. А Даша была именно таким невольным слушателем. И стала догадываться, что Фёдор Кузьмич совсем не тот человек, за которого себя выдаёт. Но кто он? В этом вопросе женщина и близко не подошла к раскрытию тайны. Сейчас, за обедом, открылся ей в старце очень несчастный человек. Этого ей было достаточно, чтобы определиться в своём отношении к нему.

Скорых ждал с замиранием сердца: сейчас прозвучит «Корсиканец», и он как бы получит вольную. Но хозяин его судьбы больше не издал ни звука. Он неподвижно сидел, понурившись над тарелкой. В растерянности Сергей встал из-за стола.

– Простите, отец.

И поднялся в мастерскую. Старец не шевелился. Даша вдруг освободилась от робости перед ним. Она впервые за все годы, проведённые вместе, коснулась пальцами морщинистых и жёлтых, женственных кистей рук старого человека, сложенных одна на другой на краю стола перед тарелкой.

– Что вас мучает, батюшка? А? Откройтесь, полегчает.

– Я отцеубийца, доченька, – послышался ответ.

Поднявшись в мастерскую, Дарья застала мужа, сидящим с потухшей трубкой в кресле перед голой, обшитой сосновыми досками стеной. Ни один новый мазок не лёг на холст,

поставленный вчера на мольберт. Дарья примостилась на подлокотнике кресла, пригладила тонкие волосы на голове мужа, которые она никогда не видела в их природном цвете, лишь седыми. Он ответил слабым пожатием бедра сквозь ткань платья.

– Что делать, Даша, как быть?

Жена оказалась готовой на ответ:

– Всё оставить как было, мой друг. Ты единственный близкий человек нашего дедушки из какой-то его другой, прежней жизни. Он нуждается в тебе, именно в тебе. Знаешь, служить тому, кому ты очень нужен, наверное, самая большая удача в жизни. Послужи ещё, до конца. Ты же сам не простишь себе, если уйдёшь. Я тебя знаю.

После этого разговора мрачное настроение последних месяцев уже не возвращалось к Сергею Скорых. Его отношение к старцу изменилось не только внешне. Ротмистр перестал ощущать себя рабом капризного фантазёра. Появилось, правда, некое чувство снисходительности к растерянной душе, но оно не проявлялось ни в словах, ни в действиях опекуна. Оно только позволило чёрному гусару стать мысленно (исключительно мысленно) вровень с бывшем властителем стран и народов. Не имело теперь значение, кто перед ним, Александр Павлович или рождённая воображением его фантомная тень.

И ещё одно важное последствие имела для Сергея беседа с Дашей в мастерской после того обеда: она и младенец-сын заняли главное место во всех помыслах Борисова сына. Царская служба, бывшая доселе смыслом его жизни, отодвинулась на второй план, давая приоритетное место семейному служению. И эта перестановка окончательно навела порядок в душе и голове гусара. Если бы пришлось выбирать, он бы выбрал... всех – сына Федю, жену, старца (и Архипа не забыл бы), но не кого-нибудь из них. Они все нуждались в нём.

Глава X. Дневник племянника

Из томских достопримечательностей ближе всех к усадьбе Скорых находился полуэтап. Пологая крыша приземистого сруба выступала над частоколом. В один из летних дней у полосатой будки при воротах остановился сопровождаемый двумя верховыми крытый экипаж. От колёс до выпуклой крыши, наращенной поклажей, он нёс следы рытвин и ухабов, отечественных луж, подобных морям, и никогда не просыхающей летней грязи. Казаки в высоких шапках соскочили с сёдел.

Распахнулась дверца дорожной кареты, и сначала показался рослый молодец в летнем пальто с пелериной. У него было крупное лицо, обрамлённое сросшимися под подбородком рыжими бакенбардами. Разминаясь, присел на корточки, выпрямился и, подав руку, помог сойти на землю даме в шляпке, повязанной красным платком, в дорожном платье. Молодой человек и его миниатюрная спутница лет сорока прошли к воротам и после небольшой заминки были пропущены стражей во двор пересылочной тюрьмы. Пробыли там недолго. Когда вышли, дама задержалась возле будочника. Тот указал в сторону фабричной трубы. Приметная пара забралась в экипаж и покатила, сопровождаемая верховыми, в указанном направлении. Проехав фабричку, возница осадил лошадей у ворот в глухом, высоком заборе.

Навстречу путникам, пропущенным через калитку, спускался с крыльца художник, судя по робе в пятнах краски.

– *Прошу пана*, – заговорила дама на русско-польском, – мы с сыном *просимы* пустить нас на *ноць*. *Людзи казали*, у вас чисто. *О, пенёндзы есць!* Мы *бардзо* кушай, да кусшать *хцем*.

Пока звучала эта фраза, художник успел учтиво поклониться и сообразить, что от него хотят.

– Весьма польщён доверием, сударыня. Места для вас найдутся. Помыться можете в баньке, сегодня как раз жена истопила. После пожалуйста к столу, – и спохватился. – Прошу прощения сударыня, Скорых, Сергей Борисович, к вашим услугам.

– *Бардзо рада, Христина Корчевська.*

– Збигнев *Корчевський*, – представился царский преступник из-за спины матери, возвышаясь при этом над ней на добрые десять вершков.

Тут только ротмистр его рассмотрел и поразился сходством поляка со старшими братьями, Андреем и Игнатием. Бывает же такое!

За обедом разговор крутился вокруг дорожных впечатлений варшавских пилигримов и русской банной традиции. Поляки от баньки остались в восторге, ибо последний раз ванну, то есть бочку с водой, принимали в Екатеринбурге. В пути плескались при переправах через реки. Хозяева поинтересовались, куда следуют путники. Те назвали Иркутск, не вдаваясь в подробности, кто они, какова цель путешествия. А Скорых, приучённые жизнью лишнего не говорить, любопытство своё допросами не утоляли. Фёдор Кузьмич отобедал у себя, как всегда, когда в усадьбе были чужие, если они не приходили лично к нему. Пану Збигневу постелили в мастерской, пани Христине предоставили гостиную, отделённую от детской супружеской спальней. Казаки переночевали во владениях Архипа, на сеновале. Утром, чуть свет, гости, изливаясь в благодарностях *пане Дарьяне*, укатили. Даша потом вспоминала, будто слышала, как Архип предупреждал кучера-поляка и казаков смотреть в оба на глухих перегонах, ибо случается, налетают из степей *кыргызы* и уводят пленников на рынки Бухары.

Сергей Борисович гостей не провожал. Проснулся он поздно с головной болью от вчерашнего «бордо», долго мылся у колодца. В мастерскую поднялся только к полудню. Смотрит, на полу у дивана, на котором молодой поляк провёл ночь, лежит толстая тетрадь в переплёте красной кожи. Раскрыл на первой странице – красивым почерком, крупно, выведено чернилами DZIENNIK. Звучит как «дневник». И дальше больше половины тетради исписаны польскими, видимо, словами. Буквы мелкие, почерк красивый, строчка ровная. Но вот чернильные записи прерываются. Их сменяет серый грифель, буквы начинают прыгать вверх-вниз, налазить одна на другую. И теперь становится понятен смысл написанного: автор дневника, сменив перо на карандаш, перешёл на русский язык. При этом открытии Скорых захлопнул было тетрадь. Но решил, что деликатность здесь неуместна. Необходимо было определить, насколько важны эти записи для автора, насколько они ему ценны. И тогда выбирать, посылать ли верхового с тетрадью вдогонку за молодым ротозеем или ждать от него письма с адресом и просьбой доверить забытую вещь сибирской почте.

С первых карандашных строк Збигнев, рассуждая сам с собой, открыл причину перехода на русский язык, которым он владел значительно хуже, чем родным, польским. Она оказалась прозаичной: необходимо в совершенстве овладеть речью людей, среди которых придётся провести десять лет. *Матка Кишья* в этой науке плохая учительница. Жаль, что отмахивался от отца, когда тот, пытаясь сделать сына двуязычным, развлекал его русскими народными сказками.

Листая дневник, местами вчитываясь в него, ротмистр стал прозревать. Хм, занятно! Пан Корчевский и русские сказки! А кто это Борисов? Похоже, русский подпоручик Игнатий и магнат Игнацы – одно и то же лицо. Вспомнилась встреча с сестрой Антониной, её рассказ о денежной посылке из Польши. Теперь эти проезжие поляки. Нет, не случайно Збигнев похож лицом на Игнатия. И фигурой. Откуда взялась фамилия Корчевский? Несколько раз ротмистр повторил её вслух, пока не уловил «кор». Вспомнил новую фамилию Андрея – Корнин, с тем же «кор». Интересно, а как младший из братьев? Вовлечён ли Пётр, если жив, в эту мистическую игру, начало которой положила маркитантка, а развил он, Сергей, по какому-то дьявольскому вдохновению в винном погребке носатого Эшмо в Сиверском городке? Сергей крикнул вниз, чтобы его не отвлекали и захлопнул дверь мастерской. Не прошло и часа, как буквально скатился вниз в сильном возбуждении:

– Мой племянник! Понимаешь, Дарья, сын Игнатия! Ночевал у нас, с матерью. Я за ними. Ещё смогу нагнать.

Скаковая лошадь нашлась у жандарма пересыльной тюрьмы. Нетерпеливый всадник дал шенкеля, и начался жестокий гон по большаку на восток. Встречные подтверждали: да, там-то и там-то видели необычный для здешних мест экипаж, о двуконь, с казацким сопровождением. В долине речки Ия вылетела из-за поворота почтовая тройка, ямщик сам не свой, запричитал, что в нескольких верстах по тракту *кыргызы* карету пограбили, барыню и казаков поубивали.

– Гони за подмогой! – крикнул ротмистр и пришпорил уставшую лошадь.

Место трагедии увидел у брода через Ию. Истерзанная карета, съехавшая с дороги, уткнулась в кусты. Кони пропали. Трупы казаков без оружия лежали ничком в окровавленной траве. В карете, за распахнутой дверцей, ротмистр обнаружил бездыханное тело пани Христины. Короткая стрела глубоко вошла под левую грудь. В складках юбки правая рука сжимала дорожный многоствольный пистолет (видимо, грабители его не заметили в попытках). Под колёсами экипажа слабо стонал кучер. Ни Збигнева, ни его трупы нигде не было видно на открытой местности у реки.

Скорых занялся раненым, посечённым саблей. К счастью для поляка, раны были не глубокие, артерии не задеты. Из лекарства у красного гусара нашёлся только коньяк во фляге. На перевязочный материал пошла нижняя юбка мёртвой женщины. К вечеру прискакали жандармы.

Похоронив убитых, и казаков, и католичку, на православном погосте в Томске, Сергей Скорых просил жену приложить все силы, чтобы кучер выжил. Надежды мужа Даша оправдала. Вскоре *пан Юзек* (у них там все паны, что ли?) поведал своим спасителям и жандармскому офицеру на допросе, что выскочившая на них невесть откуда орда в меховых шапках, с колчанами и луками за спиной в один миг справилась с охраной. Он, *пан Юзек*, пока был в сознании, слышал из-под колёс экипажа, как *пани* отстреливалась из двух пистолетов. Видел *паныча*, которого волокли на аркане в сторону.

Если Збигнев Корчевский остался в живых, рано или поздно из какой-нибудь стоянки племенного хана одного из *жузов* запросят за «русского» выкуп. На этой оптимистической ноте закончил письмо Сергей, сын Борисов, Игнатию, сыну Борисову. Описал приезд неожиданных гостей, разбойное нападение степняков на карету, гибель пани Христины. Сообщил, как сразу заметил сходство между молодым Корчевским и старшими братьями и как невольно открылся ему в Збигневе племянник в забытом дневнике.

Письмо к брату и дневник племянника томский художник вручил пану Юзеку. Выхлопотав для него документы в городской управе, снабдил деньгами и отправил почтовыми в Польшу.

Ответ из *маетка* Корчевских не заставил себя ждать. Некто пан Адам, управляющий именем, сообщал, что пан Игнацы Корчевский скончался от удара по получении письма из Томска, что денег на выкуп пана Збигнева найти будет трудно, «честно сказать, невозможно». Доходы от оставшихся земель и прочей недвижимости сведены к нулю. *Dziennik*, присланный ясновельможным паном Скорых, будет ждать в надёжном месте возвращения из плена пана Збигнева, дай, *пан Бог*, ему удачи.

Что было делать? Бросить всё и ехать в Польшу, самому кланчить деньги у родственников Корчевских на выкуп племянника Сергей Борисович не мог. Он связан по рукам и ногам присягой и честью русского офицера. Да и к кому ехать? Брат мёртв. Оставалось ждать вестей из степи.

Глава XI. Жизнь в Раю

В сороковые годы, когда правил Россией и задавал тон европейской политике Николай I, донашивавший вялые лавры *благословенного* брата, не было в стране человека более счастливого, чем Андрей Корнин. Он не ставил себе в заслугу достигнутое, хотя не сидел у разбитого корыта в ожидании чуда, деятельно шёл навстречу удаче. Но вызывало удивление, замешанное на страхе вдруг всё потерять, насколько часто эта самая удача оказывалась в его руках, будто выпадала из воздуха. Было в таком везении нечто мистическое. Оно нет-нет да и вносило тревогу в безмятежное бытие богатого теперь помещика. Православную душу смущали воспоминания о вещунье в соблазнительном обличье дьяволицы, о языческом действе с серебряным блюдцем. С них и началась греховная связь нищего армейского офицера с Судьбой. Было побуждение сделать вклад в церковь этим куском драгоценного металла, но похвальное намерение обратилось в противоположное. Тайком от домашних, Андрей Борисович заказал в Уфе подобие раки из красного дерева. В ней спрятал под замок языческую реликвию, помеченную буквой «А».

Теперь приуральский помещик имел почти всё, о чем он мог мечтать в бытность свою полевым артиллеристом. Только вряд ли мечты поручика, живущего на скудное жалование, возносились выше штабс-капитанских погон и соответствующего им оклада. А когда то и другое буквально свалилось сверху, с поднебесного холма, облюбованного императором на виду Парижа, «Высочайше Отмеченный», можно полагать, увидел в грёзах свою особу полным капитаном. И Провидение, в понятии русского *служивого*, руководствуется *Табелью о рангах*.

Когда владельцу вотчины на правом берегу Аши-реки перевалило за пятьдесят, крупная фигура его, склонная к полноте, приобрела статность. Способствовала тому физическая работа в поле и на хозяйственном дворе. Корнин не упускал случая принять в ней участие. Седло на рысаке он предпочитал сиденьям экипажей. Ездить приходилось много. Ибо владения были обширны, а дороги дикого края долги, спешишь ли в уездный центр или к соседям по делам. Рождённый однодворцем, Андрей Борисович знал крестьянский труд с малолетства. Не отвратился от пахоты и косьбы на иных полях, засеваемых труппами, свинцом и чугуном. Испытанная им радость при виде сева яровых на подъезде к Ивановке после долгого отсутствия перетекла в праздничное ощущение благодати, когда на следующий день он присоединился к своим людям на родительском наделе. И сейчас нередко, завидев мужика, бредущего за сохой, соскакивал с лошади и, с обязательным «Бог помогай», занимал его место на жирной борозде башкирского чернозёма. И на току можно было его найти, и на мельнице, что на ручье, запруженном навозной плотиной. Мучная пыль, летящая от жерновов, приводила его в возбуждение, словно когда-то пороховая. Любил смотреть, как девки и бабы полют яровые хлеба – выдёргивают сорную траву, будто кланяясь овсам и пшенице. Но сильнее всего соблазнял его сенокос.

В щедрой луговой пойме уральской реки, где пахучее, в цветах, разнотравье стоит степной, по грудь, эта самая радостная из всех крестьянских работ. Со стороны косьба выглядит лёгкой. На самом деле – работа тяжкая, до изнурения. Тем не менее сенокос стал украшением трудовой жизни патриархального сообщества господ и крепостных. Что говорить, *барство дикое* имело место на Святой Руси, но преобладала в деревне гармония отношений между барам и зависимыми от них землепашцами, так удивлявшая каких-нибудь «немцев» крутым замесом светлой и чёрной красок. Не мёд, но и не дёготь. И то и другое в пропорциях, естественных для русского сознания.

Накануне Петрова дня, в сухую пору, на утренней заре, борисовские крестьяне выстраивались цепью перед стеной трав. Среди них занимал место косаря «наш барин», встречаемый дружным «благодарствуйте, батюшка» в ответ на его ласковое приветствие. Взлетали косы – словно молния проскакивала вдоль человеческой цепи, порождая первый звенящий шорох. Этот блеск отражённого солнца, эти звуки от соприкосновения отточенного металла с упругой от сока травой нельзя представить умозрительно. Надо воочию увидеть и услышать собственными ушами. Ж-жик, ж-жик, ж-жик! – ложится полосами трава и луговые цветы, издавая душистый запах, отличный от запаха стоящих на корню трав, более сильный и более пёстрый от ароматических оттенков.

Углубляясь в зелёную гущу нетронутой травы, косцы, одетые в чистые холщовые рубахи, оставляли за тёмными от пота спинами богатый очумелыми насекомыми стол для лесных птиц, слетавшихся на дармовое угощение. Никто не командовал движениями косцов. Это был «оркестр», слаженный долгой, длиной в жизнь, работой. Пройдя ряд, все враз останавливались точить косы. На Нижегородчине точилом служил кварцевый песок, налипаваемый слоями на глиняный стержень. Здесь, в предгорье, достаточно было прекрасного кварцевого песчаника. Поэтому мужики чаще обычного точили всё, что точке подлежало, что под руку попадалось. Притом, появлялся повод *точить ляды*, ведь одновременно размахивать косами и ворочать языком не получалось, дыхания не хватало.

В жгучий полдень косцы находили тень под телегами и в густой мешанине кустов и водолюбивых деревьев, перевитой хмелем. Перекусывали подсоленным ржаным хлебом, запивая прохладной, из ледников, простоквашей, принесённой жёнами и дочками. Ещё вкуснее казалась ключевая вода для тех, кто в силах был сбегать вверх к родникам. Ужинали после заката при свете костров, поедая из общего котла кашу из полбы деревянными ложками.

В семье Бориса, Иванова сына, охотой не увлекались. Негде было гоняться за зайцами, а птица пролетала над Ивановкой так быстро, что, догони её заряд дробы, она упала бы на территории соседа. К тому же ружейные заряды обходились в копейку. А на четверых недорослей была в наличии одна пара зимних сапог. Став владельцем доходной вотчины, сын Борисов в руки ружья не брал, не привычно было. И душа, видно, не желала лишать жизни русака или болотную курочку. Немало дичи покрупнее, двуногой, настрелял огненного боя мастер на пространстве между Москвой и Парижем. Не привлекли его внимание и ягоды. Таскать в дом бураками и вёдрами землянику, малину, ежевику, даже полюбившуюся ему полевою клубнику отставной штабс-капитан предоставил дворовым женщинам, да дочкам и охочей до этого дела супруге. Сыновья к собирательству были равнодушны. А вот грибная охота и в гораздо большей степени ловля рыбы вызывали счастливую улыбку на широком, крепком лице природного хозяина и хранителя земли.

Во времена легендарные одной из причин выхода рек из берегов наши деды называли большой приплод в иные годы у водоплавающих тварей. Крестьяне бросали все дела и устремлялись к берегам кто с чем, только не с удочками. Засмеют. Тащили неводы, бредни, какие-то загадочные *вятели и недотки*, перегораживали ими реки. Слава Богу, динамита ещё не придумали. Особый охотничий азарт испытывали ребяташки и бабы, устанавливая ловушки из связанных юбок и решет, полос холста. Нетерпеливые выхватывали рыбу из воды прямо руками, ибо добычи некуда было деваться от тесноты. Забьётся сообразительный налим под корягу, в норку к перепуганному раку – и там жадные человеческие пальцы достанут. Заодно и рака прихватят: не к хлёбову придётся, так сгодится для наживки на крючок.

Корнин относился снисходительно к такому истреблению живого сверх потребности в пище, понимая охотничий азарт. Но сам в безумной бойне не участвовал. Он предпочитал

выследить и отловить на удочку *своего* особого языка, *свою* плотицу, *своих* щук и жерехов, окуней, линей. Даже пескари и лошки у него были *свои*, узнаваемые в «лицо». Он представлял их в своём воображении заранее, насаживая на крючки разных размеров шарики из хлебного мякиша, червячков, нарезку из раковой шейки. И удочек у него был целый арсенал – в особом шкафу. Отдельный выдвижной ящичек Корнин приспособил под грузила и поплавки разного цвета, замысловатой конфигурации. А лесу изготовлял собственноручно из волос лошадиных хвостов. Прикрепив к ним крючки и грузила, поплавки, наматывал снасти на специальные катушки. Их изготовляли по его заказу в столярной мастерской. Выходя или выезжая на рыбалку со слугой или с детьми, укладывал до дюжины катушек в особую сумку на плечевом ремне. Не та, так другая пригодится. Жена Александра страсти мужа к ужению не разделяла.

Легко представить, начитавшись русской классики и хотя бы немного поудив наяву, что чувствовал в часы ужения хозяин верховья Аши-реки. Кто останется равнодушным, увидев на только что безмятежной глади воды вдруг резко нырнувший поплавок и последующее его дрожание, с погружением и выныриванием в концентрических кругах мелких волн!? Наверное, нам передан восторг далёких предков, жизнь которых нередко зависела от одной-единственной рыбёшки, способной восстановить силы для дальнейшей добычи пищи. Вот гнётся удилице от невидимой ещё силы, тянущей крючок; и вот, наконец, трепещет над поверхностью воды *твоя* рыба!

Подобное же, не в столь острой форме, переживал Корнин, выискивая опять-таки *свой* груздь. Он не испытывал *просто хотения* сходить по грибы. Он ждал сигнала, если лето было особенно жаркое, наполненное электричеством в лиловых облаках на горизонте. Вдруг обрушивался ливень под молнии и гром, будто катил Илья-пророк по уральским хребтам пустые железные бочки, высекая огонь. Потом непродолжительное затишье, когда зарождаются и почти сразу созревают грибы. Если знаешь потаённое место, запасись лукошком, иди на сырой, острый запах и *ломай* хрупкие грузди. Их гнёзда скрывают папоротники и прошлогодние листья. Подобно тому, как Андрей Борисович обязательно съедал или отдавал на чей-нибудь стол пойманную им рыбу, грибы из его лукошка попадали в сметану, в кипяток или в рассол. Никогда не выбрасывались, не сгнивали, забытые под крыльцом. Хозяин башкирской вотчины обладал здоровым инстинктом охотника.

Главной заботой Корнина оставалась пашенная земля. Также требовали хозяйского внимания пчельник и скотный двор, конюшня и каретник, хлебные амбары, сад, в котором царствовали любимые всеми Корниными яблоки разных сортов. Ещё теплицы, где выращивались наряду с зимними овощами, экзотические фрукты вроде лимонов и апельсинов, виноград. Всего сразу не упомнишь, планируя с вечера новый день. Выручали ноги. При ежедневном обходе хозяйства, они сами вели нахоженными путями от строения к строению, от одного плетня к другому. На месте вспоминалось, что за этими стенами, что за тем забором.

Был ещё один особый объект. Он находился под надзором Степана Михайловича, пользующегося полным доверием владельцев Борисовки. Но всё-таки Корнин не мог не уделять ему внимания. Что на прииске происходит? Какой доход он приносит? Тем более что доходом интересовалась губернская администрация. Время от времени из Уфы навевался неподкупный (читалось по глазам) чиновник: «Ну-с, господин Ротшильд, чем порадуете казну? Где тут у вас прииск?». Каждый страж государственной казны подозревал в налогоплательщике потенциального казнокрада. Подать в пользу казны с каждого добытого пуда драгоценного металла была не мала. Где гарантия, что золотопромышленник Корнин, владелец прииска, не утаивает самородки из той заветной железной кружки с крышкой, на замке, куда сыпается промытый осадок жёлтого цвета?

Корнин приглашал остроглазого, с лисьим нюхом, гостя в крыло дома, занимаемое Золоторёвыми. Если рудознатец оказывался на месте, оставлял у него контролёра. Не всякий появлялся на прииске открыто. Бывало, специальный чиновник прибывал с тайной миссией – схватить за руку золотопромышленника и отдельных старателей, утаивающих золото в складках одежды. Только Золоторёв редко оказывался дома. Таня махала рукой в сторону увалов: «Степан Михайлович там».

«Там» значило на вскрытой шурфами россыпи. После смерти Хрунова своякам легко было придерживаться договоренности на условиях Золтарёва. Добычу золотого песка вели в малом объёме на одном из золотоносных участков, выявленных в первый год. Рудознатец не сомневался нисколько, что все пятьдесят тысяч хруновских десятин – сплошная золотоносная полоса с рассыпным и жильным металлом. О своей догадке пока помалкивал, ничего определённого Корнину не говорил. Свояки вскрыли наиболее богатую россыпь, распустив слух, что «жёлтый дьявол» только и затаился здесь, в северо-восточном углу вотчины. Будь среди пришлых крестьян хоть мало-мальски сведущие в золотоискательстве, как почти все уральские жители, они обнаружили бы в конце концов, что у них под ногами. Но Борисовка погудорила взволнованными голосами и затихла. Золотарёв же вновь сколотил малую бригаду из проверенных старателей, привязал их к шахте, пробитой на месте поисковых шурфов, хорошим окладом. Тут же возвели им общую усадьбу на несколько семей, своего рода слободу. И под угрозой увольнения запретили общаться с борисовскими. Самоуправление включало старосту, из старателей, мужика с характером, Степану Михайловичу преданного. Да и Золотарёв здесь дневал и ночевал. Он оставался в одном лице управляющим прииска, горным инженером, штейгером и выполнял обязанности «объездного» с кружкой. Картина неминуемого разрушения, словесно нарисованная им много лет назад Хрунову и Корнину, не только не тускнела в памяти последнего, но расцветивалась багровыми красками беды по мере того, как он привязывался к этому похожему на рай уголку пашенной земли. Пока жив, никакого расширения добычи!

В большом доме всеми распоряжалась жена. «Парижский период» в её жизни скоро закончился. Она увлеклась «детьми природы», чьи островерхие, покрытые белым войлоком кибитки появлялись на границе корнинских владений то здесь, то там. В сезон дойки кобыл Александра с дочерьми и сыновьями выезжала на кумыс конным караваном, с няньками и гувернёрами, с эскортом любимчиков из дворовых. Питьё это вызывало у экс-штабс-капитана, привычного к недорогим французским винам и отечественным наливкам, изжогу. Он неохотно сопровождал семью в ритуальных поездках, находил какой-нибудь предлог возвратиться домой после вежливой дегустации национального напитка аборигенов.

Александра после Бориса рожала ещё семь раз, но из всех детей выжило пятеро: два сына и три дочери. Уральские брат и сёстры держались вместе, были друг к другу благожелательны, а вот нижегородец в их содружество не вписывался. Нет, младшие его не отвергали. Наоборот, пытались вовлечь его в свои игры и занятия, но старший с ленивым равнодушием избегал тесного общения. Как бы держал дистанцию. Родителей такая позиция быстро взрослевшего Бориса настораживала. Однако они не могли ничего поделать. Неожиданно для них оказалось, что первенец уже юноша. Он увлёкся прогулками по горам с дядей Степаном. Стал навещать на прииск, завёл знакомство со старателями. Андрей приревновал. Для него главным объектом хозяйского внимания была пахотная земля. К ней вначале надо бы присматриваться наследнику. На прозрачный намёк отца недоросль ответил, мол, овсы его не интересуют, он не лошадь. Андрей Борисович встал как вкопанный. Он будто впервые видел сына. Боренька, оказывается, догоняет его в росте. Тонкой костью пошёл в мать. И лицо у него от Хруновых – вытянутое, с высокими дужками бровей. В глазах таится насмешка. Борис явно высокого мнения о себе, отца же считает деревенщиной.

Пока глава семейства обдумывал, как наставить юного наглеца на путь истинный, того зачислили в Александровский лицей. Андрей Борисович заподозрил руку супруги, мечтавшей вслух видеть сына среди знаменитостей страны. По её мнению, верный путь в высшие сферы пролегал через знаменитый лицей. Как это удалось помещице из уфимской глубинки повернуть такое дело, осталось для её мужа загадкой. Правда, у неё были свои деньги, но не всё же деньги решают.

Пришёл срок везти Бориса Корнина в Царское Село. Мать и повезла. Там со временем открылось пристрастие Корнина Младшего к естественными науками. Не закончив курс обучения в элитном заведении, сын написал «батюшке и матушке», что переводится на учёбу к немцам. *О времена, о нравы!* Он не умолял родителей разрешить ему перевод из одного учебного заведения в другое, а именно сообщал о своём решении. При этом просил (с дурацкой припиской «нижайше») выправить ему заграничный паспорт и выслать, дополнительно к обычному содержанию, денег – на переезд, на обустройство и на обновление гардероба. «Он, наверное, думает, что мы на золоте сидим», – пробурчал Андрей Борисович.

Глава XII. Опальный государь

Миновало три лета. Холодная осень 1837 года наступила на Адриатике рано. В октябре в горах местами выпал снег. Для одних 36 месяцев – это чуть больше тысячи дней, каждый из которых мимолётен. Для других – эпоха, той или иной продолжительности.

В резиденции правителя Черногории мелькали озабоченные лица. Господарь Пётр, уже архиепископ, был хмур и молчалив. Улучив время он уединился с Каракоричем-Русом в библиотеке, бывшей также залом для деловых приёмов. Здесь у глухих стен, стояли впритык застеклённые книжные шкафы. В простенках между окнами висели живописные картины, гравюры и портреты. С одного из них надменно смотрел глазами навыкат император Николай. На другом втянул голову в плечи усталый от побед Наполеон. Георгий Чёрный, любимый Негошем сербский герой, с вислым носом, пугал немыслимыми усищами входящих в это помещение. Середину помещения занимал круглый стол с дюжиной венских стульев, в дальнем от двери углу нашлось место для небольшого биллиарда.

Церемонии между своими здесь не были приняты. Дмитрий примостился на низком подоконнике. В раскрытое настежь окно туго и бодряще шёл прохладный воздух со стороны Адриатики. Покусывая кончик уса, трогая время от времени бородку пальцами, владыка в задумчивости прохаживался вдоль книжных шкафов. Коленки длинных ног волновали ткань просторной зимней рясы, которую он надевал среди близких при обыденной работе. Наконец произнёс:

- Пора сделать решительный шаг.
- Надо ехать, – согласился секретарь.

Дмитрий Каракорич-Рус теперь ни с кем не делил секретарские обязанности. Одним памятным днём, по возвращении из России, Сима Милутинович покинул и двор господаря и Черногорию. Поступок необъяснимый, во мнении окружающих. По всей вероятности, причина в следующем. Среди пишущего люда есть неизлечимая болезнь – изъедающая душу ревность успешного поэта к ещё более успешному, находящемуся рядом. Взойдя на пятом десятке лет на пик сербской литературы, мэтр Симеон вдруг обнаружил прямо перед собой давнего знакомого, который, будучи ещё отроком, подавал надежду, как одарённый, небольшого, подражательного голоса певец родной страны – знатный сотоварищ бродячих гусяров. И вдруг в ушах мэтра раздался мощный, но не оглушающий, а невольно чарующий голос самобытного барда чёрных гор и их героев. Бывший учитель был ошеломлён и растерян. Он будто увидел себя со стороны – маленького, ну, совсем крохотного рядом с этой вдруг ставшей гигантской фигурой недавнего своего ученика, в том числе в поэзии. Ещё шаг,

и он, Милутинович, будет раздавлен, превратиться в пыль, в ничто. Надо немедленно отойти в сторону! И сникший, терзаясь любовью к своему мальчику Раде и завистью к его дару, сербский историк и эпический поэт незаметно, без прощальных речей, удалился в Белград.

– Да, надо ехать, – повторил Негош фразу своего секретаря. – Составь и вышли сегодня в Петербург просьбу о высочайшей аудиенции. Пока доберёмся до Вены, ответ, надеюсь, будет в посольстве. Консула Гагича запрашивать не будем – лишнее препятствие, от ответа уйдёт. *Дубровник на страна!*

Любопытно, что понудило правителя Црной Горы бросить все дела по превращению патриархальной страны в современное государство и накануне зимы, без согласования с ведомством вице-канцлера Нессельроде, решиться на авантюрную затею добраться, расталкивая «толпящихся у трона», до императора мировой державы? К нашей удаче, ответ на этот вопрос у вездесущей Клио нашёлся.

Вскоре по возвращении господаря из России осенью тридцать третьего года для него и верного его окружения, значит, и для большинства народа, начались неприятности. Конечно, «приятности» черногорцев никогда не баловали, но неожиданно чёрные полосы слились в одну, беспросветную.

Недоброжелатели у Негоша были всегда, а тут словно невидимый дирижёр взмахнул палочкой, и сплетни усилились; стали множиться недобрые оценки деятельности правителя, лишь недавно вступившего в третье десятилетие своей жизни. Господарь точно попал в мёртвую зыбь. Не поймёшь, с какой стороны накатываются волны. Злой шёпот ранит сильнее турецкой картечи. Владыку укоряют в строительстве светской резиденции (мало монаху кельи!). Государственные дела вершит спустя рукава. Понятно, не до них – стишки отвлекают, тайком пишет, закрывшись в кабинете на ключ.

Пусть бы сплетни да злые оценки крутились вокруг Боботов-Кука. Но вдруг могущественные страны Европы, ранее едва замечавшие Монтенегро, прониклись жалостью к бедному народу, которому так не повезло с правителем. Пора навести порядок в этом балканском углу. Видимо, непорядком посчитали не ежегодные набеги подданных султана на незащищенные селения у границ Черногории, а решительную, не согласованную с Веной отмену гувернадурства – этой занозы, финансируемой из-за рубежа для ослабления центральной власти. Последнему гувернадуру запретили въезжать в страну, его дела перешли в ведения Сената.

Англия, у которой всюду на планете отыскивались интересы, была готова поднять паруса. Австрийские стратеги интересовались состоянием путей сообщения в глубинке Балканского полуострова. Турция ведала о состоянии дорог, вернее, помнила, что дорог, как таковых, в «краю разбойников» нет; их заменяют тропы, только боялась встретить на них черногорцев. Вот в этом турки отстали от жизни. Кубышка с «долгом императора Александра» позволила архиепископу начать прокладку настоящих дорог – по главным направлениям, в том числе в сторону недоступного пока моря – пригодятся... Правда, и это вызвала ворчание: дороги могут подождать, есть дела поважнее.

Слухи ещё тем страшны, что произрастают ядовитыми плодами на реальной почве повседневной жизни, где всего хватает: верных решений и ошибок, успехов и неудач, конфликтов, разных устремлений отдельных людей, социальных групп, кланов, внутренних противоречий каждой Божьей души.

Недругам Петра II ничего придумывать не приходится. Действительно, государь-архиепископ пытается придать больше светскости высшей власти в стране. Поэзию он считает не личным делом творца, а достоянием нации, средством её просвещения. На типографской машине, доставленной из России, начали печатать правительственные акты и учебники. Ими

бы заткнуть недружественные рты, да притчей во языцех стал выпуск двух поэтических сборников Петра Негоша. На доработку произведений правитель позволил себе несколько недель отпуска, оставив у руля главы государства надёжных соратников, в их числе «верного службу», будущего сенатора Церовича и Каракорича-Руса, проявившего способности управляющего делами. Злые языки обошли молчанием неудобный для себя факт, что набирающий известность певец Црной Горы отложил печатанье своей поэмы-песни «Голос каменных гор», чтобы осуществить выпуск альманаха «Горлица», основанного для выявления дарований. *«Черногория должна быть прекрасна не только воинами, но и писателями, художниками, учёными»*, – объяснил поэт-архиепископ своё решение секретарю. Известно, он послал реформатору сербского языка Вуку Караджичу денег из личных сбережений – на издание пословиц и народных эпических произведений. На свои хлеба пригласил его в Цетинье, соблазняя фольклором *Црной Горы*.

Да, строится новая резиденция. Ибо строится новая Черногория. И внешнее её оформление должно соответствовать будущему светскому государству. Столицы, как таковой, в стране селений нет. Есть Цетиньский монастырь и посад вокруг него. Национальному книгохранилищу, зачатоу в 1549 году, уже тесно в монастыре. Только при Петре II оно пополнилось «Петербургской библиотекой» и личным собранием архиепископа на девяти языках. Книги всё прибывают. Просят место экспонаты основанного господарем этнографического музея. Негде принимать послов. Назревает нужда в помещении для заседаний нового законодательного органа – Сената. И Гвардия (задуманный Петром исполнительный орган) требует приюта, знает опытный к своим двадцати трём годам администратор. Не по кельям же рассаживать молодых, энергичных, бойких «гвардейцев», многие из которых вышли из числа «потешных» при наследнике Радивое. Далее, где Высший суд разместить? Где учить детей и молодёжь? Где размещать преступников, если решительно запретить кровную месть, если сделать подсудными самовольную расправу с ворами, насильниками и мошенниками, побивание неверных жён камнями? Начинания Петра II быстро истощили ту заветную кубышку. Пришлось, впервые за всю историю Черногории, ввести налог на домовладение. Странно, обошлось без бунта, но воплей было много.

Наибольшие нарекания противников новшеств на «бездействие», по их словам, правительства при постоянной угрозе голода в стране. Неурожай тридцать шестого года грозит катастрофой. В селениях устраиваются государственные зерновые склады и магазины, но их нечем заполнять. Слабые духом ждут, что правитель примет хлеб от турок в обмен на покорность. Соратники и верные старейшины советуют просить царя о разрешении на массовое переселение малоземельных жителей Црной Горы в Новороссию. Негош непреклонен: *«А кто останется защищать страну и могилы?»*. Представителю визиря ответил: *«Переговоры о взаимоотношениях двух стран будем вести с султаном только после признания им полной независимости Черногории»*.

Указом владыки враждующие между собой домашние драчуны отправляются вымещать свой пыл на беспокойные границы. Смертная казнь за вендетту пока что на черновой бумаге, однако весть уже полетела над горами: воля архиепископа – *черногорец имеет право умирать только за Родину*.

На всё нужны деньги. А тут и тысяча годовых червонцев из Петербурга перестаёт поступать в государственную казну. Интимные письма Николая I «брату Петру» стали приходиться всё реже. От любезных слов стала ощущаться холодность, будто писались они осколками льда. А с лета 1836 года из Зимнего дворца в сторону Цетиньского монастыря не донеслось ни звука. Негоша охватило тревожное недоумение. Он не мог понять причину царского недовольствия. Страдало не только самолюбие правителя маленькой страны. Господарь страшился потерять поддержку царя. Без неё горстке отважных стражников *Црной горы*

не пробиться к морю через австрийские заслоны, не изгнать турок из плодородных долин страны.

В начале ноября поезд Владыки двинулся из Цетинье на север. Блюсти ахиепископское место, хранить мир в стране и стеречь границы остались верные иереи, воеводы и сельские старосты. Для секретарской работы в Цетинье нашёлся толковый канцелярист – Медакович, тёзка Дмитрия Каракорича-Руса, из-за чего историки XX века будут путать с одним с другим.

Преодолев горные дороги, дали отдых лошадям в Белграде. За Дунаем покатали равниной к Будапешту. Оттуда рукой было подать до Вены.

В столице империи Габсбургов русский посол вручил Петру Негошу письменное согласие царя на аудиенцию в Санкт-Петербурге, но заставил томиться в ожидании визы. Задерживал её под всякими предложениями. От высокого просителя не прятался, но прятал глаза. В Хофбурге строптивых Негошей не жаловали. Православный архиепископ и сам объезжал стороной дворец кесарей в разъездах по чудесному городу. Сопровождал его всегда Каракорич-Рус, которого новоиспеченная горская знать ревниво называла «личным другом» правителя.

Начался февраль нового 1837 года. Однажды архиепископ отправился с «дежурным визитом» (как он сам с горькой иронией говорил) в российское посольство без секретаря. Дмитрий остался в отеле приводить в порядок бумаги и счета, отобранные для предоставления царским очам. Вдруг император пожелает взглянуть, на что тратят черногорцы его денежки.

Пётр II возвратился неожиданно быстро. Лицо его было искажено болью. «Неужели разрыв с Россией?» – мелькнуло в уме у секретаря. Негош бессильно опустил в кресло. С трудом вымолвил:

– Они... Пушкина убили! Почему я тогда прошёл мимо!? Теперь не увидимся... Он уже в могиле... Пиши! Я буду диктовать... Сейчас, сейчас... Записывай – «Тени Пушкина».

Торопливо переноса пером на бумагу отрывистые слова, вылетающие из уст поэта, Дмитрий конечно же не мог предположить, что его рука выводит чернильные строки, которые в печатном виде Пушкинской темой откроют сборник народных песен «Српско огледало» («Сербское зеркало»):

*Всё, что может совершить героизм,
На алтарь чудесный я слагаю,
Посвящаю я светлому праху
Твоему, певец счастливый
Своего великого народа.*

На следующий день русский посол, будто чувствуя личную вину перед Негошем, сам привёз визу в отель. Моментально собрались в дорогу. Занемогшего правителя усадили в крытый экипаж, Каракорич примостился рядом. Свитские чины, развлекавая венцев экзотическими нарядами, расселись по возкам. Поехали! Двигаться гостям царя предписано было на Варшаву, далее – в Вильно, а во Пскове приготовиться к торжественному въезду в Петербург.

Глава XIII. Визит к дяде

Когда миновали Краков, отличные шоссе австрийских владений сменились ухаби-стыми, раскисшими от февральского снега дорогами. Впереди и сзади архиерейского поезда скакали верховые – своя стража и высланный навстречу почётный эскорт. За Вислой, в

сумерках, постучались в ворота большой усадьбы. Светились несколько окон бельэтажа в постройке дворцового типа. Привратник потащился к пану управляющему. В вестибюле к путникам вышел красавец-поляк, уже сказавший молодости «адъё», но о ней не забывающий. Дал путникам ночлег, польщённый тем, что знаменитый Пётр II Негош, иерарх и светский правитель Монтенегро, не проехал мимо. Непредусмотренная же остановка была вызвана дорожным недомоганием владыки.

Закат ещё тлел, когда секретарь и советник архиепископа Дмитрий Каракорич-Рус, уложив своего государя под одеяло, вышел в парк размяться. Аллея полого взяла в гору. Среди голых деревьев, на заснеженном склоне, темнел домашний костёл. Узкие окна светились изнутри сквозь витражи. Одна створка стрельчатых дверей была распахнута, приглашая гуляющих по парку. Черногорец вошёл. Внутри было светло от свечей в пятирогом шандале. Сидячие места для молящихся по оси нефа были пусты. Слева вдоль стен лежали на высоких надгробиях гипсовые Корчевские (гласили надписи латинскими буквами). Старые и молодые, несколько детей. Мужчины – в рыцарских латах и римских тогах, женщины – в платьях строгого покроя.

Ближнее к двери надгробие осталось без фигуры усопшего. Советник архиепископа машинально прочитал надпись латиницей: **ИГНАЦЫ БОРИС КОРЧЕВСКИЙ**. Игнацы, Игнатий? Где он слышал это имя? Ах, да – кажется, так называл одного из своих братьев его отец, Петр Борисович. Второе имя усопшего – Борис. Это заставило задуматься. Нет, не может быть, здесь лежит поляк, католик, а родственники Дмитрия Каракорича-Руса, по отцу, все православные. Но что-то есть общее в фамилиях Корчевский и Каракорич. Действительно, тут и там слог «кор». Черногорцы Каракоричи-Русы знали семейную легенду о четырёх братьях, разделивших перед вечной разлукой серебряное блюдо, разрубив его на четыре сектора. А сам Дмитрий (дома Дмитрий Петрович) является хранителем четверти с выцарапанной чем-то острым буквой «П». Неужели... Нет, слишком невероятно! Коснулся ладонью полированного мрамора. Камень был удивительно тёплым в промозглой усыпальнице. Дмитрию показалось, будто кто-то окликнул его. За открытой дверью костёла каркала одинокая ворона. На паперти послышался стук каблучков, вошла женщина в чёрном, белея непокрытой головой. Так одевались обычно маркитантки. Но откуда здесь представительница этой профессии? Не перекрестилась, не преклонила колена. Удалилась в тень и слилась с ней одеждами.

Дмитрий Петрович вышел из костёла, сразу вернулся и оставил на надгробии свою визитную карточку. Чтобы её не снесло потоком воздуха, придавил серебряным рублём с профилем Александра I. Монета досталась ему от отца, Петра Борисовича. Если Игнатий, со вторым именем Борис, и Пётр Борисович одного корня, то *по ту сторону бытия* монета вернётся к своему первому владельцу, уверил себя Дмитрий.

Глава XIV. Встреча поэтов

Псковский *кром*, над которым основательно потрудились время и небрежение, путники увидели на спуске к перевозу через реку Великую. Лёд в конце февраля на этой широте был надёжным. На городской стороне владыку Петра встречал губернатор Пещуров с чиновным людом. Группы любопытствующих горожан пестрели тут и там на высоком берегу под древними стенами из серого плитняка. Невиданные черногорцами храмы, с арочными звонницами, похожие на цитадели, зеленели куполами под чёрными крестами. Подслащивая искренней дружеской улыбкой неприятную новость, губернатор сообщил, что император в ближайшие недели будет с головой погружён в неотложные государственные дела. Посему честь принимать столь высокого гостя выпала ему, Пещурову здесь, на древней земле доверенной ему губернии.

– Нет, ваше высокопреосвященство, Псков не находится в тени близкой столицы. Вы будете удивлены историческими памятниками и литературным богатством этого западного форпоста старой Руси. К сожалению, и я вынужден буду время от времени оставлять вас заботам моих помощников. На мне по просьбе опеки и вдовы... Вы ведь слышали печальную новость? Да, Пушкин. Недавно предали псковской земле.

– Так Пушкин похоронен здесь, не в столице?! – воскликнул владыка.

– Да, вблизи родового имения его матушки, в Святых Горах.

– Тогда, ваше превосходительство, я прошу выделить мне провожатого. Я дал обет.

Пещуров с уважением посмотрел на черногорца.

– Понимаю вас, владыка, ведь и вы знаменитый поэт. Готов служить вам в этом предприятии. Вы, слышу, прекрасно говорите по-русски. А ваши люди? К сожалению, у нас нет толмачей, знающих сербский.

– Не беспокойтесь, господин губернатор, – вступил в разговор Каракорич-Рус, – я наполовину русский, буду переводчиком для всех.

На следующий день свиту владыки составили двое молодцев в меховых жупанах и советник Каракорич-Рус, одетый по-европейски, в зимнюю бекешу и лисью шапку с наушниками. Пещуров приставил двух жандармов для охраны гостей и разбитного чиновника. Разместились в трёх возках. Впереди поскакал верховой предупредить отца игумена, что в Святогорский монастырь следует высокий гость.

Обитель венчала самое высокое место Псковщины. Монахи, увидев издали короткий санный поезд, ударили в большой соборный колокол. Низкий звон его подхватили колокола всех монастырских церквей. Чернецы заняли свои места во дворе.

Игумен, встретив с образом в руках гостя у Святых ворот, догадался по его одеждам, что перед ним важное лицо духовного звания. Приезжий приложился к иконе, на глубокий поклон братии ответил поклоном и произнёс звучным голосом по-русски:

– Мир вам! Я приехал поклониться светлomu имени Пушкина и его праху. Покажите, где его отпевали.

Гостей провели в придел через ризницу, в которой Пётр Негош, сняв верхнее платье, облачился в ризу архиепископа. Служба началась в том месте, где совсем недавно стоял гроб с телом Пушкина. Владыка служил усердно, ему помогали священнослужители. Заупокойная песнь вышла за стены придела, растеклась по Синичьему холму. Потом игумен провёл гостей к свежей могиле на скате холма, у белой апсиды Успенского собора. Песчаный холмик покрывали еловые лапы. На сосновом кресте читалось одно слово, выведенное чёрной краской – «**Пушкинъ**».

Архиепископ опустил на колени и склонил голову, что-то шепча. Слов было не разобрать, но по ритму Дмитрий понял: это стихи, те, что он записывал в венском отеле.

Глава XV. Миссия Дмитрия Каракорича-Руса

Закончился второй месяц «Псковского сидения» черногорцев. Из Зимнего дворца на Неве не доносилось ни сигнала. В окружении Петра Негоша начался ропот: «Сколько можно терпеть царское пренебрежение! Домой, в Цетинье!» Правитель готов был уступить свите. Каракорич-Рус сдерживал, ведь архиепископу в аудиенции отказано не было. Их допустили к самым воротам Петербурга. Там, видимо, мнение иностранного ведомства не в пользу Черногории, однако похоже, император не принял окончательного решения. Надо ещё подождать.

Владыка выслушивал доводы советника, соглашался: «Ты прав, интересы Черногории должны стоять выше моего самолюбия!»

Грозовой май приблизился к своему экватору. Черногорцы коротали дни в Печерском монастыре, который архиепископ избрал своей временной резиденцией. Однажды владыка, обратив внимание «личного друга» на дождевой поток, бурлящий вокруг валуна, лукаво попросил напомнить ему одну русскую поговорку. «Под лежащий камень вода не течёт», – вспомнил сын нижегородца. Оба рассмеялись. И принялись обсуждать, как обратить внимание императора на его забытых гостей.

Ни правитель Черногории, никто из его свиты не мог самовольно появиться в столице империи без особого предписания Николая I. Таков был незыблемый регламент. Пещуров сам искал лазейку в законе, чтобы помочь братьям-славянам. Он с ними сдружился, рискуя вызвать неудовольствие государя. Наконец губернатор нащупал выход из сложного положения. Появившись в монастыре, вначале просил «наполовину русского» рассказать всё об отце, «как на исповеди». Молодой человек поведал его высокопревосходительству всё, что ему было известно об одиссее отца. Не утаил и результаты расследования графа Нессельроде.

– Вице-канцлер?! – не сдержал своих чувств Пещуров. – Это ещё та гадина! Но если допустить, что сведения этого шпиона верны, в России сын за отца не отвечает. Вы, Дмитрий Петрович, рождёны от российского подданного. Значит, таковым фактически являетесь. Не так ли? Прекрасно! Насколько я понимаю, Пётра Борисовича передали пруссакам для проведения следствия и суда и благополучно забыли о нём. У меня нет оснований, достойнейший Дмитрий Петрович, отказывать вам в паспорте, ежели вы меня об этом попросите для посещения, к примеру, столичных лекарей. Не уверяйте меня в своём богатырском здоровье! Вы ошибаетесь, ваш южный организм не в силах противостоять суровому климату севера. Вы меня понимаете? Итак, собирайтесь в столицу, к лучшим лекарям! Там осмотритесь, прикинете, как попасть на очи государя. Вы ведь несколько лет тому назад были представлены его величеству? Память у государя преотличнейшая, смею вас уверить.

И вот (замечают часовые у парадного входа в Зимний дворец) молодой человек появляется, что ни утро, на Дворцовой площади, и дефилирует вдоль царского жилища от бронзового Петра на вздыбленном коне перед Сенатом до Миллионной и обратно, *пока брежет не позвонит на обед*. Он среднего роста, худощав, с полубаками на смуглом лице; одет в цивильный сюртук, в цилиндре. Много зевак крутится здесь, подгадывая царский выезд, но этот, с тростью, больно уж подозрительно крутит головой. Не замышляет ли что? Часовой докладывает унтеру, тот – дежурному обер-офицеру и по длинной, медленной российской цепочке подозрение доходит до флигель-адъютанта шефа жандармов. Настолько медленной, что есть время рассказать, что задумали черногорцы.

План Негоша-Каракорича прост: как бы нечаянно столкнуться с тем симпатичным камергером, который в тридцать третьем году опекал царских гостей из Черногории. Любезный старичок, надеялся Дмитрий, не откажет в просьбе обратить внимание его царского величества на просителя из дружественной страны, некогда представившегося ему на прогулке в Летнем саду. Честно говоря, такой ход, по размышлению просто смешной, правитель и его секретарь не сами придумали. Пётр II подсмотрел его в повести своего кумира «Капитанская дочка». У Пещурова нашёлся список с рукописи.

Старичок всё не попадался на глаза охотника. Не умер ли?! Дважды, под эскортом лейб-казаков, проносились, грохоча на булыжной мостовой, внушительная карета с золотыми двуглавыми орлами на дверцах. Прохожие мужского пола обнажали головы или вытягивались, беря под козырёк; женщины приседали в поклоне. Только дети подпрыгивали и вопили, не считаясь с этикетом: «Ца-арь!».

Секретарь архиепископа стал уже терять надежду на камергера, как из дворца вышел и направился в его сторону гигантского роста флигель-адъютант. Подойдя вплотную, тихо произнёс:

– Его высокопревосходительство граф Бенкендорф просит вас к себе, милостивый государь. Прошу следовать за мной.

В эту минуту в кабинет шефа жандармов вошёл император. Бенкендорф стоял к входной двери спиной, опершись кулаками о подоконник раскрытого окна.

– С таким вниманием, граф, высматривают обычно гуляющих дам.

Александр Христофорович живо обернулся.

– Ваше величество! Простите, не ждал.

Николай стал рядом.

– Так что там? Твой флигель? Кого это он ведёт? Сдаётся мне, лицо знакомое.

– Не припомню. Но личность не простая, чую нюхом. Он тут, доложили мне, уже несколько дней крутится, поглядывает на окна.

Николай, в генеральском мундире, с голубой муаровой лентой через плечо, лицом суровый, усмехнулся одним горлом, не меняя выражения светлых, на выкате, глаз:

– После бунта *тиеков* всё заговорщики мерещатся? Что ж, похвально. Лучше превентивно.

– Нет, ваше величество, это не карбонарий. Скорее всего, он хочет сообщить что-то важное, но не решается. Помню, за несколько лет до четырнадцатого декабря так же вёл себя один унтер, торопясь предупредить вашего августейшего брата Александра о тайном обществе.

– Унтер-офицер Шервуд, – подсказал Николай, демонстрируя отличную память. – А нюх у тебя, Александр Христофорович, отличный. Не обладай ты им, другой сейчас бы стоял на твоём месте... Вспомнил! Личность эта – советник черногорского правителя и толмач. Да, он: тридцать третий год, Летний сад. Ты, граф, стоял справа от меня, а Негош напротив. За его спиной этот и переводил, если фраза оказывалась трудна для владыки. Интересно, что он делает здесь? Я же велел пока не пускать этих разбойников в Петербург. Давай-ка его сюда! Послушаем, послушаем.

Несколько минут спустя рослый флигель-адъютант ввёл задержанного в кабинет графа и вышел. Оказавшись перед самим императором, который стоял у камина, опершись локтём о полку, Дмитрий Каракорич не поверил своей удаче. Вместе с тем он понял, что сейчас может решиться судьба его Черногории. Необходимо взять себя в руки, быть предельно точным в выражении мыслей и кратким; вместе с тем искренним, не допускать фальши даже в дипломатической обёртке.

Граф, заняв место за письменным столом, но не опускаясь в кресло при императоре, приступил к дознанию особым вежливо-ледяным тоном. Ответив на вопросы Бенкендорфа, как он очутился в столице, и, получив разрешение изложить причину, толкнувшего его на кружение по Дворцовой площади, Дмитрий, сдерживая дрожь в голосе, обратился к царю:

– Ваше императорское величество, мой господин – правитель Черногории Пётр Второй уверен, что стал жертвой клеветы. У нас непримиримый враг – Стамбул, наш давний недруг – Вена. И один покровитель – царь великой России. Если вы отвернётесь от нас, Черногория долго не продержится в окружении могущественных соперников на Адриатике. А ведь мы православные, мы ваши дети. Умоляю, ваше величество, выслушайте его высокопреосвященство! Дайте знак, владыка мигом предстанет перед вами.

– Вот как! Так в чём, по-вашему, клевета?

– Невиновным трудно догадываться, в чём их обвиняют, государь. Может быть, правительство его преосвященства подозревают в растрате русских денег. Возможно, в какой-то двойной игре ради собственной выгоды, не знаю. И мой господин не может найти ответа...

Николай Павлович опустил в кресло у камина, дал знак графу и невольному гостю не искать правды в ногах. Гнева он не испытывал. За последние четыре года усилился поток разоблачений из ведомства иностранных дел. Якобы национально-освободительное движение сербов Црной Горы всё сильнее проникается республиканскими настроениями, по примеру итальянских карбонариев. Однако доказательства министра не подтверждались достаточно аргументировано. В швах отдельных докладов явно просматривались белые нитки. Именно это позволяло Николаю I не следовать настоятельным советам Нессельроде. Граф рекомендовал разорвать все отношения с Цетинье, не давать Негошам ни копейки, не сориться с Веной из-за балканских дикарей, будь они трижды греческой веры.

– И кто же клеветник, по-вашему? Говорите, я вам разрешаю. Ну же, смелее!

– Министр.

– Граф Нессельроде? Это серьёзное обвинение в адрес моего вице-канцлера. Вы отдаёте отчёт в своих словах, сударь? Что же толкает, по-вашему, столь высокое лицо империи вводить в заблуждение своего государя?

– Неистребимое австрофильство ваше величество, об этом во всех столицах говорят. Граф – личный друг Меттерниха. Они презирают Черногорию. Моя страна для них – плевок на карте Европы. Растереть, чтобы не портила картину континента и не мешала кое-кому эту картину переписывать себе на пользу.

– Интересно выражаете свои мысли, молодой человек. Ах, да, вы ведь в советниках у знаменитого поэта. И всё-таки вы не сказали, у вас есть доказательства или всё это ваши догадки, основанные на том, о чём «во всех столицах говорят», как вы изволили только что выразиться.

– Есть, ваше величество, только я не смею без разрешения моего господина излагать их где бы то ни было. Но я сейчас могу со всей ответственностью утверждать и привести доказательства своей правоты, что действиями графа Нессельроде руководит личное чувство мести.

Николай Павлович и Александр Христофорович переглянулись. Глаза императора не сулили ничего доброго.

– Пусть вы и подданный другого государя, я приказываю вам говорить, и только правду.

«А, будь что будет!», – в отчаянии, что зашёл слишком далеко, решил Каракорич-Рус и рассказал о давнем ужине у графа и графини на Мойке у Певчевского моста. К его удивлению, выражение глаз императора смягчилось.

– Вот что, сударь, я приму решение позже. Возвращайтесь во Псков. Дежурный офицер вас проводит.

Оставшись наедине, царь и шеф жандармов, согласились, что в словах секретаря владыки Черногории немало правды. Затем обменялись мнениями о вице-канцлере.

Николай:

– За ним нужен глаз, он становится слишком самостоятелен. Понимаю, корректировать политику необходимо чуть ли не ежедневно. Но за моей спиной! Граф служит мне исправно и в то же время не упускает случая услужить австрийцам. Это что, немецкая солидарность? Или нежелание нанести вред личному другу, Меттерниху?

Бенкедорф:

– Я сам немец, ваше величество. Только я – немец русский. Служа вам, мой государь, я служу России. А граф – немец немецкий. Он присягнул вам, императору, и, как истинный немец, останется вашим верным слугой. Но разве слуга не лукавит перед хозяином, не

подчищает незаметно его карманы? Он вынужден служить и России, поскольку уверен (не посчитайте это за лесть), что Россия и вы – одно целое, как, к примеру, человек и его ботфорты. А ботфорты можно заменить на другие, можно временно снять, чтобы вытряхнуть камешек. Вот он, как верный слуга, заботящийся о самочувствии хозяина, обнаружил такой камешек под названием Черногория и пытается его вытряхнуть, тем более, что лучший друг из Вены советует.

Николай:

– Да, он по-своему понимает мою пользу и не совсем не прав. Согласись, Александр Христофорыч, в голом политическом плане для России дружба с Веной важнее, чем с Цетиныем. Только, думая об этом, я думаю как православный, как русский, хотя, честно говоря, не меньше немец, чем ты. Черногории надо помогать. Никто не знает, что будет через сто лет. Владыка человек образованный, истинный европеец. В его окружении немало людей, правителю под стать. Возьми хоть этого молодого наглеца (ишь, разошёлся!). Но чёрный народ! Посмотри только на их рожи! Головорезы! Если кто из авторитетных крикнет там «республика!», сейчас начнут и членов династии, и воевод кривыми ножами резать, оскаленные головы на башнях развешивать. Все венские конгрессы им нипочём. Вообще эти сербы, все наши балканские «братушки» – публика опасная. Не будем держать ухо востро, в такую бойню втянут, что от нашей великой России одни рожки да ножки останутся... Ладно, огорчим нашего Карлушу: вели впустить Негоша в Петербург.

Николая Павловича никто за Кассандру не принимал, но (вот факт для размышления) он предчувствовал 1914 год из 77-летней дали.

Пока Дмитрий Каракорич тащился во Псков на почтовых, его обогнал фельдегер. Так что секретарь архиепископа только пересел во встречный конный поезд черногорцев. 18 мая 1837 года правящий архиепископ Црной Горы вторично въехал в стольный град Петра, своего небесного покровителя. В дневнике Дмитрия Каракорича-Руса об этом событии всего три слова: Добрались. Слава Богу!

Глава XVI. Борис Андреевич Корнин

В доме Корниных царила суматоха. Родители ждали старшего сына, дети – брата, вечные домашний учитель и гувернантка – первого из своих пяти питомцев. Челядь гадала, каким стал наследник имения, молодой барин сейчас, а завтра хозяин. Возвращению племянника *в отечески пенаты* радовалась Татьяна Борисовна потому что любила всех ближних. Золоторёв прибывал в приятном предвкушении встречи с тем, кто в отрочестве проявлял не детский интерес к горной промышленности. Каков теперь Борька?

О выезде из Ивановки в направлении новой вотчины Корниных выпускника немецкого университета сообщила письмом, посланным нарочным, Антонина Борисовна. Племянничек, тётку раньше в глаза не видевший, свалился ей как снег на голову, дай Бог ему здоровья. Родственным мимолётным визитом не ограничился. Обошёл маленькое хозяйство, во все углы остренький материнский нос сунул, её светлыми, под высокими дужками бровей, глазами всё внимательно смотрел. Будто основательный, поживший среди бездельных и вороватых мужиков помещик, немало недочётов выявил. Кого на конюшню пороть послал, кто из них барской зуботычиной отделался. Старосте Силантию позволил выбрать: или тот добровольно вернёт барыне краденные деньги или, после порки на конюшне, в пастухи пойдёт. Пойманный за руку вздохнул и открыл кубышку. На старость лет Антонина, довольствуясь рентой от брата, дела забросила, обленилась. Всё больше у окна сидела, с видом на пруд, или поглядывала с крыльца, не едет ли кто со стороны Волги.

Так что не ката в мешке в Борисовке ждали. По дому толково распоряжалась Александра Александровна. Все у неё были в деле. Только хозяин продолжал, как ни в чём не бывало, свой ежедневный труд в хозяйствах имения. Предстоящая встреча с сыном, не казавшим носа домой почти восемь лет, и радовала его и несколько тревожила. Каким стал наследник, что у него на уме, как уживутся с ним в доме? А, может быть, и уживаться не придётся. Покрутится среди деревенских, заскучает по городской жизни и махнёт в какой-нибудь «бурх».

Просёлок, соединяющий Борисовку с внешним миром, тянулся вдоль берега реки. Высматривать Корнина-сына снарядили на лиственницу при въезде в усадьбу дворового мальчишку. Наконец тот завопил: «Еду-ут!».

Четвёрка шла на рысях. Ближе, ближе; и вот сытые звери, не меняя аллюра на подъёме, врываются в распахнутые ворота. Запищало на крыльце высокими голосами сестринское трио. Взрослые и Александр посыпались с крыльца навстречу экипажу. Кучер так лихо притормозил, с разворотом, что встречавшие чуть не оказались под колёсами. Дверца крытого кожей экипажа распахнулась и сошёл на землю с солидной медлительностью молодец, ростом с отца, но сухощавый – в Хруновых, позволил себя обцеловать, затискать, оглушить приветствиями, затащить на крыльцо. Там решительно отстранился сразу от всех и «корнинским» баритоном пророкотал:

– Ну, родные мои, будет, будет... Где тут у нас банька, мать?

– С утра топим. Соскучился поди в своих германиях. Ванька, прими у молодого барина верхнее!

Взгляд Бориса зацепился за брата.

– Сашка! Это ты, чёрт долговязый? Да меня перегоняешь! Ладно, на радостях прощаю. Веди в баньку.

– Составлю вам компанию, – подал голос Степан Михайлович из-за спин родни, почёсывая надо лбом уже совсем голое место.

В ожидании обеда Андрей Борисович прошёл в библиотеку, смежную с его кабинетом. Под неё приспособили большую комнату с три окна на северную сторону. Открытые, до потолка, книжные полки занимали три стены, оставляя свободными прорези для дверей; в простенках висели пейзажи знаменитого на Урале и в Сибири живописца Сергея Скорых, которые Корнин недавно привёз с Нижегородской ярмарки. Посреди залы стоял круглый стол полированного дуба с приставленными к нему удобными стульями. На голой столешнице лежали неподъёмный Атлас и толковый словарь русского языка, изданный Российской академией при Екатерине Великой.

Это тихое, уютное помещение Андрей Борисович любил более других в доме. Нередко работал здесь с хозяйственными книгами и счетами, когда шумливые барышни Катенька, Дашутка и Варюша заканчивали выбор романов и несли их *пред светлые очи* матушки, домашнего цензора. Сашка, увлечённый чтением, забирался с выбранной книгой с ногами на угловой диван, отцу не мешал.

Бывший артиллерист пристрастился к чтению после того, как уловил выражение превосходства в глазах старшего сына накануне его отъезда в Петербург. Они спорили на какую-то отвлечённую тему. Начитанный юнец, что ни реплика, брал верх над отцом. Тот случай заставил Андрея Борисовича пристально посмотреть на себя. У него даже гувернёра не было по бедности батюшки. Его университетом стали артиллерийская школа, да родная пешая рота лёгких орудий. Читать в военных походах не приходилось. Потом хозяйство затянуло так, что ночью снилось недоделанное днём. Конечно, не весь изначальный деревенский опыт забылся под офицерским кивером. И помогала природная смекалка. По мере того как разрасталось и усложнялось хозяйство, всё чаще приходилось обращаться за советом к учёным

агрономам да садовникам, а на скотном дворе любой коновал по сравнению с ним оказывался академиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.